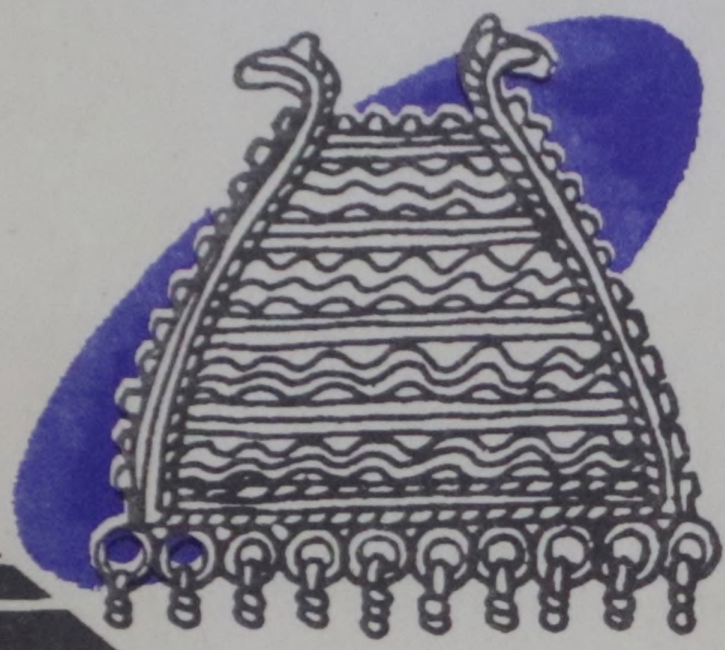
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

1–2.1998

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 1998, № 1-2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К. Н. САНУКОВ (главный редактор),
Ю. В. Андуганов (зам. главного редактора),
В.Е. Владыкин, Ю. А. Зеленеев (отв. секретарь),
А. Г. Иванов, М. Г. Иванова, А. Д. Каксин, В. К. Кельмаков,
Г. М. Керт, Н. Д. Конаков, В. Г. Кудрявцев, Т. Л. Молотова,
В. В. Напольских, Т.Б. Никитина, А. Н. Ракин, В. В. Седов,
В. С. Соловьев, Д. В. Цыганкин

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

©**НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ**, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

И. Добродомов Об одном буртасском слове жгонского языка на постмерянской территории 4

Н. Лыскова Посессив как глубинный падеж (на материале обско-угорских языков) 12

К. Руденко. Об одном рисунке на бронзовой чаше из древнемарийского веселовского могильника 25

СООБЩЕНИЯ

И. Плосков. К вопросу об особенностях коми рассказов-быличек (поверье и быличка) 38

Э. Лебедева Об изучении марийских пословиц и поговорок в лингвистическом аспекте 45

В. Соловар Соматическая лексика хантыйского языка (на материале казымского диалекта) 51

ФИННО-УГОРСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В МУЗЕЯХ МИРА

И. Лехтинен. Финно-угорские коллекции в Национальном музее Финляндии 57

И. Васкул, Т. Пьянкова Национальный музей Республики Коми 67

Н. Большова, Т. Молотова. Уникальные этнографические коллекции Национального музея Республики Марий Эл им. Т.Е. Евсевьева 84

М. Сурина Музеи Мордовии 94

Т. Мишшяхметова Этнографическое изучение финно-угорских народов Республики Башкортостан (на материале коллекций Музея археологии и этнографии) 104

Н. Волокославская, О. Данилова, И. Павлова. Олонецкий национальный музей 110

Х. Сарв. Отражение мировоззрения финно-угорских народов и истории их расселения в выставках Эстонского национального музея 117

И. Лехтинен. Научные курсы финского языка и этнографии 123

ПЕРСОНАЛИИ

К. Куликов Иван Васильевич Тараканов – человек и ученый 127

В. Рыбалка Габору Берецки - 70 лет 136

Т. Молотова. Вклад И. Лехтинен в финно-угорскую этнографию 139

С. Николаев, Л. Никонова Знакомьтесь – этнографы Мордовии (к 65-летию НИИЯЛИЭ при Правительстве Республики Мордовия) 147

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ю. Андуганов. Рец.: П.М. Зайков. Глагольное словоизменение в карельском языке (грамматические категории лица-числа, времени и наклонения). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Петрозаводск, 1996, ... 155

И. Тараканов. Рец.: М.В. Ямбулатова. Суффиксы с залоговым значением и проблема категории залога в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Йошкар-Ола, 1996 159

Г. Соколова. Рец.: Contacts de langues et de cultures dans l'aire baltigue. – Uppsala: Centre for Multiethnic Researche - Uppsala University, 1996. - 150 p. (Контакты языков и культур в балтийском регионе. - Упсала: Центр мультиэтнических исследований – Университет г. Упсала, 1996. - 150 с.) 164

А. Юнтунен. Рец.: К.И. Куликов. Дело "СОФИН". Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 368 с. 171

В. Никитин, Т. Никитина. Рец.: Археология Республики Коми. (Отв. редактор д.и.н. Э.А. Савельева). М., 1997. 760 с. 173

ХРОНИКА

И. Галкин. Научная конференция "Финские ученые о языке и культуре марийского народа" 184

Б. Каракулов. Международная конференция по духовной культуре финно-угорских народов 193

И. Садовин. Культурная и научная жизнь финно-угорского мира за 1997 год 196

Сведения об авторах 201

СТАТЬИ

Игорь Добродомов
Москва

ОБ ОДНОМ БУРГАССКОМ СЛОВЕ ЖГОНСКОГО ЯЗЫКА НА ПОСТМЕРЯНСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Известный исследователь условных языков (жаргонов, арго) русских ремесленников и торговцев В.Д. Бондалетов в своем труде "Условные языки русских ремесленников и торговцев" зафиксировал своеобразное слово *школуха* "корова" (1, с. 98), которое обычно в других собраниях арготических и диалектных слов представлено в акающей форме *шкалу́ха*.

Жгонское название коровы *шкалуха* весьма легко отождествляется с марийскими соответствиями: лугов. *ушкал* и горн. *ышкал* с тем же значением, хотя иногда трудности этимологизации преувеличиваются: "Некоторые слова [жгонской речи] имеют несомненно финно-угорское, но с трудом определяемое точное происхождение; таково жгонское *шкалуха* "корова", которое можно объяснить из мордовского *скал*, марийского *шкал* (горн.), *ушкал* (лугов.) (наиболее вероятно горномарийское *шкал*), удмурт. *скал*" (2, s. 448).

Другие исследователи той же жгонской речи Костромской области отмечают и производные: "*Шкалу́ха* 'корова'; *шкалу́хин* 'коровий', *шка́льское* 'молоко', *шкалёнок* 'теленок'; марЛ *ушкал*, марГ *ышкал* 'корова'; ср. морд., удм. *скал* "то же" (2, s. 448)".

Любопытно, что исследователи жгонского языка не обратили особого внимания в этом языке на другое название коровы *жу́кола*, сильно уклоняющееся фонетически как от жгонского же *шкалу́ха*, так и от его финно-угорских соответствий, но при всем том сохраняющее несомненное сходство с ними. Это тем более любопытно, что жгонское *жу́кола* (с вариантами) имеет гораздо более широкое распространение и не только у жгонов.

В этом отношении интересны многообразные варианты жгонского названия коровы, записанные в 1957-1968 гг. в Макарьевском районе Костромской области, *жи́гла* (также в Мантуровском Костромской области)

жукла́, жуко́ла, жыко́ла (а также в Ветлужском районе Горьковской области), *жиклу́ха, жогу́лька, жо́гла, жуко́лька*. Любопытны здесь же название быка *жу́кла* (при *жукла́* "корова"), а также производные: *жуклёнок* (также в Ветлужском районе), *жукля́тина* "говядина", *жуко́лошник* "пастух, двор", *жуко́льщик* "пастух", *жуко́льский* "коровий".

Весь этот материал, взятый из того же "Словаря жгонского арго", напечатанного в приложении к книге В.Д. Бондалетова "Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство", нуждается в проверке, поскольку опубликованная здесь же "Хрестоматия. Тексты на жгонском языке" содержит жгонские фразы: "Сизи́менький *жуколёнок* - Маленький телёнок" и "Жуко́лошник хлит *жуко́лок* - Пастух гонит коров", - в которых восстанавливаются слова *жуколёнок* "теленок" и *жуко́лка* "корова", не попавшие в таком виде в сам словарь (1, с. 102).

В книге В.Д. Бондалетова "Типология и генезис русских арго" (Рязань, 1987, с. 36-37) указывается как характерный пример переноса из жгонского языка Костромской губернии на рубеже XIX-XX вв. в "латынский язык" ремесленников Мордовии, Пензенской и Рязанской областей название коровы *жуко́ла*, изменившееся в *жуко́вка*.

С этими жаргонными словами соотносятся названия коровы *жуко́вка* и молока *жукла́, жуко́вкина* в арго ремесленников с. Вичутка Пензенской области по записям 1990 г., где произошло сближение со словом *жук*, возможно, в результате фонетического смешения *л* и *в* через ступень *ў* перед согласным, хотя не исключено и чисто народно-этимологическое сближение, которому не чужды и филологи, о чем речь пойдет дальше (3, с. 154).

Н.Н. Виноградов в статье о жгонском языке Приветлужья отмечает *жуколка* "свинья", но это семантическое уклонение скорее обязано ненадежности материала, чем реальному развитию значения (4, с. 97).

Слово *жу́кола* с производными также хорошо известно и в русских народных говорах, причем зафиксировано там уже с самого начала сбора русских "провинциальных слов" в 20-е гг. XIX в.

Уже в одном из ранних опытов собирания русских диалектизмов ("провинциальных слов") находим интересное костромское слово из города Нерехты и его уезда: "Жу́кола - корова", которое было перенесено четверть века спустя в первый оставшийся неоконченным опыт сводного словаря русских народных говоров М.Н. Макарова: "*Жукола* (кстр., Нр.), корова" (5, с. 136).

В "Опыте областного великорусского словаря" (СПб., 1852, с. 58) дефиниция слова несколько уточнена: "ЖУКОЛА, ы, с. *ж*. Черная корова. Кстр. Нерех.", - что, вероятно, основывалось на уточнении священника Михаила Диева, законоучителя Нерехтского уездного училища.

В "Дополнении к Опыту областного великорусского словаря" (СПб., 1858, с. 51) это же костромское слово дано с новым уточнением, но только в форме множественного числа: "ЖУКОЛЫ, ъ, *с.ж. мн.* Телята, рожденные в феврале. Костр."

Трудно сказать, отражает ли разница в дефинициях слов действительные семантические расхождения или же только влияние ситуации, реального контекста на конкретное употребление слова. Во всяком случае, здесь четко проявляется реальная жизнь слова с его семантическими пульсациями в контексте.

В.И. Даль из трех разных дефиниций слова выбрал одну и включил слово *жу́кола, жуко́лка* с несколько необычным колебанием ударения в свой словарь на основе сомнительных этимологических соображений в гнездо *жук* как костромское *жу́кола, жуко́лка* "черная корова", так и слово без территориальной приуроченности *жуклёнок* "малый ребенок" с примером: *Все ушли на работу до последнего жуклёнка* (6, с. 547).

В сводно-академическом "Словаре русских народных говоров" (7, с. 224-225) в силу воздействия на составителей этимологической рефлексии в связи со словом *жук* порядок следования значений едва ли оправдан:

"ЖУ́КОЛА. ы, *ж.* 1. Насекомое, жучок. *Жу́кола – оно светок выпивает, в ней самый сок светошный.* Урал. 1956.

2. Черная корова. Нерехт. Костром., 1852. *По Заволжью, особенно Костромскому, жуколами зовут всех черных коров.* Печерский, На Горах. Корова. Нерехт. Костром., 1820 // Корова, забеременевшая во время первого сгона в поле. *На святого Вукола* (6 февраля) *телятся жуколы.* Костром., Даль. Влад.

3. Ж у́ к о л ы. *мн.* Телята, рожденные в феврале. Костром., 1858".

"ЖУ́КОЛКА и ЖУКО́ЛКА, и, ж. 1. Ж у́ к о л к а. Уменьш. к жукола (в 1-м знач.). *Вон какая-то жуколка ползет.* Влад., Слов. Акад. 1898. Ветл. Костром., Урал.

2. Уменьш. к жукола (во 2-м знач.) ▭ Жуколка. Нижегор., Симб., Слов. Акад. 1898. ▭ Ж у к о л к а. Кинеш. Костром., 1846. Костром., Переяслав. Влад." (7, с. 224-225).

По устному сообщению И.В. Лебедевой, в диалектологической картотеке Костромского пединститута зафиксировано своеобразное название коровы *жухра́* в Макарьевском районе, а также как элементы жгонской лексики *жи́кла, жу́ковка* (Мантуровск.); *жуко́вка, жоку́ла* (Нейск.) с тем же значением.

Соображения В.И. Даля оказались реализованными и в автореферате кандидатской диссертации Е.А. Косых "Названия мастей животных в русском языке" (М., 1994, с. 3,9), а также в статье Е.С. Павловой (8, с. 118).

В развитии семантики слова *жукола, жуколка* проявилась та же мо-

дель, что и в более известной паре *корова → божья коровка*, но вторичное сближение малоизвестного в русском языке слова *жукола, жуколка* с общеизвестным названием насекомого *жук* создало народноэтимологическую иллюзию производности от последнего, что нашло отражение в "Толковом словаре" В.И. Даля, в сводном "Словаре русских народных говоров", а также у многих лиц, на эти словари опиравшихся. Реальную картину развития значения у слова *жукола, жуколка* дает лишь неоконченный "Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук" (т. II, вып. 2, СПб., 1898, стб. 609).

"ЖУ́КОЛА и ЖУКО́ЛА, ы, *ж*. Черная корова, Костромск. г. / Печерск. На горах II, 159) // Корова. Нерех. (Тр. Л.С. 1820) // Корова, обходившаяся во время первого сгона в поле. *На св. Вукола* (8 февраля), *телятся жуколы* (коровы обходившиеся со сгона). Костром. (Послов.Даля). *С Вукола, как те́лятся жуколы, вплоть до поздней весны стал он разъезжать по ближним и дальним местам и скупал двух- и трехнедельных бычков почти за бесценок*. Печерск. На горах. // Жу́колы – телята, рожденные в феврале. Костром.".

"ЖУ́КОЛКА и ЖУКО́ЛКА, и, *ж*. 1. Ласкат. от жукола. Жуколка: Кинеш. // Черная корова. Переясл. (Бодров), Буйск. (прог. № 18). Жуколка: Нижегор. и Симб. (Ляпунов)"; 2. Небольшое жукообразное насекомое. *Вон какая-то жу́колка ползет*. Владимир. г. (Черныш.). *Я всегда находил* (в желудке вальдшнепов) *только что проглоченных мошек, больших комаров, сумеречных бабочек и летающих жуколок*. (напеч. жукалок). С. Акс. Зап. руж. ох. - Ср. ж у к о л и ц а".

Этимологические сближения *жук - жукола* у В.И. Даля настолько не удовлетворили М.Р. Фасмера, что он даже не счел нужным их упомянуть, предпочтя зачислить известное ему по упоминанию у П.И. Мельникова (А. Печерского) слово *жукола* в число темных: в немецком издании "Этимологического словаря русского языка" М.Р. Фасмера содержалась краткая неутешительная статья "ЖУ́КОЛЫ мн. 'коровы' (Мельников). Темное слово" (9, с. 431).

Откликаясь на недоумения М.Р. Фасмера, известный финский тюрколог Мартти Рясянен писал по поводу загадочного русского слова *жуколы*, которое, по его мнению, было связано с волжско-финскими названиями коровы (марийск. *škol, škal, uškal*, морд. *skal*, удмуртск. *iskal, əskal, səkal*): "Очень интересное слово, которое освещает вопрос, откуда волжские финны познакомились с разведением крупного рогатого скота (10, s. 422). Б. Мункачи объясняет его в качестве кавказского сложения из *us, is* 'бык, вол' и *kal, kval* 'корова', т.е. 'бык – корова'" (11, s. 619).

М.Р. Фасмер в дополнениях уже смог сослаться на этимологические соображения финского коллеги о финно-угорских истоках русского сло-

ва, что и нашло безоговорочное отражение в русском издании словаря: "*жу́колы* мн. 'коровы' (Мельников). Рясянен (Festschr. Vasmer 422) сравнивает с мар. *škal* 'корова', морд. *skal*, которое Мункачи производил из кавказских языков" (12, с. 65).

При всей заманчивости этимологических сближений М. Рясянена остаются нерешенными многие вопросы, из которых главный состоит в том, что трудно объяснить возникновение в русском арготизме-диалектизме *жу́кола* ударного гласного *у́* между глухими согласными начального сочетания *ск* (> *шк*) и озвончение анлаута.

На эти вопросы можно дать удовлетворительный ответ, только выяснив этимологию названия коровы в волжско-пермских языках, при этом учитывая то обстоятельство, что оно едва ли может быть, строго говоря, названо собственно волжско-пермским словом, будучи лишь словом волжско-финских языков (марийских, мордовских) и ареально близкого к ним удмуртского и оставаясь неизвестным другим пермским (коми-пермяцкий, коми-язьвинский, коми-зырянский).

В лексическом отделе вступительного тома коллективного труда "Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков)" (М., 1974, с. 429) на основе мордовского (эрз. и мокш. *скал* "телка"), марийского (*ышкал, шкал, ушкал*) и удмуртского (*ыскал, сыкал*) материала восстанавливается финно-пермская праформа **uskalɛ* 'корова', но последняя форма вызывает сомнения как основанная преимущественно на марийском материале, где начальный гласный скорее выглядит как протетический.

Обращает на себя внимание тот факт, что в рассматриваемом "волжско-пермском" ареальном названии коровы устойчивой является конечная часть *-кал*, для которой Б. Мункачи искал кавказский источник, хотя происхождение этого слова на кавказской почве для него оставалось неясным. Дело в том, что этот элемент имеет гораздо более широкое распространение, чем это казалось венгерскому исследователю.

Во второй части можно было бы видеть слово типа осетинск. *гал* 'бык, вол' как обозначение крупного (рогатого) скота с семантикой 'бык-самец', которое прослеживается в персидском (*kal* 'буйвол', диал. *kal* 'бык'), азербайджанском (*kal* 'буйвол'), дагестанских (дарг. *gāl*, *кьял*, лезг. *kal* 'корова') и картвельских (груз. *xari* 'бык') языках и которое В.И. Абаев едва ли справедливо выводит из кавказского субстрата подобно осет. *бæх* 'лошадь' (13, с. 506). Кавказский источник для персидского слова, которое в современных словарях подается в форме كَل *кал* со значениями: 1) самец (быка, буйвола, барана, козла), 2) безрогий баран, 3) антилопа, - выглядит несколько странным.

Первая часть этого сложения скорее соотносится с аланским назва-

нием рога типа осетинск.: иронск. *сы* (чаще в аффиксальной форме *сыкъа*), дигор. *сив æ*, но на более старой стадии огласовки **сy* (**шy*), что имеет хорошие соответствия при учете того обстоятельства, что на восточно-иранской почве начальное сочетание согласных *sr-* подвергалось упрощению в *s-*: перс. *Suru*; пехл. *sruw, sruk*; белудж. *sro, srong*; курд. *stroh*; афган. *šar*; памирск. руш. *šaw*; идга *šu*; хорезм. *šw*; согд. *sry* и т.п., сюда же другие индоевропейские названия типа лат. *cornu*, др.-в.-нем. *horn*, греч. *kερas*, а также названия рогатых животных типа русск. *серна*, латыш. *sirnas*, а также лит. *karve* и рус. *корова* (в кентумном облике) (14, с. 179-181).

Весьма вероятно, что это региональное название коровы распространялось с юга из зоны мордовских языков на север, испытывая в марийском и удмуртском языках некоторые фонетические преобразования и создавая благодаря этому фонетические варианты в пределах региона, причем любопытно, что в "жгонский язык" марийское слово попало еще без протетического гласного *шкалуха* и т.п.

Что касается русского арготическо-диалектного *жýкола*, то его связь с постмерянской территорией Костромского Заволжья позволяет видеть его источник в мерянском языке, который реконструируется как финно-угорский язык, наиболее тесным родством связанный с прибалтийско-финскими и мордовскими и (в меньшей степени) с марийским: хотя начальный звонкий *жс-* для мерянского языка О.Б. Ткаченко не восстанавливает (15, с. 78-79). Если последнее обстоятельство признать за препятствие для выведения костромского арготическо-диалектного названия коровы *жукола*, то следует это слово выводить непосредственно из того же ирано-аланского первоисточника, из какого выводится мордовское *скал* с его продолжателями в марийском и удмуртском языках. Представляется вполне допустимым, что таким языком мог быть буртасский язык, аланская природа которого доказывается целым рядом иранских слов в языках и топонимии Среднего Поволжья (16, с. 64-70).

Несколько обескураживающим представляется звонкость начального согласного в *жукола*. Но есть некоторое основание предполагать, что в буртасском языке происходило озвончение анлаута, как это имело место в этнониме *буртас* (ср. осет. *furd / ford* "река" + *as* "алан" = "речные аланы") (17, с. 119-129) или в слове *бандура* (осет. *fändyr / fändur*), хотя в данных словах изменение *f > b* можно отнести на счет тюркского посредства, что и было высказано (18, с. 118-123).

Некоторую параллель к ареальному волжско-пермскому названию коровы типа морд., удм. *скал*, мар. *ушкал*, русск. аргот. *жукола* представляет индоевропейское по происхождению волжско-пермское название быка, бычка **uška / oška*, восходящее к названиям типа нем. *ochs*, англ. *ox*, др.-инд. *uksan-*, авест. *ušxan*, тохар. В *okso* и т.п. и имеющее соответствую-

щие индоевропейские параллели в картвельских и тюркском (*ökü̈z ~ oquz* 'бык, вол') (19, с. 154-158).

К волжско-пермскому материалу (мар. *ӱшкӱж, ӱшкыж*, коми-перм. *öшка*, коми-зыр. *öш*, коми-яз. *oška*, удм. *ош* с раннепермской праформой **üška*) (20, с. 213), восстанавливая финно-пермскую праформу **eškɛ* или **üškɛ* 'бык, вол', иногда добавляют финск. *hieho, hiehvo, ehko*, эст. *õhv* (*õhva*) 'телка', против чего решительно возражал А. Йоки (21, s. 344). Названия коровы и быка, проникшие к волжским финнам и пермянам, никогда в этих языках не смешивались.

В заключение необходимо четко подчеркнуть, что иранские по своей глубокой этимологической связи жгонские названия коровы *шкалуха* и *жукола* представляют собой этимологические дублеты, первый из которых прошел через мордовское и особенно марийское посредство, а второй, вероятно, восходит прямо к буртасскому языку, но сохраняется на постмерянской территории, ярко демонстрируя сложность судьбы переплетения субстратных и бродячих слов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондалетов В.Д.* Условные языки русских ремесленников и торговцев. Рязань, 1980.
2. *Попов А.И.* Финно-угорские языки и лексика русских говоров // Studia slavieca Academiae Scientiarum Hungaricae, tomus X, fasc. 3-4. Budapest, 1964.
3. *Бондалетов В.Д.* Финно-угорские заимствования в русских арго. Самара, 1992.
4. *Виноградов Н.Н.* Жгонский язык. Условный язык при-Ветлужья, Костромской губ. // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук 1918, т. XXIII, кн. 1-я. Пгт. 1919.
5. Слова, употребляемые жителями города Нерехты и его уезда, собранные Смотрителем тамошнего Училища Яковом Шульгиным // Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете, ч. XX. Летописи Общества, год V. М., 1822 (напечатано 1820).
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956.
7. Словарь русских народных говоров, вып. 9. Л., 1972.
8. *Павлова Е.С.* Имена существительные с суффиксом *-ol-* в истории русского языка // Этимология 1991-1993. М., 1994.
9. *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Heidelberg, 1953.
10. *Räsänen M.* Altaisch und Uralisch im "Russischen Etymologischen Wörterbuch von Max Vasmer"// Fetschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag [Berlin, 1956].
11. *Munkácsi B.* Arja és Kaukazusi elemek a finn-magyar nyelvekben, I Magyar szójegyzék. Budapest, 1901.
12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. III. Москва, 1967.
13. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т.1, М.-Л., 1958
14. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. III. Л., 1979.
15. *Ткаченко О.Б.* Мерянский язык. Киев, 1985
16. *Добродомов И.Г.* Буртасский язык - исчезнувший аланский диалект в Среднем Поволжье // Uralo-indogermanika. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-ей балто-славянской конференции 10-22 июля 1990 г., ч. II. М., 1990.
17. *Добродомов И.Г.* Этимология этнонима "буртас" // Ономастика Поволжья. Саранск, 1986

18. *Добродомов И Г.* Бандура // Этимология 1982. М., 1984.
19. *Климов Г А.* Картвельское **usx(o)* 'бык (жертвенный)' -индоевропейское **uks-on-* // Этимология 1991-1993. М., 1994.
20. *Лыткин В И , Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
21. *Joki A.* Uralier und Indogermanen // Memoires de la societe finno-ougrienne. Helsinki, 1973.

Igor Dobrodomov

ABOUT ONE BURTASS WORD OF ZHGON ON POSTMERYAN TERRITORY

Zhgon names of a cow *shkalukha* and *zhukhola* have deep etymological Iranian relation and are etymological duplicate, from which the first one endured Mordvinian and especially Mari Influence and the second one probably goes up to the Burtass language, but is preserved on Postmeryan territory, demonstrating the complicated life of substrate and roaming words.

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2

Нина Лыскова
Санкт-Петербург

ПОСЕССИВ КАК ГЛУБИННЫЙ ПАДЕЖ
(на материале обско-угорских языков)

В уралистике достаточно полно освещена категория принадлежности в синхронном плане (1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8). В течение ряда лет исследователи акцентировали внимание на проблемах лично-притяжательной суффиксации. Такой подход к категории посессивности является оправданным на первых этапах описания языков. Известно, что существуют языки, не имеющие специальной морфологической категории посессивности. Однако значение принадлежности отмечается во всех языках (9; 10; 11). Так, К. Писаркова описывает грамматическое поле (грамматические средства) и семантическое поле (лексические средства) польского языка. В целом посессивность рассматривается ею как семантико-грамматическая категория (12). Э. Гаал не ограничивается анализом морфологической категории лично-притяжательности в венгерском языке. Он описывает посессивные отношения на разных уровнях, используя такие средства, как морфемы, лексемы, синтагмы (13). Н.Н. Колпакова исследует посессивность в венгерском языке с новых позиций, более современных и перспективных – с точки зрения принципа функционально-семантического поля (14). За отправной момент принимается семантическое отношение принадлежности или обладания, которое является универсальным, поскольку находит свое отражение во всех языках (15, с.3-4). Функционально-семантические поля – "это языковые группировки, которым присущи следующие черты: 1) наличие у языковых средств, входящих в данную группировку, общих инвариантных *семантических* функций; 2) взаимодействие не только однородных, но и разнородных элементов – грамматических и лексических; 3) структура, в которой определяющую роль играют следующие признаки: а) членение "центр (ядро) – периферия"; б) постепенные переходы между компонентами данной группировки; 4) частичные пересечения, "общие сегменты" (16, с. 204). Ролевой подход предполагает использование принципа "от функции к форме" или "от содержания к форме" (17, с. 14-16; 18, с. 80-81).

В данной статье анализируется *посессив* как семантическая роль (глубинный падеж, аргумент, или семантическая функция). Согласно падежной грамматике Ч. Филлмора (и его последователей) описывается система глубинных падежей обско-угорских языков (19). В названной системе посессив рассматривается как один из атрибутивных аргументов (19, с. 58-60). Семантическая роль посессива освещается с учетом теории функционально-семантического поля. Сначала характеризуется центр глубинного падежа *посессив* (семантический анализ + грамматический анализ), затем – периферия посессива (семантический анализ + грамматический анализ).

I .ЦЕНТР ПОСЕССИВА

1. Семантический анализ

Посессив – аргумент со значением обладателя. Данный аргумент включает как одушевленные, так и неодушевленные семантические роли.

Доминантой семантического содержания категории посессивности является *общая принадлежность*. Семантическое содержание отношений атрибутивных посессивных конструкций включает разнообразные (неоднородные) значения, которые составляют 5-6 основных групп: 1) часть – целое; 2) собственно обладание; 3) носитель – свойство; 4) причина – следствие; 5) член класса к классу; 6) действователь – действие.

Каждое из данных отношений можно детализировать. то есть могут иметь место частные варианты. Например, отношение часть – целое можно рассматривать как: а) живое существо – часть его тела; б) растение – его часть; в) предмет неживой природы и его часть. Неоднородность посессивных отношений отмечается многими исследователями. Выделению семантических групп также уделяется большое внимание в специальной литературе (20, с. 139-176; 21, с. 246-247; 22, с. 40).

Предметом настоящего описания является притяжательная конструкция с именным обладателем. Именно конструкции с именным обладателем наиболее полно выражают все семантические оттенки посессивных отношений. Для описания обско-угорской притяжательной конструкции с именем-обладателем мы используем классификацию посессивных отношений, предложенную Н.Н. Колпаковой, которая включает 3 основные семантические группы: 1) отношения неотторжимой принадлежности; 2) отношения отторжимой принадлежности; 3) отношения обладания или собственности.

Приведем иллюстративный материал:

1) отношения неотторжимой принадлежности:

- *человек – часть его тела:* хант. *няврэм* вещ.л; манс. *няврам* вильтэ 'лицо=его ребенка'; хант. *ацкем* ещ.л; манс. *омам* катэ 'мамы=моей рука=ее';

хант. *асем* шаншл; манс. *аскум* сысэ 'отца=моего спина=его';

- животное – часть его: хант. *мис* оңат; *мис* аньт '*коровы* рог'; хант. *лов* ух; манс. *лув* пунк '*коня* голова'; хант. *амп* лый; манс. *амп* лэг '*собаки* хвост';

- носитель – свойство: хант. *няврэм* кусы; манс. *няврам* саг '*ребенка* упрямство'; хант. *эви* амат; манс. *аги* сягт 'девочки радость'; хант. *ики* мутра; манс. *ойка* мутра '*старика* мудрость';

- растение – часть растения: хант. *сумат* нув; манс. *халь* тов '*березы* ветка'; хант. *тори* тар; манс. *пум* тар '*травшки* корень'; хант. *хул* йинтуп; манс. *ховт* юнтуп '*елки* иголка'; хант. *похаръюх* нохар; манс. *ульпа* пакв '*кедра* шишка';

- целое – часть пространства: хант. *Ас* лор '*обской* сор (заливной луг)'; *ехан* хонан 'реки берег'; манс. *посал* вата '*реки* берег'; *ус* хулы '*города* улица';

- человек – его родственник: хант. *яем* эвел 'брата=моего дочь=его'; *эви* сясел 'девочки бабушка=ее'; *ими* похет 'женщины сын=ее'; манс. *ойка* рутэ 'старика родственник=его'; *пыг* апситэ 'мальчика братишка=его'. В эту группу входят имена фольклорных героев: хант. *Ими* хилы 'внук *бабушки*, или внук *женщины*'; манс. *Эква* пыгрись 'сын *женщины*'. В разговорном языке ханты и манси используют собственные имена, представляющие собой аргументы-атрибуты посессивного характера: хант. *Олена* Мишка 'Мишка *Елены*', *Микпер* ими 'жена *Никифора*'. *Овтуп* икел 'муж ее=Евдокии'; манс. *Юван* эква 'жена *Ивана*', *Наста* Васька 'Васька Насти', *Уликси* экватэ 'жена=его Алексея', *Пекла* ойкатэ 'муж ее=Феклы';

2) отношения отторжимой принадлежности:

- целое и часть, не представляющая собой нечто неотъемлемое от целого: хант. *вул вос* хулы '*большого города* улица'; *холап* юх 'палка *для сети*'; манс. *окрот* ави 'ворота ограды', *колала* ханхтуп '*чердака* лестница';

- отношения члена класса (объединения, коллектива) к классу (объединению, коллективу): хант. *олап класс* уталтаты няврэм 'ученик *первого класса*'; манс. *китып курс* ханисьтахтанэ аги 'студентка *второго курса*';

- отношения лица к учреждению: хант. *артель* кусяй 'председатель артели', *перма* рупитты нэ 'рабочая *фермы*', манс. *ашкола* пунк хум 'директор школы', *миркол* депутат 'депутат *народного собрания*';

3) отношения обладания или собственности: хант. *яем* хыр 'брата=*моего* мешок'; *эви* ернас 'девочки платье'; *калап* сую 'оленя теленок'; манс. *кацкум* хапе '*брата=моего* лодка=его'; *акум* ось 'тети=моей сарай', *охсар* коит '*лисы* детеныши'. М.А. Журинская различает имущественное, постоянное и временное, активное и пассивное обладание (23, с. 246-247). В обско-угорских языках имеют распространение топонимы-атрибуты. Прежде населенным пунктам давали названия по имени того, кому они принадлежали, или по имени богини, которой поклонялись: хант. *Калтась* курт 'деревня Калтасьяны (букв. Деревня богини Калтась)'; манс. *Морохоп* пер-

ма 'Мороховская ферма (букв. ферма Мороховых)'. Следует отметить, что по сравнению с отношениями принадлежности отношения собственно обладания встречаются довольно редко. Термины **обладатель, обладаемое** весьма условны. В каждом отношении возможна детализация, основанная на лексическом значении компонентов атрибутивной посессивной конструкции (сумма значений компонентов). Иногда необходимо учитывать определяющую роль контекста. Это предусмотрено в случае, если мы сталкиваемся с формально идентичными конструкциями. Контекст подсказывает, выражаются ли разные семантико-синтаксические отношения или выражается общая семантика: а) возможность представить конструкции инверсивно. Например, в атрибутивном словосочетании '*хозяин* (владелец) коня' (хант. *лов* кусяй, манс. *лув* кусяй) контекст позволяет инверсивно употребить конструкцию '*конь имеет хозяина (владельца)*': хант. лов кусяй таил (или – *кусяй* лов 'конь хозяина'), манс. -лув кусяй оньси (или *кусяй* лув 'конь *хозяина*'). По сравнению с посессивным словосочетанием предикативная конструкция более конкретна и категорична. Особый интерес представляет конструкция 'сам себе *хозяин*' (хант. *лувы кусяй*; манс. *таквинатэ кусяй*): обладатель и обладаемое семантически объединены в одном лице; б) контекст может быть единственной возможностью выявления грамматического обладателя.

Ч. Филлмор обладателя (владельца) называет "заинтересованным лицом". Он считает, что имена существительные со значением 'неотчуждаемой принадлежности' (термины родства, названия частей тела) в основе своей являются падежными отношениями (семантическими функциями, или ролями): "Примерами таких имен-отношений в английском служат слова side 'сторона', daughter 'дочь' и face 'лицо'. Обычно не говорят просто о стороне, а говорят о стороне чего-нибудь; не говорят о ком-то, что это просто дочь, а говорят, что это чья-то дочь; и если в общем-то говорящий может сказать, что он видел просто лицо, более типичным будет все-таки употребить это слово, говоря о 'его лице', или о 'твоем лице' или о чем-то подобном".

Автор падежной грамматики отмечает, что во многих языках по-разному маркируются в имени неотчуждаемая принадлежность и отчуждаемая принадлежность. Он пишет: "В языке фиджи ... для обозначения отчуждаемой принадлежности морфема ставится *перед* существительным. А для обозначения неотчуждаемой принадлежности – *после* него". Ссылаясь на Леви-Брюля, Ч. Филлмор замечает, что в том же фиджийском языке отношение 'моя голова' выражает два разных (самостоятельных) значения: фиджийское слово ulugu обозначает голову, которая сейчас крепко сидит у меня на плечах, тогда как kegu ulu, также переводимое как 'моя голова', будет относиться скорее к голове, которую я, скажем, собираюсь съесть".

Следует обратить внимание на контекст. Например, отношение "твоя книга" обозначает: 1) книга, которой ты владеешь; 2) книга, которую ты написал (24, с. 459-461).

Близки отношениям принадлежности и обладания такие виды отношений, как причина и следствие (хант. *амат* ув; манс.*сягт* рохсуй 'крик *радости*'), создатель и производное (производитель и продукт) (хант. *Е.Айпин* нэпекат 'произведения *Е. Айпина*'; *Т.И. Чучелина* моньсит 'сказки *Т.И. Чучелиной*', манс. *Ю. Шесталов* нэпекыт 'произведения *Ю. Шесталова*'; *А.М. Конькова* потрыт 'рассказы *А.М. Коньковой*').

2. Грамматический анализ

Посессивный атрибут всегда предшествует определяемому компоненту атрибутивной конструкции, поэтому он никаким формантом не маркируется. Исключение составляют термины родства и названия частей тела (иногда и собственные имена в разговорной речи); 1) лично-притяжательным аффиксом 3 лица маркируется второй компонент: хант. *ики имел*; манс. *ойка* экват*э* 'жена=его старика'; *салы* аньтан*э* 'рога=его олсня'; 2) лично-притяжательным аффиксом маркируются 1-й и 2-й компоненты: хант. *асем* холп*ел* 'сеть=его отца=моего', *ешем* каш*ел* 'боль=ее руки=моей'; манс. *асюм* латн*е* 'слово=его *отца*=моего', *лаглум* ер*е* 'сила=ее *ноги*=моей'; 3) посессивные конструкции, компоненты которых выражены собственными именами, могут свободно варьироваться в своем оформлении (аффиксы принадлежности могут отсутствовать, могут присутствовать), т.к. семантика собственного имени сама по себе подразумевает конкретное и определенное лицо: хант. *Катя* Коля 'Коля Кати', *Катя* Коля*ел* 'Коля=ее Кати', *Катяем* Коля*ел* 'Коля=ее Кати=моей'; манс. *Олена* Мишка 'Мишка *Олены* (Елены)', *Олена* Мишкат*э* 'Мишка=ее *Елены*', *Оленан* Мишкат*э* 'Мишка=ее *Елены*=твоей'.

В финском языке имена на *–inen* близки по форме и смыслу древнему локативу на *-na / -nä /, -n*:

1) 'относящийся к такому-то коллективу, месту, времени' и т.п., например: *karjalainen* 'относящийся к Кореле, карельский', *kaukainen* 'относящийся к дали', 'далекий';

2) 'обладающий тем-то', например: *mustapartainen* 'обладающий черной бородой', 'чернобородый', *kalainen* 'богатый рыбой', 'рыбный (о реке, об озере)', *kultainen* 'состящий из золота', 'золотой' и т.п.

Указанные два важных значения имен на *–inen* вполне соответствуют двум основным значениям древнего локатива: а) 'где', 'когда'; б) 'с кем', 'с чем'.

Ясно, что древний локатив и имена на *–inen* возникли из общего древнего источника. Это значит, что древний локатив возник из образований,

еще не имевших падежного характера. Одни и те же образования непадежного характера на *-па / -пӓ / -п* развились в позиции обстоятельства в древний локатив. А в позиции определения – в имена на *–inen* с указанными значениями (25, с. 16-17).

"Генитив в самодийских языках выражает обладателя в широком значении (nomen posessoris) при наличии словоформы, обозначающей обладаемое. … В отличие от "личных" посессивных показателей форма родительного падежа (вне сочетания с посессивными суффиксами) характеризует "безличную" принадлежность…" (26, с. 81-93).

В отличие от самодийских языков, в обско-угорских языках отсутствует форма генитива для выражения посессивности.

II. ПЕРИФЕРИЯ ПОСЕССИВА

Сложные слова

Сложные слова, возникшие путем простого соположения компонентов, условно можно считать немаркированными атрибутивными конструкциями. С точки зрения выражения посессивных семантических признаков по теории функционально-семантического поля явления словосложения относятся к периферийным (47, с. 16). Так, например, в ряде финно-угорских языков термин *слеза* – "сумма" значений двух терминов *глаз* + *вода*, в результате возникает новое значение – 'вода глаза': манс. *самвит* 'слеза (букв. *сам* 'глаз, *вит* 'вода')'; хант. *сэмйщк* 'слеза (букв. *сем* 'глаз', *йщк* 'вода')'; коми *сипа* 'слеза (букв. *сип* 'глаз', *ва* 'вода')'; удм. *сипу* 'слеза (букв. *сип* 'глаз', *ву* 'вода')'; мар. *шинчавӱд* 'слеза (букв. *шинча* 'глаз', *вӱд* 'вода')'; эрзя-морд. *сельведь* 'слеза (букв. *сель* 'глаз', *ведь* 'вода')'; мокша-морд. *сельмоведь* 'слеза (букв. *сельме* 'глаз', *ведь* 'вода')' и т.д. Первый компонент можно условно назвать обладателем, второй – обладаемым. Сложные слова, возникшие путем соположения, восходят к соответствующим немаркированным притяжательным конструкциям. Следовательно, семантика отношений между 1-м и 2-м компонентами представляет особый интерес, т.к. такие сложные слова иллюстрируют древнейшее состояние финно-угорского праязыка, когда было естественным простое соположение двух слов. Сложные слова исследуются во многих финно-угроведческих работах (27; 28; 29; 30; 31, с. 82-83; 32; 33; 34; 35, с. 333; 36; 37).

Соположение компонентов сложных слов характерно для современных самодийских языков: "При помощи примыкания образуются не только синтаксические, но и лексические построения. Например, ненецкое *не* 'женщина' + *ня* 'брат', *неня* 'сестра', *сяр* 'табак' + *пя* 'дерево' = *сярмбя* 'трубка' (см. *сярмбясяр* 'трубочный табак'); энецкое слово *дя* 'земля' + *осо* 'еда,' *дяса* 'мука' (ср. нганас. *дяпэмсу* в том же значении, *пемсу* 'еда'); нганас.

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

тӯй (вторая основа – *ту*) 'огонь' + *биӡи* 'стрела' *тубиӡи* 'ружье', см.: *тубитиӡэ – биӡи* 'пуля' (букв. 'ружья стрела'); селькуп., кетск., *туль* 'огненный' + *сӓе* 'язык' – *тӯльсэе* 'ружье' (38, с. 318).

Сложные слова анализируются в соответствующих разделах нормативных грамматик (39, 40, 41) Способом соположения образуются сложные слова и в тюркских языках (42, с. 78; 43, с.13). В указанных выше трудах описаны проблемы морфологии и орфографии сложных слов. В последние десятилетия появились работы с описанием семантического аспекта исследования падежно-неоформленных сложных слов (44; 45, с. 135-144; 46, с. 15-17, 47).

1. Семантический анализ

Соположение компонентов - не просто сумма, а единица с некоторым новым качеством. В сложных словах обско-угорских языков можно выделить такие семантические отношения между компонентами:

1) близкие к простым определительным: хант. *хатлкуплоп* 'время обеда (букв. середина *дня*)'; *йинквой* 'бобр (букв. животное *воды*)'; *ворпил* 'ягода (букв. ягода *леса*)';

2) целое – часть: хант. *хоп*нел, манс. *хап*нел 'нос лодки'; хант. *нохар*сэм; манс.*паквс*ам 'орех (букв. семя *шишки*)'; хант. *хот*пелык; манс. *кол*нак 'комната (букв. часть дома)'; хант. *вошхулы*; манс. *усхулы* 'улица (букв. щель города)';

3) отношения неотторжимой принадлежности: хант. *пир*пат; манс. *пяра*патта 'подошва *чирка* (чирки – национальная обувь)'; хант. *луй*олан; манс. *тулев*ыл 'палец (букв. конец *пальца*)'; хант. *сэм*пун; манс. *сам*пун 'ресницы (букв. пух *глаза*)';

4) родовое понятие типа *хул* 'рыба' – видовой термин: хант. *малаӈ – хул*; манс. *турхул* 'карась (букв. рыба *озера*)'; хант. *мис*хот; манс. *мис*кол 'коровник (букв. дом *коровы*)'; хант. *хоп*ьюх; манс. *хап*йив 'осина (букв. *лодочное* дерево)'; хант. *Овс*мув; манс. *Луи*ма 'Север (букв. северная земля)'.

2. Грамматический анализ

В финно-угорских языках при словосложении наблюдаются некоторые явления морфологического порядка: генитивное оформление 1-го компонента ряда финских сложных слов; изменение звукового состава компонентов некоторых мордовских, марийских, хантыйских, мансийских слов и т.д. В обско-угорских сложных словах утрачивается долгота гласного во 2-м компоненте. Например: хант. *еш*пат; манс. *кат*патта 'ладонь (букв. дно руки)'. Фонетические изменения наблюдаются в мордовских сложных словах *пеккедь* 'брюшина' (*пеке* 'живот, брюхо' и *кедь* 'кожа') (48, с. 8-10).

Подобное фонетическое переоформление происходит в сложных словах марийского языка: *пызлы*гичке 'ягода рябины' (*пызле* 'рябина' и *кичке* 'ягода') (44, с. 7). Значение ряда финских сложных слов изменяется в зависимости от генитивного или номинативного оформления 1-го компонента: ср. *kaupunki*talo 'городской дом' и *kaupungin*talo 'ратуша'. Носители финского языка отмечают некоторую терминологичность слов с номинативно-оформленным 1-м компонентом: *aaltopituus* 'длина волны' – технический термин в радиотехнике. Слова с падежно-оформленным 1-м компонентом выражают отношения, близкие к простым атрибутивным: *kaupunki*väestö 'городское население'; с генитивно-оформленным - более конкретные притяжательные отношения – *kaupungin*väestö 'население города' номинативно-оформленные и генитивно-оформленные параллели финского словосложения можно объяснить более поздним происхождением генитива для оформления посессивных отношений (47; 49, с. 151-156; 50, с. 14). В остальных финно-угорских языках генитивное оформление 1-го компонента сложного слова не имеет распространения, лишь в марийском языке зафиксировано несколько единичных случаев: *юмынава* 'божья мать' (*юмын* 'бога' + *ава* 'мать') (44, с. 10). В угорских языках отсутствует специальный генитивный аффикс.

В хантыйском и мансийском языках наличие немаркированной посессивной конструкции является нормой. В связи с этим существует проблема отграничения неоформленных притяжательных словосочетаний от сложных слов с тем же значением. Исследователи мансийского языка отмечают: "Сложное слово является категорией исторической, поэтому и естественно, что границы между словосочетаниями и сложными словами очень зыбки" (51), или : "Словосложение утверждается в процессе и в результате длительного употребления" (37). Авторами мансийских грамматик А.Н. Баландиным, Е.И. Ромбандеевой и М.П. Вахрушевой-Баландиной сформулированы основные критерии, как отличить сложное слово от соответствующего словосочетания: 1) единое ударение в сложном слове; в словосочетании каждое слово (компонент) имеет самостоятельное ударение; 2) фонетическая адаптация компонентов сложного слова; 3) порядок расположения компонентов в сложном существительном *не свободен*, между компонентами нельзя употребить вставочное слово. Последний критерий не совсем последовательный: "у отдельных типов соответствующих словосочетаний таких ограничений нет: *etpos* 'луна', но *et pos* 'ночной свет' – *et* 'ночь', *pos* 'свет'; *nemis* 'корова', но *ne mis* 'корова женщины' – *ne* 'женщина', *mis* 'корова' и др." (37, с. 79-82). Авторы разделов "Словообразование" и "Словосложение" хантыйских и мансийских грамматик анализируют сложные слова с точки зрения семантических взаимоотношений их компонентов. Семантический фактор играет решающую роль в разработке норм орфографии в обско-угорских языках. В мансийском языке (это ха-

рактерно и для хантыйского языка) обычным явлением считается грамматикализация компонентов, точнее, постоянный переход вторых компонентов в словообразовательный аффикс (52, с. 291; 45, с. 244; 55; 37, с. 66-68; 53, с. 65). Знаменательные слова типа: хант. *мув*, манс. *ма* 'земля'; хант. *хот*, манс. *кол* 'дом'; хант. *ху*, манс. *хум* 'человек, мужчина'; хант. и манс. *пэ* 'женщина'; хант. *юх*, манс. *йив* 'дерево'; хант. и манс. *хул* 'рыба' и т.д. грамматикализуются, выполняя функции аффиксов. Особый интерес представляет суффикс *szem* (венг.), *-sam* (манс.), *-sem* (хант.), *-sew* (нен.), обретающий значение 'маленькое', 'маленькое, круглое' (ср. 59, с. 245).

На наш взгляд, не все слова, которые составляют список суффиксов "нового образования", можно считать истинными суффиксами, т.к. многие из них являются лишь родовыми наименованиями (рыба, дом, дерево и т.д.). Для грамматикализации знаменательных имен недостаточна фиксация родового понятия видового термина (частного), родовое понятие следует подкрепить грамматическим явлением: 1) отсутствие грамматического рода в языках компенсируется двусловным выражением категории биологического рода: хант. *пэ* 'женщина', *ху* 'мужчина', *пилпэ* 'подруга', *пилху* 'друг'; манс. *пэ* 'женщина', *ху* 'мужчина' - *пилпэ* 'подруга', *пилху* 'друг'; манс. *пэ* 'женщина', *хум* 'мужчина' – *юртпэ* 'подруга', *юртхум* 'друг'; 2) утрата самостоятельного значения, превращение в словообразующий или формообразующий суффикс. Например, суффикс *–сам* (манс.), *- сэм* (хант.) может быть как словообразующим, так и формообразующим: а) словообразующий - хант. нохыр*сем*, манс. паквс*ам* 'семя шишки'; хант. холпс*эм*, манс. хулпс*ам* 'ячея сети'; хант. няньс*эм*, манс. няньс*ам* 'хлебное зерно'; б) формообразующий, или суффикс субъективной оценки, - хант. йинкс*эм*, манс. витс*ам* 'капелька воды'; хант. вотс*эм*, манс. вотс*ам* 'ветерок'. Примеры с суффиксами *–сам, -сэм* следует отличать от похожих омонимов: хант. *сом*, манс. *сам* 'чешуя'; хант. *хул сом*, манс. *хул сам* 'чешуя рыбы.

Н.А. Терещенко отмечает похожие явления в селькупском языке (*-куп*) и предлагает называть грамматикализированные слова полуаффиксами, что вполне резонно (54).

ПОСЛЕЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

1. Семантический анализ

Известно, что послелоги именного происхождения. Некоторые основы послелогов до сих пор используются в качестве полнозначных имен существительных: хант. *лыпи*, манс. *вата* 'берег'; хант. *хуват*, манс. *хосыт* 'длина'; хант. *ил*, манс. *ел* 'низ'; хант. и манс. 'верх' и т.д. Современные послеложные конструкции – остаточные, реликтовые явления древнего состояния финно-угорских языков: современное знаменательное слово

некогда было атрибутом к определяемому имени. Послеложные сочетания хант. *хот лыпийт*, манс. *кол кивырт* 'внутри дома' некогда обозначали **внутренность дома** (букв. 'в домовой внутренности').

1. Грамматический анализ

Послелоги хантыйского языка довольно полно описаны в научной литературе (55, с. 74-76; 56; 57). Мансийские послелоги исследовались Е.А. Кузаковой, А.И. Сайнаховой и др. (58, с. 308-310; 59; 60; 61; 62; 63). Интересные наблюдения по этому вопросу высказаны А.Н. Баландиным. Их опубликовали Е.А. Кузакова и М.П. Баландина, которые отметили: "Некоторые послелоги в процессе перехода знаменательных слов в служебные естественно модифицировались и отчасти утратили свою первичную форму. Так произошло в южно-мансийском диалекте с послелогом *кивыр* 'внутри, в', который наряду со своей полной формой имеет модифицированную форму *ки* в результате утраты второго слога *–выр*. Послелог *ки* по характеру своего использования начинает уподобляться аффиксу локативной семантики. Например, *пут* 'котел', *путкин* 'в котле', *путкинэ* 'в котле', *путкинын* 'из котла'. Мансийский послелог *пупыл* 'в направлении' можно возвести к знаменательному сочетанию *пум-пал* 'верхняя сторона': *пупыл* → *пумпыл* → *пумпал*. Мансийский послелог *ляльт* 'против' возводится к мансийскому слову *ляль* 'воин', 'враг' и др." (53, с. 206-207; 58, с. 308-310). Отмечаются любопытные факты грамматикализации в ваховском диалекте хантыйского языка, которые констатировал Н.И. Терешкин. Об этом М.П. Баландина пишет: "Н.И. Терешкин в ваховском диалекте хантыйского языка различает послелоги и послеложные имена, подразумевая под последними "слова, употребляемые, как в роли знаменательных слов, так и в роли служебных слов послеложного значения": послелог *кет* 'между' – *кет* 'промежуток'; послелог *каса* 'за' – *кас* 'пространство за или позади чего-либо'; послелог *охты* 'на' – *охты* 'верх, поверхность' и т.п." ... По мнению Н.И. Терешкина, встречающийся только в ваховском диалекте хантыйского языка суффикс направительного падежа *–па* и послелог *пел. пета*, характерный для других диалектов, происходит из одного источника. По всей вероятности, произошел из древней формы *пал* 'сторона, половина' (55, с. 207).

Так с современных позиций можно представить *посессив*. Ролевая грамматика Ч. Филлмора способствует выделению особого аргумента со значением обладателя, а теория функционально-семантического поля А.В. Бондарко как нельзя лучше позволяет установить последовательность освещения семантической роли *посессив* от центра к периферии, от содержания к форме.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Абуханов А Г.* Семантическая и синтаксическая функция притяжательных аффиксов в современном казахском языке. Канд. дисс. Алма-Ата, 1950.

2. *Севортян Э В.* Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология, ч. 2. М., 1956.

3. *Дмитриев Н К.* Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: Морфология, ч. 2. М., 1956.

4. *Феоктистов А П.* Категория принадлежности в мордовских языках. Канд. дисс. М., 1955.

5. *Феоктистов А П.* Категория принадлежности в мордовских языках. Саранск, 1963.

6. *Сабо Л.* Употребление притяжательных суффиксов и способы их замещения в современном водском языке // Финно-угорская филология: Ученые записки. Т. 314. Л.:ЛГУ, 1962.

7. *Терещенко Н М.* О выражении посессивных отношений в самодийских языках // Вопросы финно-угорского языкознания. М.-Л., 1962.

8. *Кокла П.* Притяжательные суффиксы в марийском языке. Канд. дисс. Таллин, 1963.

9. *Селивестрова О Н.* Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке // Категории бытия и обладания в языке. М., 1977.

10. *Вольф Е М.* Некоторые особенности местоимений посессивных конструкций (иберороманские языки) // Категории бытия и обладания в языке. М., 1977.

11. *Лухт Л И.* Категории бытия и обладания (французско-румынские параллели) // Категории бытия и обладания в языке. М., 1977.

12. *Писарскова Е.* Посессивность как грамматическая проблема на примере польского языка // Грамматическое описание славянских языков. М, 1974.

13. *Gaal E.* A birtoklás kifejezése a magyar hyelvben // Nyelvtudományi Értekezések, № 97. Budapest, 1978.

14. *Колпакова Н Н.* Некоторые особенности посессивных отношений в венгерском языке в свете теории поля // СФУ, 1986, № 3.

15. *Колпакова Н Н.* Посессивность в венгерском языке (в сопоставительном освещении). Канд. дисс. М., 1988.

16. *Бондарко А В.* теория морфологических категорий. Л., 1976.

17. *Серебренников Б А.* Что таит в себе уральский притяжательный суффикс. 3 л.ед.ч. – са? СФУ. XII, 1976, № 4.

18. *Бондарко А В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

19. *Лыскова Н.А.* Семантический аспект синтаксиса имен существительных в обско-угорских языках. СПб, 1996.

20. *Hadrovics L.* A funkcionalis magyar mondattan alarjai. Budapest, 1969.

21. *Журинская М А.* К исследованию притяжательных отношений // Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем). М., 1974.

22. *Селиверстова О Н.* Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке // Категории бытия и обладания в языке. М., 1974.

23. *Журинская М П.* К исследованию притяжательных отношений // Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем). М., 1974.

24. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // НЗЛ: вып. X. М., 1981.

25. *Бубрих Д В.* Историческая морфология финского языка. М.-Л., 1955.

26. *Терещенко Н М.* О выражении посессивных отношений в самодийских языках // Вопросы финно-угорского языкознания. М.-Л., 1962.

27. *Szilasi M.* A finn-ugor nevszoi osszetetelek // NyK, XLIX. Budapest, 1930.

28. *Schutz J.* Az eszaki-jxztjak szodepzes // NyK, XLIX. Budapest, 1910.

29. *Картина А И.* Именное словообразование в современном мансийском языке. Канд. дисс. Л., 1955.

30. *Соколова К.А.* Сложные слова в современном литературном финском языке. Канд. дисс. Л., 1956.

31. *Steinitz W.K.* Ostjakische Grammatik und Chrestomatie. Leipzig, 1950.

32. Майтинская К.Е. Венгерский язык. Ч. 2. Грамматическое словообразование. М., 1956.

33. *Терешкин Н.И.* Очерки диалектов хантыйского языках: Ваховский диалект. М.-Л., 1961.

34. *Баландина М.П.* Формирование сложных слов мансийского языка на базе соматической лексики. Канд. дисс. Л., 1967.

35. *Barczi B.* A magyar nyelv története. Budapest, 1967.

36. *Келин М.А.* Сложные слова в мордовских языках. М., 1973.

37. *Ромбандеева Е.И.* Мансийский (вогульский) язык. М., 1973.

38. *Терещенко Н.М.* Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Л., 1973.

39. *Баландин А.Н., Вахрушева М.П.* Мансийский язык. Л., 1957.

40. *Ромбандеева Е.И., Вахрушева М.П.* Мансийский язык. Л., 1984.

41. Хантыйский язык: учебник для педучилищ. Л., 1988.

42. *Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.

43. *Балтабаева Ж.К.* Семантико-стилистические функции неоформленного родительного и винительного падежей в казахском языке. Канд. дисс. Алма-Ата, 1984.

44. *Андуганов Ю.В.* Сложные слова в марийском языке (определительные сложные существительные). Канд. дисс. Тарту, 1977.

45. *Вахрушева М.П.* Сложные слова мансийского языка // В помощь учителю школ Севера. Вып. 13. М.-Л.

46. *Вахрушев В.М.* Субстантивные словосочетания в удмуртском языке // Словосочетания в удмуртском языке. Ижевск, 1980.

47. *Колпакова Н.Н.* Посессивность в венгерском языке (в сопоставительном освещении). Канд. дисс. М., 1988.

48. *Келин М.А.* Сложные слова в мордовских языках. Канд. дисс. Тарту, 1968.

49. *Бубрих Д.В.* Историческая морфология финского языка. М.-Л., 1955.

50. *Соколова К.А.* Сложные слова в современном литературном финском языке. Канд. дисс. Л., 1956.

51. *Баландина М.П.* Формирование сложных слов мансийского языка на базе соматической лексики. Канд. дисс. Л, 1965.

52. *Картина А.П.* Словосложение имен в мансийском языке // Просвещение на Советском Крайнем Севере. Вып. 8. Л., 1958.

53. *Баландина М.П.* О грамматикализации лексических элементов в обско-угорских языках // Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Сб. науч. трудов. Л., 1973.

54. *Терещенко Н.М.* Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Л., 1973.

55. *Терешкин Н.И.* Очерки диалектов хантыйского языках: Ваховский диалект. М.-Л., 1961.

56. *Сейленхталь Т.* Послелоги в северных диалектах хантыйского языка // Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание. Тезисы. Саранск, 1972.

57. *Сейленхталь Т.* Хантыйские послелоги, заимствованные из коми языка. Тезисы. Ужгород, 1977.

58. *Кузакова Е.А.* Служебные части речи южно-мансийского диалекта // Просвещение на Советском Крайнем Севере. Вып. 8. Л., 1958.

59. *Сайпахова А.И.* Сложные серийные послелоги в мансийском языке // Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы. Сыктывкар, 1965.

60. *Сайпахова А.И.* Простые серийные послелоги в мансийского языка // Проблемы лингвистического анализа. М., 1966.

61. *Сайнахова А.И.* Служебные слова в мансийском языке. Канд. дисс. М., 1966.
62. *Сайнахова А.И.* Несерийные послелоги в мансийском языке // Вопросы языка и литературы. Вып. II. Ч. I. М., 1968.
63. *Сайнахова А.И.* Некоторые общеструктурные особенности послелогов мансийского и алтайского языков // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1976.

Nina Lyskova

POSSESSIVE AS DEEP CASE
(on the material of Ob- Ugric languages)

In Uralic study the category of possessive is presented in synchronous plan. During some years the investigators have emphasized the problems of personal - possessive suffixation. The meaning of possessiveness is marked in all the languages though not all the languages have special morphological category of possessiveness. E.Gaal describes possessive relations on the different levels, using such means as morphemes, lexims and syntagmas. N.N. Kolpakova investigates possessiveness in the Hungarian language from the view-point of the principle of functional-semantic field.

We offer the reader the semantic description of possessive using the theory of functional-semantic field. Possessive-argument with the meaning of possessor. The subject of the given description is the possessive construction with the nominal possessor. It is the construction with nominal possessor that fully expresses all the semantic shades of the possessive relations. To describe the Ob-Ugric possessive construction with the name-possessor we use the classification of possessive relations, suggested by N.N. Kolpakova, which includes 3 main semantic groups: 1) relations of acceptable possessiveness, 2) relations of unacceptable possessiveness, 3) relations of possession or property.

Thus the possessive can be presented from the modern view-point. Role grammar by Ch. Fillmoor facilitates distinguishing the special argument with the meaning of possessor, and the theory of functional-semantic field by A.V. Bondarko makes it possible to establish to perfection the sequence of presentation of the semantic role of the possessive away from the center, from content to form.

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Константин Руденко
Казань

ОБ ОДНОМ РИСУНКЕ НА БРОНЗОВОЙ ЧАШЕ ИЗ ДРЕВНЕМАРИЙСКОГО ВЕСЕЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Прошло более 40 лет с того момента, когда в конце 50-х гг. Е.А. Халиковой и А.Х. Халиковым, а затем Г.А. Архиповым было начато изучение одного из интереснейших археологических памятников Поветлужья - Веселовского могильника. На некрополе выделяются ритуальные комплексы 17, 18 и 20, в которых найдены бронзовые чаши с геометрическим орнаментом на внутренней поверхности, опубликованные Г.А. Архиповым (2, рис. 73-1). На одной из них, из жертвенного комплекса 20 (рис. 1-5), на внешней стороне имеется рисунок (рис. 1-6), не относящийся к основному декору сосуда.

Подобных чаш из марийского Поволжья известно 7 экземпляров (22, с.51) (рис. 1-1,2,4-9). В целом, изделий такого типа насчитывается еще около 8 штук на территории от Приочья до Западной Сибири (25, с. 52-53). Однако рисунок, который имеется на чаше из Веселовского могильника, один.

Исследуя чаши из могильника Нижняя Стрелка и их аналогии, в том числе и веселовские изделия, мы интерпретировали этот рисунок как отражение космогонической картины мира (22, с.61). Чаша датирована второй половиной X - первой половиной XI в., по аналогиям с чашами этого стиля, найденными в комплексах с монетами, мы считаем, что она вышла из "обращения" во 2 половине X - начале XI в. Предполагалось, что к этому времени относится и рисунок на обратной стороне чаши (22, с.58, 59, 61).

Работая над этим материалом, мы еще раз обратились к данному изображению. Прежде всего, на рисунке привлекло внимание изображение двух "фаз луны" у Солнца. Однако, такое изображение логичнее было бы поместить рядом с Солнцем, а не по обе стороны от него. Да и изображение этих фаз не отражает реальной действительности - это не полная луна

и не месяц, не соответствует это и полному циклу смены лунных фаз. Кроме того, Солнце изображено не полным диском, а заходящим (восходящим).

Я предположил, что рисунок связан с каким-нибудь необычным небесным явлением. В конце X - первой половине XI в. таких явлений в письменных источниках отмечено немного. Это солнечное затмение 997 г., наблюдавшееся в Багдаде и в Кяте (Хорезм) (8, с. 161), и вспышки сверхновых звезд в 1006 и 1054 г. На изображение затмения Солнца данный рисунок не похож, поэтому рассмотрим подробнее последние два явления. Появление новой звезды в 1006 г. в созвездии Волка отражено в арабских (ибн-ал-Атир, XII в.; Али бен Ридван, XI в.), европейских (Баргебраус, XII в.; Эпиданус, XI в. - умер в 1068 г.), китайских (книга Чин Ли Куо, 1044 г.; история "Сун-Ши", XI в.), японских (хроника "Ишидао Йоки" - 1011 г. и хроника самурая Садайе Фуйивара "Мэй Гэтсуки", XIII в.) источниках, которые отмечают начало появления ее 28 апреля-1 мая в Китае и Японии; с 3 мая по 13 августа 1006 г . на Ближнем Востоке, 30 апреля в Египте (38, с. 57-63). Эта звезда была видна от нескольких месяцев (в Европе и северной Африке) до 10 лет в Китае, появляясь на рассвете в ноябре-декабре и погружаясь под горизонт на юго-западе в августе - сентябре (38, с. 62). В Швейцарии она была видна в южной части неба в течение трех месяцев.

Али бен Ридван описывает это явление так: "... Светило это было большим, по форме круглым, а размеры его в 2,5-3 раза превышали размеры Венеры, его свет освещал горизонт и сильно мерцал. Величина его яркости была несколько больше четверти яркости Луны. Оно вращалось вместе с небосводом до тех пор пока Солнце не достигло знака Девы" (38, с. 60). В Швейцарии она меняла свою величину, яркость, мерцала, а иногда и вовсе исчезала.

Вторая вспышка сверхновой звезды случилась 48 лет спустя:"...28 июня 1054 г. к юго-востоку от созвездия Тельца отмечено появление яркой "звезды-гостьи". Сначала она была очень яркой, затем стала постепенно затухать и в середине апреля 1056 г. исчезла, будучи видимой 1 год и 10 месяцев. По описанию, видимая величина ее была "несколько дюймов"..." (30, с. 125) и по яркости она не уступала Юпитеру. Интересно, что в Китае звезда была видна даже днем в течение 23 дней , удивляя людей своим красно-белым светом (38, с. 65). Описание этой вспышки есть в астрономическом тексте Этума Патмича из Армении, где говорилось о появлении 10 мая 1054 г. на диске луны в полнолуние новой звезды. Возможно, при максимуме ее яркости звезду могли наблюдать даже и при незашедшем Солнце (23, с. 127).

На месте сверхновой 1054 г. в созвездии Тельца образовалась хорошо известная в астрономии Крабовидная туманность (23). Причем, само со-

звездие Тельца было хорошо известно в древности, особенно выделялась группа звезд в этом созвездии под названием Плеяды; в древней Руси их называли "Стожарами" (9, с. 39, 40).

Сопоставление этих данных с рисунком на чаше наводит на мысль о том, что на ней изображен в виде окружности такой же яркий как Луна (она изображена в виде второй окружности) объект, видимый при солнечном свете и освещавший горизонт своим светом (лучи, изображенные на противоположной стороне от Солнца). Если данное предположение верно, то наиболее вероятно, что здесь изображена вспышка сверхновой звезды летом 1006 г. Не противоречит этому и археологическая датировка чаши (2 половина X - начало XI вв.). Сверхновая 1054 г. была, вероятно, не такой яркой как вспышка в 1006 г., поскольку ни в европейских, ни в арабских источниках ее появление не отмечено (38, с. 66).

Интересно, что исследуемый рисунок не процарапан на поверхности сосуда, как другие рисунки – палимпсесты [изображения, нанесенные позже на уже готовое изделие как, например, на сосудах в угорских святилищах (6, с. 92)], как было бы, если его нанесли местные жители, а выполнен резцом и циркулем, как и основной рисунок, то есть фактически тем же мастером или человеком, имевшим навыки работы с таким инструментом. Это могло бы иметь место, если бы чаша была изготовлена булгарскими мастерами, в этом случае если они являлись бы непосредственными свидетелями данного события.

Но, как предполагают астрономы, вспышка 1006 г. произошла в созвездии Волка, расположенном на границе видимой части созвездий в северном полушарии (9, с. 161, табл. 2) и различить его достаточно трудно, поскольку звезды, находящиеся близ линии горизонта, невидимы уже на высоте нескольких градусов над ней (5, с. 104). По всей видимости, видеть вспышку (даже учитывая прецессию) в наших широтах не могли. Наиболее вероятно, что крайним пределом видимости ее в Европе было 46-48° северной широты. Поэтому можно предположить, что рисунок был нанесен там, где данную вспышку можно было наблюдать более ясно - то есть в районе Средней Азии и Ирана (28-46° северной широты), что не противоречит результатам анализа композиции и орнамента на чаше (22), и, следовательно, изготовлена была чаша именно в это время - летом 1006 г. и в данном регионе. Это могли быть ремесленные центры в Мавераннахре или северном Хорасане.

Здесь были богатейшие разработки цветных металлов - в Мавераннахре на рудниках Буттама и в Фергане добывалась медь, здесь же были места добычи золота, серебра, железа и ртути (34, с.226, № 592, с. 238, № 650; 24, с. 84); медные рудники были близ Нишапура и Мерва в северном Хорасане (21, с.71). На этой основе здесь сложились крупнейшие на Востоке

ремесленные центры, специализировавшиеся на производстве изделий из цветных металлов. В Хорасане это Бушандж (Пушанг) в 6 фарсагах от Герата (34, с. 188, № 650), Герат (3, с.288), Балх (21, с. 162). Конкуренцию им составляли мастера-медники (по-арабски - "саффар"; "руйгар" или "мисгар" по-персидски) из Дамаска и Хоя (в Азербайджане) (34, с.200, № 214, 464, 533). Причем имелась и "фирменная" продукция, которой славился тот или иной город. Так, в Карадже производились тазы и посуда из бронзы с высоким содержанием олова (34, с.234, № 631), в Нишапуре - бронзовые (латунные?) и серебряные изделия (34, с.240-241, № 661), в Самарканде котлы из красной меди (21, с.77,84), в Рабинджане - бронзовые чаши ("тасс"), в Бухаре - подсвечники (фонари) из желтой меди (3, с. 287), в Кашгаре отливались колокола, а в Барсхане - котлы.

Обращает на себя внимание, что с Хорасаном булгары - посредники в доставке товаров с Востока - имели достаточно тесные экономические и культурные связи. Показательно, в этом плане, финансирование булгарским правителем строительства 2 мечетей в Себзеварс и Хосровджерде (область у города Нишапура) в 1024/25 г. (10, с. 46). Интересно, что из Нишапура происходят точные аналогии двум ковшам из булгарского города Биляра (ГОМТР- 5427), изготовленные в той же технике из такого же сплава и в аналогичном стиле (рис. 2-1), как и марийские чаши, а также несколько чаш с геометрическим орнаментом, выполненном в том же стиле, что и марийские изделия.

Восточное происхождение чаш из Марийского Поволжья подтверждает также анализ материала и технологии изготовления сосудов. Рассматриваемые нами чаша и подобные ей из Поветлужья изготовлены из сплава, содержащего 72-83 % меди, 0,08-0,45 % серебра и 19-26 % олова (22, с. 52-59, табл.1); близкие значения дают анализы состава металла иранских сосудов (20, p. 148, 150). Выделяются чаши из Дубовского могильника и ритуального комплекса № 17 Веселовского могильника, где для придания сосудам золотистого цвета в состав введен цинк, соответственно, 0,98 и 0,45%.

Письменные источники сообщают о нескольких разновидностях сплавов с близкими компонентами состава. Основу их составляла красная медь – "мис" ("руй" – перс.) Правда, данный термин имел и более широкое значение: "мис" обозначал всякую вещь, сделанную из меди, а "руй" – использовался для обозначения сплава меди с оловом или свинцом (в XIV в. под "руй" понимали два сплава – красный: сплав меди и свинца, и белый: сплав меди, олова и свинца (4, с. 488). Из красной меди, после плавки с использованием дутья, получали черную медь – зернистую в изломе, с оттенками от белого до черного в цвете (4, с. 229). Добавка в черную медь цинка, называвшегося тутий'а (13, с. 132, прим. 73), в пропорции 2/3 меди и 1/3 цинка или 1 цинка и 2 меди (13, с. 141, прим. 208) получали желтую

медь и латунь называвшуюся "шибх" или "шабах" ("бириндж" – перс.) (13, с. 141). Цинк придавал изделиям золотистый оттенок, за что их по внешнему виду называли "подобными золоту"; по своим качествам выделялась дамасская латунь (12, с. 57, 148).

Пользуясь современной терминологией, это были простые (легированные только цинком) латуни – шибх (25-30 % цинка – тутий'а), сопоставимые с однофазной а-латунью, весьма пластичной, очень хорошо обрабатывающейся давлением в холодном и горячем состоянии (19, с. 396), что, кстати, отметил еще Бируни (4, с. 245). При изготовлении из такой латуни изделий для избежания наклепа проводят отжиг при 600-700° С, повышающий пластичность или, при использовании изделий на открытом воздухе, для предотвращения растрескивания, применяют низкотемпературный отжиг при 200-300° С (19, с.396). Именно подвергшаяся отжигу, медь именовалась "черной". Шибх с содержанием цинка до 10 % (томпак) широко применяется ювелирами, так как позволяет такие операции как серебрение и золочение (31, с. 44, 45).

Судя по приведенным результатам анализов, наиболее употребительным у булгар был сплав типа "шибх", который использовался для производства украшений и сосудов (32, с. 172; 33, с. 270-281). Вместе с тем, состав булгарского металла имеет отличия в микропримесях от марийских чаш (22, табл. 1), что, на наш взгляд, свидетельствует об ином источнике сырья, не характерном для нашего региона.

Кроме того, металл, из которого сделаны марийские чаши, является не латунью, а бронзой ("суфр"). Получали ее тоже из красной меди и называли белой медью. Наиболее распространен был "исфизруй" – сплав, состоящий из 4 сиров меди (мис) и 1 сира олова [кала'и – по названию острова Калак в Малайзии - между Оманом и Китаем (12, с. 57, 290, прим. 188)]. Соотношение олова и меди в составе марийских чаш тоже составляет 1:3 или 1:4.

По предположению ряда авторов, исфизруй обозначает сплавы, известные в литературе под названием "белых бронз" (20, с. 144, прим. 51). Как установила М.С. Шемаханская, такие бронзы характерны для всего Среднего Востока, а самые ранние встречены на территории Западного Ирана - Луристана (35, с. 205, 206, табл. III). Из Ирана этот сплав проник в Китай в Танский период (20, с. 144, прим. 51).

Бронзы типа исфизруй обладают высокой коррозийной стойкостью и слабой способностью к пластической деформации. Незначительные добавки свинца в сплав ("литая бронза") улучшают обрабатываемость сплава механическим способом (19, с.399, 400). Правда, такой случай отмечен только для трех чаш из Поветлужья (22, табл. 1), причем в двух случаях примесь составляла сотые доли процента и в одном случае 0,21 %.

Кроме того, высокооловянистые сплавы типа "исфизруй" обрабатывались специальным способом, когда после отливки заготовка нагревалась до температуры 500 - 600° С и подправлялась ковкой. Об этом свидетельствует различная толщина стенок марийских чаш - наименьшая толщина на стенках, наибольшая - в верхней части у венчика (на котором иногда заметны характерные следы излома) и следы обработки с внешней стороны. После этого изделие "закаливалось" в воде (36, с.64; 35, с. 205; 16, с. 53-55; 17, с. 80).

При окончательной отделке бронзовых изделий такого рода нередко использовалось золочение и серебрение. Следы позолоты явно видны на чаше из Семеновского селища в Татарии и на чашах из некрополя Нижняя Стрелка и Веселовского могильника. Основные методы таких технологий берут свое начало еще с античности и раннего средневековья. В золочении употреблялись смеси из свинца и золота с камедью (изделие натиралось смесью и подогревалось) или листовое золото с ртутью. Меди придавался золотой оттенок тмином, настоянным на воде; серебру - смесью сандарака, киновари и миси (сернокислой меди и железа). Для серебрения рекомендуется амальгама из ртути и олова (18, с. 304). В целом, приемы окрашивания желтой меди в золотой цвет были весьма разнообразны (13, с. 86, 87).

Интересно, что для отливки других типов посуды, в частности, ступок и кастрюль применялся "батруй" ("дигруй") - сплав меди и свинца (4, с. 247). Он распадался при помещении в огонь из-за разницы температур плавления (12, с. 56). Этот сплав назывался также "дурной медью". Его можно отнести к специальным латуням с введенным свинцом и небольшим количеством олова (до 25%). Примесь свинца ухудшает пластические свойства латуни, но улучшает обрабатываемость резанием (19, с. 397).

Для выделки подсвечников, светильников, печных приспособлений, щипцов, крюков, сосудов для воды, употреблявшихся в мечетях, на перекрестках улиц и в других местах использовалась литая бронза, разновидность дигруя (?), когда примесь состоит из бронзового лома. Естественно легированная мышьяком медь использовалась для литья котлов в Барсхане на берегу Иссык-Куля. Сплав мышьяка и каланийского олова использовался в Китае для отливки зеркал (4, с. 244). Хотя мышьяк и присутствует в составе металла марийских чаш, но в небольших количествах и не во всех сосудах. Он может быть либо естественной примесью, либо незначительной добавкой для улучшения литейных качеств металла.

Таким образом, чаши из Веселовского могильника, изготовленные из высокооловянистой бронзы типа "исфизруй", по редкой и сложной технологии (некоторые из чаш, кроме того, могли быть позолочены) являются уникальными изделиями восточных (хорасанских) мастеров начала XI столетия н.э. Типологическая близость чаш из Поветлужья, Приочья и

Прикамья, их датировка позволяют предположить, что данные изделия были завезены в Поволжье двумя партиями. Первая, в нее входят сосуды с геометрическим орнаментом, где-то в начале XI в., не ранее 1006 г. Вторая партия, представленная, в основном, чашами из Нижней Стрелки с зооморфными мотивами, вероятно, в 40-50-х гг. этого столетия. Может быть, чаша из Дубовского могильника и чаша из комплекса № 17 Веселовского могильника, судя по особенностям состава металла и деталям орнамента, были изготовлены несколько ранее, но попали они в Поволжье, вероятно, вместе с другими.

Интересно, что именно к началу XI столетия относится и распространение бронзовых чаш в Восточной Европе [Абаконово, Калининская обл. с частью дирхема X в.; Тимерево, курган 459, 1977 г. - дирхем 969/970 г. и обломки (24, № 1, 204)]. Видимо, так же должно датироваться погребение 72 Малышевского могильника (рис. 2-2) с монетой 914-943 гг. (7, с. 52), поскольку анализ других комплексов с синхронными монетами, по исследованию В.Н. Шитова, дает дату конец X- начало XI в. (37, с. 24-26).

Видимо, в XI веке данные изделия распространяются и в Западной Сибири. Сводку таких изделий сделала Н.В. Федорова, отметившая находку двух чаш на полуострове Ямал (Салехардский музей), трех чаш в могильниках урочища Сайгатино около Сургута, несколько фрагментов на могильнике Усть-Балык (Нефтеюганск) и на городище Шеркалы. Пользуясь случаем, хочу принести Н.В. Федоровой искреннюю благодарность за эти сведения.

Датировка второй партии чаш основывается на археологическом материале. Мы предполагаем, что чаши из Нижней Стрелки вышли из обращения в третьей четверти (середине) XI в. (22, с. 59), а также на анализе политической и экономической ситуации в Хорасане и Мавераннахре в это время. 40-70-е гг. XI в., ознаменовавшиеся здесь беспрерывной чередой вооруженных конфликтов, породили в Хорасане голод и разруху. Положение усугубила эпидемия чумы, прошедшая по территории от Ирака до Мавераннахра в 1056 и 1075 гг. (1, с. 70), что делало невыгодной и опасной торговлю. Кроме того, распространение кипчакской гегемонии на степи Приаралья и Западного Казахстана, по мнению С.Г. Агаджанова, нарушило торговые связи с Поволжьем и Восточной Европой (1, с. 87). Против этого были направлены военные походы сельджукидов 1065-66 гг. (1, с. 88).

Вероятнее всего, что обе партии чаш были доставлены в Булгарию, а затем распространились по региону в период правления Абу Исхака Ибрахима ибн Мухаммад ибн Б.л.т.вара (20-е гг. XI в.), пытавшегося поддерживать активные политические контакты с мусульманским миром. Активными посредниками в распространении таких изделий в Восточной Европе были русы. Интересно в этом плане такое сообщение исландских саг о

Булгарии, как части Гардарики (Руси), относящееся к концу 1020-х гг. (до 1030 г. - года гибели Олава Харальдссона, героя рассказа: "...Приехав в Гардарики, Олав конунг предавался глубоким раздумьям и размышлениям о том, как ему быть дальше. Ярицлейв (Ярослав) конунг и его жена Ингигерд предлагали Олаву конунгу остаться у них и стать правителем страны, которая называется Вульгария. Она составляет часть Гардарики, и народ в ней некрещеный". Конечно, для этого времени такое сообщение звучит довольно странно. Однако и считать его ошибкой, при документальной точности других фактов, изложенных в этой саге, у нас нет оснований. Может быть здесь имеются в виду территории, населенные финскими племенами муромой, мордвой и марийцами, соседними с булгарами.

В заключение отметим, что рассматриваемые чаши связаны и с космогоническими воззрениями древних марийцев, что уже отмечалось в публикации 1992 г. Изображения птиц и солярных символов (так вероятно, интерпретировался геометрический орнамент), форма и цвет чаш, а также их положение на территории некрополей - являлись символическим отображением "перехода" в потусторонний мир с сопутствующими атрибутами. Я не исключаю того, что археологический материал отразил и некоторые небесные явления (может быть и вспышку сверхновой 1054 г. или солнечное затмение 1064 г.), которые имели для древних людей большое значение и требовали ритуального "послания" в потустороннюю сферу, но достоверно доказать которые на сегодняшний день мы не можем.

Можно только сказать, что наблюдения звездного неба и связанные с ними приметы, нашедшие свое отражение в этнографическом материале, имели глубокие исторические корни. Так, у чуваш и, видимо, у марийцев имели свои названия и наблюдались уже знакомые нам созвездия Плеяды [Елкер (решето-звезда – чув)., Орион (коромысло- чув., мар.) , Большая Медведица (семь звезд, большой ковш-звезда, олень, волк- чув.; утиное гнездо- мар. (29, с. 179)], Млечный Путь (дорога диких гусей - чув., мар., тат.); Полярная звезда и планета Венера; причем по созвездию Плеяд определялось время схода снега, прогноз на весну и лето, появление первого снега (28, с. 162, 192, 193). У марийцев некоторые погодные приметы связаны с наблюдениями звезд (26, №№ 89-105, 222-225, 426-450, 477, 771-776, 798-806). В мифологии марийцев также фигурируют мать звезд (шюдыр-ата), владыка звезд (шюдыр-он), бог звезд (шюдыр-шамыч кугу-юмо) (27, с. 178-180).

Наблюдения звезд и планет играли большую роль и в промысле пушного зверя, что зафиксировано как этнографами, так и отражено в археологическом материале (15, с. 110, 113). Значение промысловой охоты подчеркивалось практически всеми археологами и историками, изучавшими древних мари. Поэтому детальное выявление и сопоставление историчес-

ких, этнографических и археологических данных позволит по-новому интерпретировать имеющиеся материалы и открыть пока еще мало затронутую область идеологических представлений древних жителей марийского края.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Агаджанов С. Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI - XII вв. М.: Наука, 1991.

2. *Архипов Г.А.* Марийцы IX -XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973.

3. *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

4. *Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). М., 1963.

5. *Вуд Дж.* Солнце, Луна и древние камни. М.: Мир, 1981.

6. *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И.* Легенды и были таежного края. Новосибирск: Наука, 1989.

7. *Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А.* Мурома в VII - XI вв. Йошкар-Ола, 1990.

8. *Григорьян А.Т., Рожанская М.М.* Механика и астрономия на средневековом Востоке. М.: Наука, 1980.

9. *Дагаев М.М.* Наблюдения звездного неба. М.: Наука, 1978.

10. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т.II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.:Наука, 1967.

11. *Зигель Ф.Ю.* Сокровища звездного неба. Путеводитель по созвездиям и Луне. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1976.

12. Из истории физико-математических наук на средневековом Востоке. Трактаты ал-Хазини, ал-Бируни, Ибн ал-Хусайна, ал-Ширази. М.: Наука, 1983.

13. *Каримов У.И.* Неизвестное сочинение Ар-Рази. Книга тайны тайн. Ташкент, 1957.

14. *Каштанов Л.И., Смирнов А.П.* Из истории металлургии Среднего Поволжья и Урала // КСИИМК, вып.72, 1958.

15. *Конаков Н.Д.* Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука, 1990.

16. *Конькова Л.В.* Дальневосточные средневековые бронзы (по результатам спектрального и металлографического анализов) // Археология и этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1984.

17. *Конькова Л.В.* Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР (рубеж II - I тыс. до н.э. - XIII в. н.э.) Л., 1989.

18. *Лурье И., Ляпунова К.С., Матье М.Э., Пиотровский Б.А., Флиттнер Н.* Очерки по истории техники Древнего Востока. М.-Л., 1940.

19. Металловедение. М.: Металлургия, 1990.

20. *Melikian-Chirvani A.S.* The White Bronzes of Early Islamic Iran / Metropolitan Museum jornal. v.9, 1974

21. *Негматов И.Н.* Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX - X вв). Душанбе: Дониш, 1977.

22. *Никитина Т.Б., Руденко К.А.* Чаши из могильника "Нижняя Стрелка" // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК, вып. 21, 1992.

23. *Псковский Ю.П.* Новые и сверхновые звезды. М., 1985.

24. *Равдина Т.В.* Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.: Наука, 1988.

25. *Руденко К.А.* Хронология металлической посуды VII - IX вв. из Волго-Уральского региона // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Тезисы. Самара, 1997.

26. *Китиков А. Е.* Марийские народные приметы. Йошкар-Ола, 1989.

27. *Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889.

28. *Смоленский А.В* Чувашские приметы о погоде и влиянии ея на хозяйство // ИОАИЭ, т. XIII, вып. 3, 1895.

29. *Соловьева Г.И.* Образная символика и эстетика импровизации природы в марийской народной вышивке // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола. (Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов), 1995.

30. *Старцев П.А.* Очерки истории астрономии в Китае. М., 1961.

31. *Федотов Г.Я.* Звонкая песнь металла. М., 1990.

32. *Хлебникова Т.А.* Основные производства волжских булгар периода X –начала XIII вв. Канд. дисс. Казань. 1963 / Архив ИА РАН, Р-2/1, № 1918.

33. *Хлебникова Т.А.* Анализы болгарского цветного металла.// Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

34. Чудеса мира (Аджа'иб ар дуни'а) М.: Наука. / Памятники письменности Востока, т. LXXXIII, 1993.

35. *Шемаханская М.С.* Химико-технологическое исследование бронзовых изделий из Узунского собрания // *Литвинский Б.А., Соловьев В.С.* Средневековая культура Тохаристана: в свете раскопок в Вахшской долине. М.: Наука, 1985. Приложение II.

36. *Шемаханская М.Г., Равич И.Г., Седов А.В.* Опыт технологического исследования позднекушанских бронз // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.

37. *Шитов В.Н.* Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск / Труды, вып. 99, 1990.

38. *Шкловский И.С.* Сверхновые звезды и связанные сними проблемы. 2-е издание. М.: Наука, 1976.

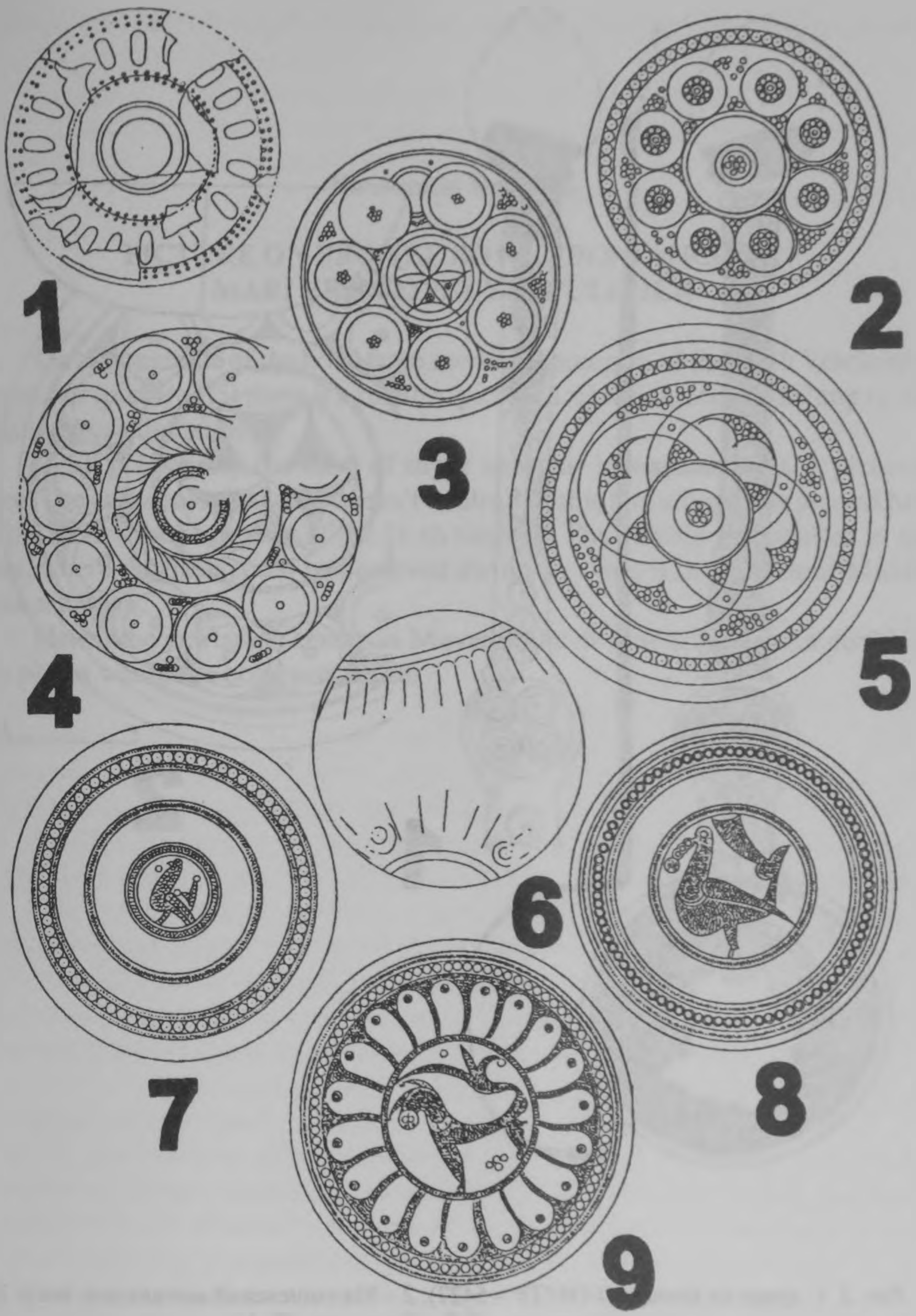

Рис. 1. Чаши из марийского Поволжья и Прикамья. 3 – Семеновское селище; 2 – Дубовский могильник; 1, 7-9 – могильник Нижняя Стрелка; 4-6 – Веселовский могильник (4 – комплекс № 17; 5 – комплекс № 20; 6 – внешняя сторона чаши из комплекса № 20).

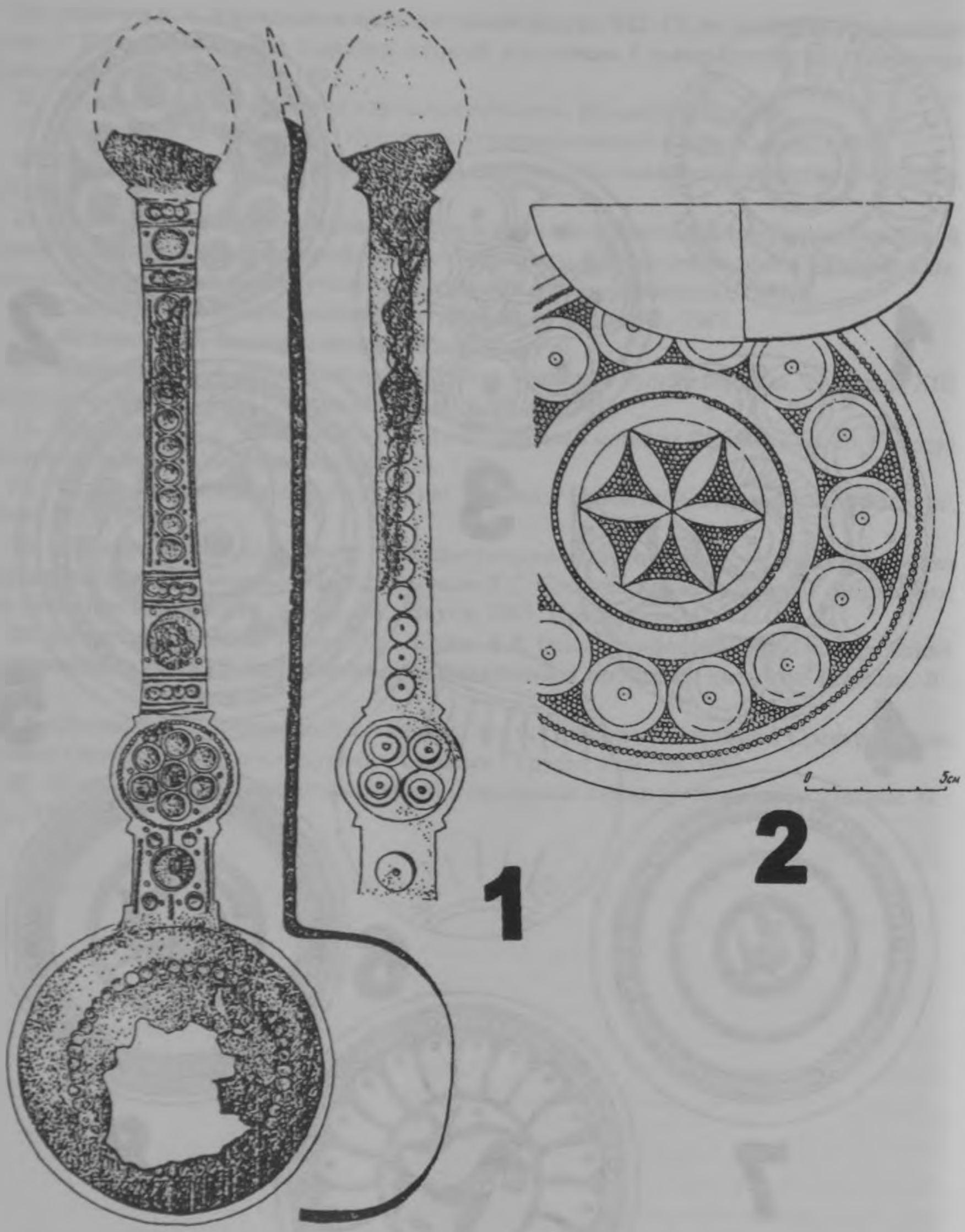

Рис. 2. 1- ковш из Биляра (ГОМТР – 5427). 2 – Малышевский могильник, погр. 72 (по Гришакову В.В. и Зеленееву Ю.А.).

Konstantin Rudenko

PICTURE ON BRONZE BOWL FROM ANCIENT MARI VESELOVSKY SEPULCHER

On external side of the bowl from sacrificial complex of the 20-th Veselovsky sepulcher (picture 1:5) there is a picture (picture 1:6) which doesn't belong to the main vessel's decoration.

In all probability the flash of super new star in summer 1006 is pictured here. The archaeological date doesn't contradict this fact either - the second half of the 10 th - the beginning of the 11-th century. The picture was painted in the area, where the flash could be observed distinctly - that is in the area of Middle Asia and Iran.

Hence the craftsmen center in Maverankhr or North Khorasan could be the places where the bowl was made.

«Финно-угроведение», 1998, № 1-2.

СООБЩЕНИЯ

Иван Плосков
Сыктывкар

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОМИ РАССКАЗОВ-БЫЛИЧЕК
(поверье и быличка)

Поверья, архаические приметы и рассказы-былички, как известно, органически связаны, при этом быличка – художественное произведение, в котором определенным образом используется материал поверья. Э.В. Померанцева, в частности, писала: “Поверье является либо обобщением каких-либо представлений, либо еще не оформившимся в отдельный рассказ сообщением, быличка же - рассказ о конкретном случае, базирующийся на верованиях и связанных с ними поверьях” (1, с.19). Быличка, по мнению В.П. Зиновьева, может “служить... лишь информацией о поверье”, а может выступать и “иллюстрирующим примером к определенному поверью... Суеверное представление (поверье) является организующей частью былички. Его характер определяет тему рассказа, своеобразие действующего лица, его портрета и функций, выбор места действия” (2, с. 31, 36, 41). Автор выделяет практическую функцию былички, связанную с сообщением в ней определенной информации, рекомендаций, примет (2, с. 23). “Знание примет, - пишет В.П. Зиновьев, - считалось необходимым, чтобы уметь при случае “обезопасить” себя от враждебных и таинственных сил” (2, с. 36).

Чаще всего подобные приметы приводятся в суеверном рассказе, быличке со ссылкой на авторитет, на традицию. Они по-особому звучат в рассказе. Более того, информаторы выделяют их интонацией, фиксируют на них внимание слушающих ничуть не меньше, чем на самом факте “встречи” с тем или иным сверхъестественным существом или с человеком, пропавшим в лесу и “принявшим вид лисы, собаки” и т.д. Приведу несколько примеров, зафиксированных у южных коми (в Прилузском районе Республики Коми):

а) “... важ йӧзыд ноллӧнӧ... пернатӧ; сійӧ кӧ веськӧ, перна кӧ ӧшӧдӧма

понмыслӧ, сія пӧ эськӧ эз мун сэсся, мортӧ пӧрис...", "... а сійӧс вичкоын колӧма звӧн ултын видзны"
("... старики... носят крестики; если бы крестик повесили той собаке, она бы не ушла, в человека бы превратилась..."; "...а его при колокольном (церковном) звоне надо было подержать");

б) "... кӧні чагъястӧ ю веркӧссьыд бергӧдлас да кыскас (вабергач), сэні купайтчыны оз позь, сэні олӧ ва олысь..."
("...там, где все в воду тащит, крутит (водоворот), купаться нельзя - там живет водяной ..."") (3, л.132; 4, с. 123-124).

В первом случае есть ссылка на авторитеты - на стариков ("важ йӧз"), на христианские представления о силе креста, церковных атрибутов. Во втором случае, как можно заметить, в основе "мистической" приметы лежит обычная народная примета, связанная с наблюдением природного явления.

По мнению исследователей, поверья и мистические приметы, различные "практические" рекомендации помогали закрепить (укрепить) мнение о "достоверности" сведений, сообщаемых в быличках (2, с. 36-37).

Практические рекомендации, советы обычно находятся "при рассказе", или вне рассказа-былички (имеются в цикле быличек, но выводятся за пределы отдельного рассказа). Они, в частности, являются "дополнительным" элементом по отношению к рассказу-описанию (образованному на основе поверья): "Ва олысьыс мича юрсиа пӧ, и тадзи пӧ пуксьӧма ю берегас, ю берегас пуксьӧма пӧ и сынасьӧ. Шочыдика пӧ сыныштлыллӧ. Сьӧд юрсиыс пӧ, смолёк кодь пӧ сьӧд.

Колі пӧ вед юалны, муй водзын пӧ тэныд мыччысис? А ме пӧ полдзи да регыдджык пӧ муні, ог пӧ лысьты видзыштынысӧ, а не тӧ штӧ ли муй. Ме пӧ полдзи, муй-я пӧ и лои?! А юалі эськӧ, муйкӧ, эськӧ ӧтвет сетіс. Сія вед морт пукалӧ дак.

Меным эз на мыччысьлы, ог тӧд. Эг на аддзыл. А морт ыжда пӧ, сэтшӧм нылбаба и эм. Нылбаба пӧ, юрсиа так, нылбаба пӧ. Нылбаба лӧпӧтя пӧ, кышасьӧм пӧ, абу пасьтӧм.

Юалны пӧ веськӧ колӧ, сэтшӧмтор пӧ аддзан кӧ, юалны колӧ, муй водзын пӧ мыччысис, а сія сэсся полдзӧма да пышйӧма..."

(Говорят, что у "ва олысь" красивые волосы, и так вот она сидит на берегу, медленно волосы поглаживает. Волосы черные, говорят, черные-черные.

Так ведь надо спрашивать, говорят, перед чем она тебе "является"? А я, говорит, испугалась, не смею даже смотреть, не то что спрашивать ... Я, говорит, испугалась - что же случилось?! А спросила бы, ответ был бы... Она ведь как человек... (Далее информатор незаметно перешла к воспоминанию о каком-то конкретном случае - *И.П.*).

Мне не показывалась, не знаю. Не видела еще. А говорят, что такая баба и есть... В платье, говорят.

Спросить, говорят, надо, если увидишь такое, перед чем "является" тебе; ... а она испугалась и убежала...") (3, л. 63).

Поверье в данном случае вызвало различные воспоминания и переживания у информатора. Вероятно, такая ситуация закономерно вызывает последующее рассказывание быличек (при наличии соответствующей традиции). Повествование о встрече с черноволосой "ва олысь" – некая подготовка к упоминаемому рассказу-воспоминанию.

Как отмечалось, в цикле быличек и бывальщин поверья могут "сопровождать" рассказ. Приведем былички, записанные у южных коми, и рассмотрим, как проявляет себя поверье в этих циклах рассказов.

1. "Ме вӧлі член сельсоветаӧн. Корисны менӧ правленьеӧ. Асылнас ме водз петі, мед эштыны сійӧ кад кежлас. Мунныс вӧлі колӧ мельнича пруд дорті. Менамкӧд жӧ дӧлжен вцлі мунны ӧти мужик морт. Муна ме и аддза, мый мельнича прудас сійӧ пукалӧ да юрсисӧ сыналӧ. Друг менӧ ... как кашель босьтіс. Кашльышті ме, а сійӧ полдзис да ваас чеччӧптіс, вылӧвылӧ гы кайліс, да сэсся ва вылас нинӧм эз коль, гладкӧй лоис.

Рытнад найӧ оз петны. тӧлькӧ водз асылнад. шонді петігас ..."

(Я была членом сельсовета.. Вызвали меня в правление. Утром рано вышла, чтобы успеть ко времени. Идти нужно было мимо мельничного пруда. Со мной должен был идти один мужчина. Иду я и вижу, что около она сидит и волосы поглаживает (расчесывает). Вдруг я закашляла, и она испугалась и в воду прыгнула.

Они выходят только рано утром, при восходе, вечером не выходят... (рассказано о "ва олысь") (3, л. 111).

2. "Том дырйи ме вӧр вӧчлыллі, да оллім баракын, вӧрас. Важ Выль во панӧдыс ме баракын вӧлі, луннас ставсӧ мыськаси, а рытнас ставыс мунісны. Куш ӧтнам коли, кӧсъя вӧлі водны нин. Сэсся воді коркц. Онмысъны мӧді, а... джодж кузяыс ичӧтик нылка пышъялӧ да шуалӧ: "Тётя, тётя!"

Сэсся миян кась лактіс. Ме сійӧс ... мӧді вӧтлӧдлыны. А щуӧнӧ пӧ, мый касьсӧ оз кол вӧтлӧдлыны, а колӧ топӧдны, сэки ставыс прӧдитас.

Недыр мысти петук мӧдіс чуксыны, да джодж кузяыс (нылкаыс) пышъялӧ! Ме век бласлӧвитча. Кӧсякъяс миян улынӧсь вӧліны, видзышті - свадьба вартӧдӧ!

Бӧртінас бать висьталліс, мый баракыс сулалӧма вӧр олысь туй вылас..."

(В молодости я работала на лесозаготовках, и жили мы в бараках, в лесу. В Новый год (по старому стилю) я в бараке осталась, днем везде вымыла, прибрала, а вечером все ушли. Одна осталась. Хотела лечь. Потом

легла когда-то. Стала засыпать ..., а... по полу маленькая девочка бегает и говорит: “Тётя, тётя! “

Наш кот пришел. Я его стала гнать от себя. А ведь говорят, что кота-то надо к себе прижать, тогда все пройдет.

Вдруг петух пропел, да (девочка) как забегала! Окна у нас низкие были, смотрю - свадьба проезжает! Потом отец говорил как-то, что барак тот стоял на дороге (тропе) леших ..) (3, л. 113).

3. “Ӧтчыд вӧрӧ мунӧмны ... да керкаас пырӧмны (налы). А сэні старик пукялӧ. Керкаас пач ломтысьӧ, ӧдйӧн жар.

Эн, тійӧ, сёян-юансӧ пӧ сёйӧ ... А коркӧ найӧ пурт чиплӧмны тӧл панӧдыс. Пуртыс сія пызан вылас пӧ куйлӧ сэтчаньын, да шуӧ (старикыс), тӧл паныд пӧ некор эн чипӧ ...

Сэсся нида бӧр мунасны. Сэсся унаӧн чукӧртчасны да корсясны сійӧ керкасӧ, абы аддзӧмны. Старикыс сія сэтчӧ сюрлӧма, мучитчӧма да предупредитӧма наясӧ...”

(Однажды в лес пошли..., и зашли (к ним) в дом. А там старик сидит. В доме печка топится, очень жарко.

- Не ешьте еду, не пейте...

А когда-то они нож кидали против ветра. Нож этот там, говорят на столе лежит, и говорит им старик:

- Против ветра никогда не кидайте!

Затем обратно ушли. Много людей собрали, стали искать тот дом, но не нашли. Старик тот туда попадал, видно, измучился, и предупредил их...) (3, л. 132).

В первом примере поверье сопровождает быличку, непосредственно не входит в меморат. Ни в поверье, ни в быличке не назван персонаж. О том, что свидетель-информатор увидела именно “ва олысь”, можно догадаться по характерному для этого персонажа действию: “Она около пруда сидит и волосы поглаживает”.

Э.В. Померанцева отмечала: “Образ поверья входит в другую повествовательную систему и в связи с этим видоизменяется: становятся иными его интерпретация рассказчиком и восприятие слушателями, несмотря на совпадение основного рисунка образа и отдельных повествовательных моментов” (1, с. 64). В приведенном коми примере образ “ва олысь” все же мало чем отличается от того образа, который определяет (дает) поверье. В упоминаемом рассказе-описании были попытки дать обрисовку (некоторые черты “портрета”) сверхъестественного существа. Несмотря на то, что быличка оказалась ближе к так называемой “информации о поверье”, в ней есть явное упоминание о факте “встречи” со сверхъестественным существом (кульминация былички), при этом к мемората, как известно, слушающие относятся иначе, нежели к “нейтральному” поверью.

Выше отмечалось, что есть иной уровень использования поверья в быличке. В данном случае поверье ("Они выходят только рано утром, при восходе, вечером они не выходят...") сопровождает быличку и является своеобразным дополнением к меморату, при этом оно участвует в дальнейшей обрисовке образа; нередко такие поверья являются связующим звеном в цепи аналогичных рассказов.

Во второй приведенной быличке также есть "завершающее" поверье. Но поверье скрыто и в середине рассказа. Причем оно органически входит в повествование - в достаточно напряженное место былички.

Упоминаемая информация в то же время позволяет дать некоторую разрядку (в рассказе), тем самым подготавливая слушающих к восприятию последующего момента: "Вдруг петух запел, да девочка как забегала! Кульминация здесь - в самом конце былички (появление "свадьбы леших"). Граница реального (обычного) и сверхъестественного находится в начале рассказа (в эпизоде с мотивом сна): "Одна осталась. Хотела лечь. Потом легла когда-то. Стала засыпать..., а... по полу маленькая девочка бегает и говорит: "Тётя, тётя!" В данном примере проявляется как бы "замедление времени", обозначившее переход в "иной" план.

Собирательный образ "лесной" сверхъестественной силы так же, как и в первой быличке, по-своему иллюстрирует ("подтверждает") поверье. Быличка при этом построена на моментах забвения определенных правил, требований, их нарушения, как бы имея характер предостережения (2, с.36; 5, с.276). В данном случае было неудачным место для строения.

Поверья и приметы могут быть и своеобразным центральным мотивом былички. В третьей быличке, приведенной выше, подтверждается, что в доме леших иногда происходит встреча с "вошӧм" - с пропавшим в лесу человеком. "Вошӧм" помогает людям, дает им советы: "Не ешьте еду, не пейте...", "против ветра никогда не кидайте..." Здесь "вошӧм" - это "старик", который страдал ("измучился") в чужом мире и предупредил людей. Также во второй быличке в качестве подобного персонажа-помощника, очевидно, была маленькая девочка, которая, вероятно, пыталась предупредить о свадьбе леших. В южных коми быличках этот мотив (предупреждение людей) используется довольно часто. В то же время упоминаемый персонаж также является представителем потустороннего мира ("Петух пропел, да девочка как забегала").

У южных коми, в частности, есть также поверья, соответственно которым пропавшие в лесу люди становились лешими:

"...Сія пӧ вед быдмӧнӧ. Ичӧтик кӧть вед мунӧ, сійӧ пӧ вед быдмӧ сэтчань, спӧлнӧй луӧ. Тушаыд пӧ вед каиӧ. Коді вошас ловйӧныд, вӧр олысь и луӧ сэсся... Бӧрыд вед оз лак так. Сія сэсся оз и мӧд мыччасьны йӧзыдлӧ. Гусьӧн и мӧдас вӧрад олны..."

(...Они, пропавшие, говорят, вырастают. Хоть и маленький пропадает, говорят, вырастает там, взрослым будет. Кто пропадет живым, лешим будет... Обратно ведь уже не приходит, он потом не будет людям показываться, тайком будет в лесу жить...) (3, л. 59).

Конечно же, образы таких поверий являются основой образов быличек, таких как упоминаемые маленькая девочка, старик-"вошӧм" и др. Можно предположить, что подобные представления были связаны с культом мертвых. При этом запреты и правила, которые сообщаются (в рассказе) людям стариком-"вошӧм", непосредственно представляют поверье, и они стали заметным мотивом былички, дополняющим встречу с "вошӧм".

В конце третьей былички также есть примечательный момент - упоминание о "чуде" - исчезновении дома леших и "вошӧм". Именно это является кульминацией былички. Элементы же поверья, ставшие своеобразной основой былички, в данном случае, как и факт встречи с "вошӧм", постепенно готовят все-таки достаточно неожиданную кульминацию.

Уже отмечалось о различных структурных особенностях рассказов-быличек. Следует также отметить следующее о поверьях, которые обнаруживаются в повествовании. Существуют характерные для былички знаки поверья-основы. Здесь знак интересует нас постольку, поскольку он помогает раскрыть структурные композиционные особенности "краткой" былички.

Поверье, как указывалось, всегда присутствует в быличке или в цикле быличек; как отмечалось, им по-своему "подтверждается" "достоверность" событий, о которых повествуется в быличке и т.д. Нет необходимости повторять известное поверье, необходимо только его назвать, обозначить. Знаком поверья-основы (указывающими на него, как на основу), в быличке может быть указание на известное время – рано утром, в полдень, в полночь, во время Рождества, в Петров день и т.д.; на определенное место – дом в лесу, пустой дом на краю деревни, мельничный пруд и т.д. Казалось бы, стертыми "знаками" архаического поверья являются пруд, озеро, лес (в быличке). Однако это далеко не так. Нет необходимости повторять, что "в озере живет водяной", а "в лесу обитает леший". Достаточно назвать известное место обитания фантастического персонажа.

В быличке может быть сразу несколько следов архаического поверья. Вот пример из южнокоми фольклора: "...Игрище вӧчасны. Выль во кежлас (14 января) том йӧзыс чукӧртчасны пустӧ керкаӧ да параясӧн йӧктӧнӧ..." (Игрище сделают. На новый год (14 января) молодежь соберется в пустом доме и пляшет...) (3, л. 114). В данном случае имеется скрытая "примета" – по поверьям, игрища (как и свадьбы) нередко посещаются нечистой силой. Подобные поверья и суеверные приметы известны, разумеется, не только в коми фольклоре. Своеобразным "знаком" может быть

речь персонажа, в частности его обращение к человеку – "раб" (соответственно южнокоми традиции). Очевидно, в этом случае "обращение" восходит к книжной (русской) традиции или же связано с заговорными формулами.

Приведенные материалы также касаются различных вопросов – в частности, психологических особенностей суеверно-мистического, суеверно-фантастического повествования. Структура рассказов-быличек свидетельствует о сохранении (в том или ином виде) древних поверий, о сохранении, возникновении соответствующих ассоциаций. Поверья, приметы находятся не только в основе, но также "сопровождают" цикл рассказов-быличек, связаны с оформлением, композицией мифологических рассказов коми.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975.
2. *Зиновьев В.П.* Жанровые особенности быличек. Иркутск, 1974.
3. Архив Коми научного центра УрО РАН, ф. 5, оп. 2, д. 209 (а).
4. Коми легенды и предания (Сост. *Ю.Г. Рочев*). Сыктывкар, 1984.
5. Эстонский фольклор. Отв. ред. *Р. Вийдалепп.* Таллин, 1980.

Ivan Ploskov

PECULIARITIES OF SHORT STORIES-BYLINAS

The article deals with some peculiarities of short stories-bylinas in Komi tradition; the position of popular believes and superstitions in mythological stories (bylinas) is found.

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Элина Лебедева
Йошкар-Ола

ОБ ИЗУЧЕНИИ МАРИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Пословицы и поговорки разных народов мира издавна привлекали к себе внимание различных ученых. Известный исследователь русского фольклора В. П. Аникин отмечает: "Историк ищет в пословицах и поговорках свидетельства о далекой старине и памятных событиях древности. Юрист ценит пословицы и поговорки как неписаные законы народной жизни. Этнограф усматривает в народных изречениях и мелких образных определениях и характеристиках отражение уже исчезнувших обычаев и порядков. Философы через пословицы и поговорки пытаются понять строй народного мышления" (1, с. 7).

Интерес различных исследователей к пословицам и поговоркам как объекту исследования обусловлен, прежде всего, их разноплановой природой.

С одной стороны, пословицы и поговорки представляют собой логические единицы (суждения или умозаключения) и являются "знаками ситуаций или определенных отношений между вещами ... и обладают особыми семиотическими свойствами, присущими всем языковым единицам" (2, с. 226).

С другой стороны, пословицы и поговорки представляют собой небольшие художественные тексты "с поучительной тенденцией и часто в ритмически организованной форме", которые "заключают в себе образно выраженную, обобщенную мысль, оценку, умозаключение, вывод, иносказание" (3, с. 907). В данном случае пословицы и поговорки рассматриваются как произведения устного народного творчества малого жанра и являются объектом исследования фольклористики.

С третьей стороны, пословицы и поговорки представляют собой краткие и устойчивые изречения, нередко назидательного характера, выражающие суждения, обобщенные жизненные наблюдения, закономерности,

истины или образную оценку, характеристику факта действительности, события, человека (4, с. 379). С точки зрения языка, пословицы и поговорки являются интересным языковым материалом, поскольку в них народ мастерски использовал огромные языковые богатства, им же созданные.

Таким образом, пословицы и поговорки представляют собой явления мысли, фольклора и языка. Тройственная природа пословиц и поговорок требует и троякого подхода к ним - в логико-семиотическом, фольклористическом и лингвистическом плане. Именно по этой причине пословицы и поговорки привлекают к себе внимание и логиков, и фольклористов, и языковедов.

Изучению пословиц и поговорок как явления ***мысли***, т.е. рассмотрению формальной структуры пословиц и поговорок, посвятили свои работы А. Дандис (1975), А.А. Крикманн (1978), В. Фой (1978), Г. Пермяков (1978), З. Каньо (1984) и М. Кууси (1966). Они считают необходимым сосредоточить внимание исследователей на поисках обобщенных формул и единой модели для объяснения всех пословиц и поговорок, принадлежащих разным народам. Они предлагают логико-семиотическую структуру пословиц и поговорок положить в основу международной классификации пословичных и поговорочных типов. По их мнению, основное внимание при анализе пословичного и поговорочного материала следует обращать на их абстрактную схему, а не на их языковые характеристики.

В качестве явления ***фольклора*** пословицы и поговорки финно-угорских народов собирались и исследовались следующими учеными: финнами А. Коскенйаакко (1913), А. Коскимиесом (1929), М. Кууси (1954), П. Виртаранта (1978), Т. Вуорела (1979), К. Лаукканеном (1978) и П. Хакамиесом (1986); эстонцами А.К. Рейцаком (1967), А. Крикманном (1984), Ф. Вакком (1993); карелами Т.Н. Макаровым (1959), Л. Миеттинен и П. Лейно (1971), П. Виртаранта (1976); мордвинами К.Т. Самородовым (1975); удмуртами А.Клабуковым (1950), К.Н. Дзюиной (1967), Н.П. Кралиной (1969), Т.Г. Перевозчиковой (1987); коми И.И. Тарабукиным (1961), Ф.В. Плесовским (1973), венгром Н. Габор (1975).

Собиранием и исследованием марийских пословиц и поговорок как фольклорного материала занимались финские исследователи В. Поркка (1895), Х. Паасонен (1939), Ю. Вихманн (1931), С. Сааринен (1989), венгерский ученый Ц. Беке (1951, 1957, 1961), американец В. Робертс (1952) и марийские исследователи Т.Е. Евсеев (1908-1928), В.М. Васильев и П.П. Глезденев (1907), Г.Г. Кармазин (1929), В.А. Мухин (1931), С.И. Ибатов (I960). Большой вклад в исследование марийских пословиц и поговорок внес фольклорист А. Е. Китиков, составивший "Словарь марийских пословиц и поговорок" (1991). Он также является автором монографии, посвященной описанию своеобразия пословиц и поговорок марийского и

других финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (1989).

Однако ***лингвистический*** аспект пословиц и поговорок, как и вообще фольклорных произведений, является малоизученным как в марийском, так и в целом в финно-угорском языкознании.

Среди работ, посвященных изучению фольклорных произведений в языковом аспекте, следует отметить работы И.Г. Иванова (1975) и Н.Н. Глуховой (1997). Они рассматривают языковые особенности марийских языческих молитв и заговоров. Лингвистическому исследованию малых жанров фольклора посвятила свою монографию финский исследователь С. Сааринен (1991). В ней рассматриваются особенности языка марийских загадок на синтаксическом, морфологическом и фонологическом уровнях, их отличие от языка других фольклорных произведений, особенности лексического состава и средства образного выражения в них. Эти работы представляют собой интерес с точки зрения решения проблем лингвистического анализа произведений фольклора. В финно-угорской филологии имеются исследования, в которых пословичный и поговорочный материал рассматривается одновременно с точки зрения и фольклора и языкознания. Например, в монографиях финского исследователя П. Лейно "Структуральная аллитерация в финском языке" (1970) и "Сегментное предложение в финском языке" (1982) пословицы и поговорки наряду с другими произведениями фольклора анализируются в языковом плане.

Другой финский исследователь П. Хакамиес в монографии "Влияние русских пословиц на карельские и финские пословицы" (1986) исследует пословицы и поговорки с точки зрения фольклора. Однако в ней содержится также анализ структурных и стилистических особенностей финских и карельских пословиц и поговорок. В данной работе наряду с изучением аллитерации, рифмы, калевальского метра в финских и карельских пословицах и поговорках автор рассматривает наиболее распространенные синтаксические конструкции, особенности порядка слов и лексического состава в пословичных и поговорочных конструкциях.

Лингвистический анализ отдельных сторон финских пословиц и поговорок представлен в работах финских исследователей М. Кууси (1977) и С. Киуру (1990). М. Кууси исследует прибалтийско-финские пословицы и поговорки в морфологическом аспекте. Он рассматривает употребление глаголов в форме второго лица единственного числа в составе прибалтийско-финских (финских, карельских и вепсских) пословиц и поговорок как мерило степени обрусения.

Синтаксический аспект финских и карельских пословиц и поговорок анализирует в своей статье С. Киуру. Она изучает пословицы и поговорки со структурой уступительного придаточного предложения в различных диалектах финского и карельского языков.

В своей работе "Взаимосвязь риторического, модального, логического и синтаксического планов эстонских пословиц" (1997) эстонский исследователь А. Крикманн уделяет большое внимание синтаксическому анализу эстонских пословиц и поговорок.

Некоторые наблюдения и обобщения о синтаксическом строе пословиц и поговорок финно-угорских народов содержатся в работах Ф.В. Плесовского (1973), К.Т. Самородова (1975), Т.Г. Перевозчиковой (1983), Г.Н. Макарова (1963).

Карельский фольклорист Г. Н. Макаров отмечал, что у пословиц и поговорок "своеобразный синтаксис, очень скупо допускающий употребление второстепенных членов предложения" (5, с. 15). Мордовский паремиолог К.Т. Самородов указывал, что "композиция пословиц основана на мерном членении, которое дает четкое и сжатое выражение мысли и содействует легкости их произношения и запоминания" (6, с. 30). Собиратель и исследователь пословиц и поговорок коми языка Ф.В. Плесовский отмечал, что имеются одночленные и двучленные пословицы и поговорки, что "каждый член пословицы - часть простого или сложного предложения" (7, с. 10). Удмуртский ученый Т.Г. Перевозчикова, описывая структурно-стилистические особенности афористического жанра фольклора, анализирует и типы синтаксических построений пословиц и поговорок. Она отмечает, что пословицы и поговорки представлены всеми типами простых и сложных предложений, однако наиболее часто они представляют собой простые односоставные предложения (8, с. 53).

Некоторые наблюдения в лингвистическом плане над марийскими пословицами и поговорками имеются в работах марийских исследователей В.М. Васильева (1931), В.А. Мухина(1931), Г.Г. Кармазина (1929), С.И. Ибатова (1960), А.Е. Китикова (1989). Основоположник марийского языкознания В.М. Васильев использовал пословицы и поговорки в качестве дополнительного иллюстративного материала при разработке отдельных вопросов грамматики и при составлении словаря марийского языка (9, с. 27). Широко использовал пословицы и поговорки при составлении учебников и учебных пособий по марийскому языку и в своей исследовательской работе Г.Г. Кармазин. Он отмечал, что в пословицах и поговорках имеется особый порядок слов (10, с. 31). В.А. Мухин в 1931 году впервые в марийском языкознании высказал и обосновал мысль о языковой природе пословиц и поговорок и о необходимости их изучения не только как жанра фольклора, но и как языковых единиц, поскольку "изучение их и правильный морфологический и синтаксический анализ дали бы весьма поучительный материал и для правильного построения марийской письменной речи, что в свою очередь оказало бы несомненную услугу и делу развития языка как такового" (11, с. 23). На сущность пословиц и погово-

рок как языковых единиц указывал собиратель марийских пословиц и поговорок С.И. Ибатов. Он дал определение этим понятиям и изучал их смысловую сторону и средства образного выражения в них (12, с. 14). На синтаксический строй пословиц и поговорок обращал внимание фольклорист А.Е. Китиков. В своей монографии наряду с изучением пословичного и поговорочного материала в фольклористическом плане он анализировал поэтические средства, звуковую организацию, лексический состав и стилистические средства пословиц и поговорок (13, с. 112).

Однако ни в марийском, ни в целом в финно-угорском языкознании до сих пор не имеется работ, полностью посвященных лингвистическому исследованию пословиц и поговорок, в то время как лингвистический анализ пословичного и поговорочного материала является важным как с позиции общего языкознания, так и для рассмотрения системы какого-либо отдельного языка. "Грамматика не только могла бы и должна бы многому научиться у пословиц, но должна бы быть по ним, во многих частях своих, вновь переверстана" (14, с. 23). Действительно, описание языка пословиц и поговорок, особенно их морфологический и синтаксический анализ, позволяет уточнить отдельные характеристики конкретного языка.

Таким образом, анализ марийских пословиц и поговорок с лингвистических позиций предполагает, прежде всего, изучение их в грамматическом плане, а именно их морфологических и синтаксических характеристик.

Выявление грамматических особенностей пословиц и поговорок представляет несомненный интерес для марийского языкознания, поскольку способствует выяснению своеобразия проявлений многих категорий морфологии и синтаксиса марийского языка. Результаты и основные выводы исследования могут быть использованы лингвистами при разработке общетеоретических вопросов морфологии и синтаксиса как марийского, так и других финно-угорских языков, а также могут найти применение при составлении соответствующих разделов грамматики, учебных пособий, толковых словарей современного марийского языка и новых двуязычных и многоязычных сборников пословиц и поговорок.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникин В.П.* Предисловие // Избранные пословицы и поговорки народов Востока. Москва, 1967.
2. *Пермяков Г.Л.* О логическом аспекте пословиц и поговорок // Proverbium. № 10, 1968.
3. Краткая литературная энциклопедия. Под ред. *Суркова А.А.*, Т. 5. Москва, 1968.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. *Ярцевой В.Н.* Москва, 1990.
5. *Макаров Г.П.* Карельские пословицы и поговорки. Петрозаводск, 1959.

6. *Самородов К.Т.* Мордовское устное народное творчество. Т. I. Саранск, 1975.
7. *Плесовский Ф.В.* Коми пословицы и поговорки. Сыктывкар, 1973.
8. *Перевозчикова Т.Г.* К вопросу о структурно-стилистических особенностях афористических жанров удмуртского фольклора // Вопросы своеобразия жанров удмуртской литературы и фольклора. Ижевск, 1983.
9. *Васильев В.М.* Марий калыкын йомакше, ойлымашыже, туштыжо, тошто мутшо, мурыжо // Фольклор: Сборник материалов по устной марийской народной словесности. Москва, 1931.
10. *Кармазин Г.Г.* Марий йылме лончыш: 1 кыдеж: Тӱнгалтыш школлан йӧрышӧ. Москва. 1929.
11. *Мухин В.А.* Кое-что о фольклоре и его природе // Фольклор: Сборник материалов по устной народной марийской словесности. Москва, 1931.
12. *Ибатов С.И.* Марийские пословицы, поговорки, загадки. Йошкар-Ола, 1960.
13. *Китиков А.Е.* Своеобразие пословиц и поговорок финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. Йошкар-Ола, 1989.
14. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т. I. Москва, 1957.

Elina Lebedeva

INVESTIGATION OF MARI PROVERBS AND SAYINGS IN LINGUISTIC ASPECT

Neither in Mari nor in Finno - Ugric study on the whole there are no works wholly devoted to the linguistic investigation of proverbs and saying while the linguistic analysis of proverbs and sayings is important from the view-point of General linguistics and for the investigation of a single language's system.

To revel grammatical peculiarities of proverbs and sayings is of great nterest for the Mari linguistics as it facilitates the elucidation of peculiarities of display of many categories of the Mari morphology and syntax.

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Валентина Соловар
Ханты-Мансийск

СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА
(на материале казымского диалекта)

Мы рассмотрим лексико-семантическую и грамматическую структуру сомонимов. В соматическую лексику входят слова, обозначающие названия частей тела или органов человека и животных. Общих сомонимических терминов, называющих части тела и органы у человека и животных, достаточно много.

Сомонимы часто употребляются во всех сферах жизни, а также в загадках, в обрядах, приметах, названиях орнаментов, одежды, предметов быта, в прозвищах людей и кличках животных , в оленеводческой терминологии, топонимах, орнитонимах и т.д.

Ряд исследователей отмечают, что соматическая лексика относится к наиболее древним языковым единицам, она отражает миропонимание этноса.

Морфологическая структура сомонимов представлена следующими типами:

а) сомонимы, состоящие из одного полнозначного слова: *ух* 'голова', *вєнш* 'лицо', *сєм* 'глаз', *пӑл* 'ухо', *нюл* 'нос', *унӑл* 'рот', *туруп* 'губа', *нялум* 'язык', *пєнк* 'зуб', *эпӑт* 'волосы', *тур* 'горло', *сӑм* 'сердце', *сапл* 'шея', *йош* 'рука', *кур* 'нога', *шанш* 'спина' и т.д. Эти части тела являются наиболее важными для жизнедеятельности человека;

б) сомонимы, выступающие в виде парных сочетаний: *ух-сєм* 'голова- глаза', *нюл-сєм* 'нос-глаза', *сӑм-турх* 'сердце-печень', *йош-кур* 'руки-ноги';

в) сомонимы, являющиеся двучленными структурными единицами: *ух шов* 'мозги', *ух хэр* 'пробор на голове', *сєм хулюм* 'веко', *нюл вуснӑн* 'ноздри', *кур пӑт* 'ступня', *кушкар* 'ноготь', *йош паты 'ладонь', куниш олӑн* 'локоть';

г) сомонимы, являющиеся трехчленными структурными единицами: *кур лон нюхи* 'икры'.

Как отмечает А.Н. Ракин, на материале пермских языков довольно часто в качестве составных частей сомонимов выступает один и тот же компонент. Этот компонент стоит на первом месте и указывает на часть тела, по отношению к которому локализуется объект номинации, обозначаемый всей конструкцией (1).

Аналогичное наблюдается и в казымском диалекте хантыйского языка. Приведем примеры: *ух* 'голова' и *ух паты* 'верхняя часть головы (букв. 'дно головы')'; *сем* 'глаз' и *сем оӆăӈ* 'угол глаза (букв. 'начало глаза')'; *ӯӈăӆ* и *ӯӈăӆ лух* 'место за щекой (букв. 'залив рта')'; *пеӆк* 'зуб' и *пеӆк дӯв* 'челюсть (букв. 'кость зуба')'; *тӯр* и *тӯр хăри* 'гортань (букв. 'поляна горла')'; *шапш* 'колени' и *шапшух* 'колено (букв. 'голова колена')'.

Сомонимическая лексика способна к образованию полисемии, омонимии, синонимии. Соматизмы образуют синонимические ряды с названиями тех же органов в детской речи, с табу и эвфемизмами. К табу в хантыйском языке относится вся лексика, имеющая отношение к тотемному животному - медведю, в том числе слова, обозначающие его части тела и органы. Например: *няш* 'когти' (букв. 'крючок')', *хăсыет* 'глаза (букв. 'звезды')', *аӆӆыеӈăн* 'уши' (букв. 'пеньки')'. К табуированной относится также и бранная лексика и лексика, связанная с названиями половых органов. Например, слово *щищки* обозначает любую маленькую птичку, а в детской речи - половой орган мальчика. Перенос названия произошел по сходству формы и размеров. Синонимично слову *щищки* употребляются два других слова: *вӯрщăк* 'трясогузка' и *кака вой (кака)* 'птичка'. Оба слова являются эвфемизмами.

Слово *воньща,* усеченное от слов *воньщты* 'собирать ягоды', *воньщумут* 'ягода (букв. 'собранный предмет')', обозначает в детской речи половой орган девочки, является эвфемизмом.

Папи 'ягодицы' употребляется в детской речи, является синонимом к словам *паты* 'зад' (букв. 'дно'), *пӯй* 'зад'.

Примером синонимии является слово *ӯӈă* 'ротик' (усеченное от *ӯӈăӆ* 'рот'). которое употребляется в детской речи.

Слово *щӯщи* имеет два значения. Основное значение этого слова – 'женская грудь, молочная железа', перен. – 'грудной ребенок, малыш'.В переносном значении слово становится стилистически окрашенным: так уменьшительно-ласкательно называют детей любого возраста. Сомоним *щӯщи* в данном значении входит в состав словосочетания *щӯщаӆ ăй=ем* (букв 'грудной маленький=мой').

Лексемы *папи, ӯӈа, щищки* входят в состав устойчивых словосочетаний. Приведем примеры.

Выражение *Папен ăитэ* (букв. 'попа=твоя отсутствует') может употребляться, если говорящий отвечает невпопад, неправильно или вопреки ожиданиям собеседника:

- Ма нāӈ хущана па āн юхāтӆум. '- Я не приду к тебе больше'.

- Папен āнтə (букв. 'попы=твоей нет'). -Хуӆтə мāӈлāн? '- Куда денешься=ты?'.

В данной ситуации тот, кто отвечает, знает, что собеседник без него не обойдется, он вынужден будет по каким-либо обстоятельствам снова обратиться к нему же.

Сомоним *ӳӆа* употребляется в словосочетании *ӳӆаен мие* 'поцелуемся (букв. 'рот=твой дай').

Устойчивое словосочетание *лыюм щипцки* 'гнилая птичка' употребляется как ругательство, насмешка по отношению к пожилому мужчине, который стал проявлять внимание к противоположному полу.

Сделаем анализ сомонимической лексики, в состав которой входит сомоним *ух* 'голова'. Основное лексическое значение слова *ух* раскрывается в следующих примерах: *еӆк ух* 'седая голова'; *шāкляӆ ух* 'кудрявая голова'; *ухāӆ евāл* 'головой качает'; *эвел ух ваптты питгс* 'дочь=его стала голову смотреть'; *ухєм шӳвємасы* 'голова=моя закружилась'; *няврємāн хуты пириялāн, хулта ухаӆ вэӆ* 'ну что, гадайте, какой бог является покровителем ребенка (букв. 'ну что, выбирайте, куда относится голова=его'); *ухāӆ иса щи кāши* 'голова=его всегда больна'; *ухāӆ курāк тыхāӆ шāлкāӆ ух* 'голова=его кудрявая, как гнездо ястреба'; *хоӆӆуман-есӆуман ухāӆ хулта питӆ, щи мāнӆ, сємāӆ хулта ваптāӆ щи мāнӆ* 'идет он плача, куда голова наклонится (букв. 'падет'), куда глаз глядит, туда идет'; *щимāӈ ы хопты ухāӆ альман тāйӆа лєӆхāт пєла* 'голову такого оленя обещают богам'; *мӳи пакпум ухи сора-сора хота щи хэхāӆӆув* 'мы испуганные (букв. с 'испуганными головами') быстро-быстро в дом бежим'; *ух=ие=и пух люхитлєми па щāха эпāтлан āняя йилāт, сыстама йилāт* 'голову=твою вымоем и потом волосы=твои красивыми станут, чистыми станут'.

Сомоним *ух пāты / ух пāт* (букв. 'дно, конец головы') называет верхнюю часть головы. Приведем еще примеры: *Ай войлэӆки пāӈ ух пāтэна щи ӆатумӆ.* 'Птичка на твою голову сядет'; *Ин ух пāтэӆ иса няр.* 'Дно головы совсем лысое'; *Милэн па хуӆта тəсэн, ух пат єӆты мӳй вуцкāсэн.* 'Шапку-то куда дел, через голову что ли перебросил' (Так обычно говорят о неряшливом человеке, который не знает, где находятся его вещи).

Ух пєлāк 'висок (букв. 'сторона, часть головы')'. Синонимично ему употребляется сомоним *вєлӳв олāӈ*. Приведем примеры:

Ух пєлкєм хāтыӈцāӆ. 'Висок=мой стучит'; *Ма ух пєлāкӈāӆāм ӆыӆӆāсӈāн.* 'Мои две стороны головы смешались', так обычно говорят, если у говорящего кто-то из родителей умер. Левая сторона головы по-хантыйски называется - *атум ух пєлāк* 'плохая часть головы', а правая сторона, правый висок - *ям ух пєлāк* 'хорошая часть (сторона) головы'. Это связано, видимо, с древними приметами: если левый висок стучит, это может предве-

щать что-то плохое, если же стучит правый висок, то это предвещает что-то хорошее.

Сомоним *ух пәшӑх* 'голова' состоит из двух лексических единиц, семантика второго слова неясна, но общее лексическое значение слова - голова, отделенная от туловища. Приведем примеры: Ащеӆ тэп мӑнӑс, рат кимӑӆ эвӑдт амп ух пәшах нух єтас. 'Только ушел отец, возле костра появилась голова собаки'; Амп ух пәшах хурӑӆ ӆўӈкны ӆонйӆ. 'Маска-собачья голова на крючке висит'; Тӑӆта хӑтьщӑӆєм, - нәмӑсыйӆ, - па ух пәшхӑӆ атэӆт ат мәрємӑӆ па щорс хумпӑта тэп ат хӑнумтыйӆ. 'Сейчас ударю, - думает, - и голова=его пусть отлетит и только к волнам пусть прикасается'.

Сомоним *ух пәшӑх* является названием хантыйского орнамента, который имеет внешнее сходство с головой.

Сомоним *ух сух* состоит из двух лексических единиц, каждое из которых может быть лексически самостоятельным: *ух* 'голова', *сух* 'шкура, кожа, ткань' и др. Сомоним *ух сух* имеет два значения: 1) *ух сух* 'кожа головы, шкура головы'; 2) *ух сух* 'скальп'. Приведем примеры: *Ин хәйӆ ух сух эвадт евӆрмӑсӆэ, сорпеӆ вух ӆәйтаӆӑйис*. 'Подергал он того мужчину за волосы (букв. за шкуру головы), превратился он в золотое кольцо=его'; *Ин ут ух сухӑӆ эвӑӆт ияремӑслэ*. 'Он дернул его за волосы'; *Хоп икеӆ пида неӆ ух сух тӑхтыя вәтица питсӑӆӑи*. 'Они с царем стали драться, дергая друг друга за волосы'.

Семантика сомонима *ух сух* 'скальп' выявляется в следующих примерах: Хӑӆэват нӑӈ ух сухен щив ихӑтлэв. 'Завтра твой скальп туда повесим'; Sitlna ux soxtat nox xorsətte (St.), 'Затем он снял (с голов) скальпы'; Щив мӑнємал, *ух сухлал* хурємӑӆлэ. 'Туда подходит он, шкуры с голов снимает'.

Сомоним *Ећк сух* 'седая голова (букв. 'ледяная голова')' является прозвищем человека.

Сомоним *ух* входит в состав парного словосочетания, например: *Ухлӑй-сємлӑй* мунтӑлмӑсӈӑн, иӆ уӆсӑӈӑн. 'Головы-глаза прикрыли, легли спать'; *Ухӑӆ-сємӑӆ* мунтӑлмӑсы, *ухӑӆ-сємӑӆ* лӑп мӑнса, щи улумтӑс. ' Голову-глаза прикрыло, голова-глаза закрылись, лег спать'.

Сомоним *ух* входит в состав других лексически обособленных слов. А именно:

1. Имя существительное *ух*, присоединяя аффиксы принадлежности *-уп, -ӑӆ, -пи* и аффикс отсутствия признака *–лы*, переходит в разряд имен прилагательных, например: Каран *ух=уп* лэӈки илӆ щи улӆӟс. 'Лег он спать с головой, имеющей коросты'.

Сомоним *ух* употребляется также в составе имени прилагательного в словосочетании с количественной семантикой, например: Хэӆум *ух=уп* ики 'трехголовый мужчина (букв. 'три головы имеющий мужчина')'; Рат па пєлка шэшӑс и *ух=уп* ики. 'За костер шагнул одноголовый мужчина'; Кӑт

ух=уп Мєңк ики хопӑла щӑкмал, юхлы тал. 'Двухголовый Мэнк к лодке прислонился, обратно тянет'; Ӆапӑт *ух=ти* мєңк ики ӆув юпедн нехлӑсл. 'Семиголовый мєнк за ними гонится'; Улты питӆӑн, тӑхтыйн ӆермӑлӆайн, нӑң *ух=ӑщ* олнӑл илӆы ӆермӑлтэ. 'Ложиться спать будешь, тебе постелят шкуру, ты головную часть (букв. 'голову имеющую') книзу постели'; Нялъян *ух=л=ӑщ* хотн вэл. 'Он живет в доме (чуме), состоящем из сорока шестов (букв. 'сорок голов=его имеющем')'; Йэр *ухӑӈ=щӑӈ=ащ* юврая ал ӆоньща. 'Главные шесты чума неправильно не поставь'.

Словосочетания кӑт *ух=ӑщ* (*ух=уп*) вой 'двухголовая птица' и *ух=лы* тор 'безголовая птица' являются названиями хантыйских орнаментов. В последнем примере аффикс *-лы* обозначает отсутствие признака у предмета.

2. Сомоним *ух* входит в состав глагола *ух путты* 'молиться (букв. 'голову класть')'. *Ух пупӑс* па воша ӆуңас. 'Помолился и в город вошел'.

3. Сомоним *ух* входит в состав словосочетаний имя существительное + имя существительное. В данном случае семантика слова *ух* изменяется в зависимости от того, с каким словом она сочетается, например: Лавӑӆӆэн, вантӆӑн, па щи хэхӑл *тащ уха* (букв. 'к голове стада'). 'Ждешь, смотришь, опять к головной части стада бежит'; Кашӑӈ тащ тӑйл *ух хотты*. 'Каждое стадо имеет вожака (букв. 'головного быка')'; Кєрас *уха* нух хэнхсӑт. 'Залезли на самый верх обрывистого, крутого берега (букв. 'на голову обрывистого крутого берега')'; Щив юхӑтсумн *сӑщхум ух пӑтыйн* омӑсл йємӑӆман вэн ухшамуп ими. 'Пришли мы туда, на вершине крутого берега сидит, закрывая лицо, женщина в большом платке'; Вӯлылумн мулты эвӑлт щи щурумсӑт, *хумс уха* нух навӑрсӑт. 'Олени чего-то испугались, на вершину кочки (букв. 'голову кочки') запрыгнули'; Ӆӑн вошн ай павӑтса: *вош уха* вэлум хә хӑщ вед̆са. 'Утром в городе объявили: главу города (букв. 'голову города') чуть не убили'; Нух єлумсӑӈн, хӑншаӈ *пӑлӑл* ар *ух* лӯнӑтлӑӈн, питы *пӑлӑл* ар *ух* луӈӑтлӑӈн. 'Поднялись они вверх, множество пестрых туч (букв. 'голов туч') считают, темных туч (букв. 'голов темных туч') считают'; Шоп, лапӑтса-яньлщӑсы, улты питӑс, тӑхтэл *ух олӑл* кур пєӆа пунсӑллэ, щиты улӑс. 'Действительно, накормили-напоили, стал ложиться спать, головную часть шкуры к ногам повернул, так лег'.

Сомоним *ух* входит также в состав фразеологизма *Ух шов ӑл тайл* 'Глупый (букв. 'мозгов не имеет')'; Ух шовєм атма йис. 'Сошел с ума (букв. 'мозги=мои плохими стали')'; Ухл атма йис. 'Сошел с ума (букв. 'голова=его плохой стала')'.

Итак, мы попытались сделать первичный анализ сомонимической лексики хантыйского языка, в состав которой входит сомоним *ух*. Соматическая лексика хантыйского языка требует дальнейшего изучения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Рикин А. Н.* Сомонимическая лексика в пермских языках (диахронический анализ) // Sessiones Sectionum. Debrecen, 1990, с. 185-190.

Valentina Solovar

SOMATIC VOCABULARY OF KHANT
(on the material of Kazym variant)

The author tries to make the analysis of somonymic vocabulary of Khant, which includes the somonymic peculiarities and grammar structure of somonyms. It is noted that somonyms are frequently used in all spheres of Khants' life, including performance of rites, popular believes, name of decoration, clothing, household articles, nick-names of people and names of animals, deer-breeding, toponyms, ornithonyms etc.

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

ФИННО-УГОРСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В МУЗЕЯХ МИРА

Илдико Лехтинен
Хельсинки

ФИННО-УГОРСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ ФИНЛЯНДИИ

Первый этап: сбор материалов 1856-1894

Осознание своей национальной культуры явилось первым шагом в становлении финского идентитета. Большое значение придавалось исследованию народного творчества. В эпоху 'Калевалы' внимание привлекли и ценности материальной культуры. В Обществе финской литературы собирались и хранились фольклорные материалы, а в Государственном Архиве – исторические документы. Музейные коллекции имелись в Александровском Университете и в этнографическом музее студенческих землячеств, но в 1860 годы возникла мысль о создании национального музея.

Финские ученые заинтересовались происхождением финского народа и начался этап научных путешествий среди финноязычных народов, живущих в Российской империи. Первым исследователем-путешественником был *М.А. Кастрен* (M.A. Castrén), первый исследователь уральских языков и основатель финно-угорской этнографии. В 1851 году он был назначен на должность профессора финского языка в Хельсинкском университете. Тогда он читал лекции по этнографии, которая, по его мнению, включала исследование материальной и духовной культуры народов, не имеющих письменных источников. Во время своих путешествий, в 1850 году, он приобрел и некоторые предметы для университетского этнографического музея. Трубка из мамонтовой кости и нож представляют культуру самоедов-оленеводов западной Сибири.

Фенноман *Август Алквист* (1826-1889) изучал мордовский и марийский языки. Он был в горномарийской деревне Исаклы и обратил внимание на богатую одежду марийских женщин. Он договорился в письме с деканом университета и решил летом 1856 года купить подобный костюм с украшениями в коллекцию университетского этнографического музея.

Алквист понимал значение музейных коллекций с точки зрения этнографии. Он помог этнографу-археологу *Тэодору Швиндту* (Theodor Schvindt) получить стипендию для этнографического путешествия среди тверских карел. Летом 1882 года Швиндт собрал этнографический и лингвистический материал в карельских деревнях вместе со студентом *Илионом Олсони* (Ilion Olsoni). Для этнографического музея студенческих землячеств он приобрел 86 предметов: вышитые головные уборы, женскую одежду и домашнюю утварь.

По Сибири Алквист путешествовал три раза. В 1877 году он поставил целью собрать этнографические предметы. Коллекция об обских уграх, приобретенная им, качественна и многообразна. Кроме мужских меховых и кожаных шуб в коллекцию вошли и старинные вышитые женские рубахи, шаманский бубен, маски, музыкальные инструменты, орудия ловли и охоты.

Систематическое собирание музейных предметов культуры финно-угорских народов связано с развитием этнографии. Этнография пользовалась сравнительным эволюционным методом. В этих аспектах первой задачей являлось собирание предметов, потом выявление общих черт разных народов и составление из них типологических серий. Первым настоящим собирателем был *Аксель Олай Хейкель* (Axel Olai Heikel), "отец финно-угорской этнографии", доцент университета, интендант музея и основатель музея под открытым небом. По советам профессора археологии *Й.Р. Аспелина* (J.R. Aspelin) Хейкель начал свои экспедиции среди поволжских финнов. Сначала у него было две задачи. Во-первых, выяснить разные типы жилищ и, во-вторых, собрать богатый сравнительный материал по теме вышивки.

Летом 1883, 1884 и 1885 годов Хейкель побывал в мордовских, марийских и удмуртских деревнях вместе с финским художником *Агатоном Рейнхолмом* (Agathon Reinholm). Коллекции, собранные во время поездок, значительны по качеству и количеству. Научную экспедицию он начал среди мордвы. Он изучал костюмы терюхан, каратаев, эрзян и мокшан и даже в сравнительном плане мещеряков и чувашей. Хейкель покупал вещи с помощью мордовского учителя *Макара Евсевьева,* но если он не мог приобрести типичного предмета, например, по причине его драгоценности, тогда художник документировал вещь в графике или акварели.

В коллекции, собранной в течение этих трех лет, содержится более чем 500 единиц. Среди уральских марийцев Хейкель путешествовал летом 1910 года вместе с марийским учителем *Тимофеем Евсевьевым.* В этот раз он приобрел небольшую коллекцию по теме архаичных костюмов, чтобы пополнить музейный материал. Первый раз он использовал фотоаппарат и снимал будничные и праздничные костюмы.

Кафтан хантыйской женщины. Конда, Нахрачи. А. Алквист. 1877. Фото М. Хуухка.

Утварь из бересты. Ханты.

А. Алквист. 1887. Фото М. Хуухка.

Терюханская невеста. Акварель Агатона Рейнхольма. 1884.

Как музейный сотрудник и как научный исследователь университета Хельсинки Хейкель провел полевые работы почти среди всех финноязычных народов Европы. Он путешествовал по Прибалтике с целью сбора материалов в 1901 и 1902 годах. Был среди карел и южных вепсов осенью 1903 года. Для сравнительного анализа костюмов прибалтийских народов он собирал богатую коллекцию одежды и украшений в Литве, Латвии и Эстонии среди эстонских шведов, ливов, латышей. Карельская и вепсская коллекции включают вышитые изделия с архаичными узорами.

Одновременно с деятельностью Хейкеля начался сбор музейных пред-

метов в Ингерманландии среди ижор и води. Языковед *И. Д. Эуропеус* (D. Europaeus) в 1854 году обратил внимание на богатый костюм ижорских женщин и предлагал музеям собирать их. Первым систематическим собирателем является фольклорист *В. Алава* (Vihtori Alava). Кроме фольклорных записей он приобрел для этнографических музеев архаические женские костюмы. Целью второй его экспедиции в 1901 году было пополнить водскую коллекцию старинными головными уборами.

Создание Государственного исторического музея Финляндии в 1894 году

В 1870 годах встал вопрос о необходимости организации музейных дел. В 1870 году было основано Общество древних памятников Финляндии (*Suomen Muinaismuistoyhdistys*). Цель Общества – выявление, собирание, сохранение древних и художественных памятников родины, изучение народных традиций и пробуждение в народе интереса к древним памятникам. С начала деятельности Общество издавало серию научных монографий "Ежегодник Общества древних памятников Финляндии" ("*Suomen Muinaismuistoyhdstyksen Aikakauskirja*") и с 1894 года ежегодник "Финский музей" ("Suomen Museo - Finskt Museum").

В 1876 была организована первая художественная и промышленная выставка в г. Хельсинки, на которой были представлены финские этнографические экспонаты из фонда этнографического музея студенческих землячеств. Интерес к музейным предметам был большой. Музейное дело - изучать, собирать и охранять материальное наследство Финляндии. Это оставалось актуальным во время развития самосознания и в новых исторических и экономических условиях.

В 1883 году создано Финно-угорское общество (*Suomalais-Ugrilainen Seura*), в рамках которого началось систематическое изучение финноязычных народов России и в этнографическом плане.

В 1884 году издан закон о сохранении древних памятников и учреждена Археологическая комиссия *(Muinaismuistohallinto)* для заведования древними памятниками.

В 1894 году создан Государственный исторический музей совместных коллекций этнографического музея студенческих землячеств, университетского исторического музея и коллекций Общества древних памятников Финляндии. В то время сотрудники музея старались определить задачи и направление деятельности музея. Археолог *А. М. Таллгрен* (A.M. Tallgren) говорил, что необходимо собирать коллекции именно о культуре финского народа без других народов. Он сказал, что музей – "сокровище финского народа и опора самостоятельности". Археолог *Элиэл Аспелин* (Eliel

Aspelin) и этнографы *У.Т. Сирелиус* (U.T. Sirelius) и *А.О. Хейкель* включили в рамки финского культурного наследства и материальную культуру финно-угорских народов. Мнение финского археолога и этнографа *Т. Швиндта* стало основополагающим: "Музей отображает жизнь финского народа в разное время, но в сравнительном плане есть возможность собирать коллекции у саамов и у финно-угорских народов, живущих в России". Он обратил внимание и на культуру шведскоязычных жителей Финляндии.

Домашний идол. Васюган, Колганак.
У. Т. Сирелиус. 1899-1900.
Фото М. Хуухка.

Принципиально пришли к соглашению по следующим аспектам:

Исследование происхождения финского народа и финно-угорских народов.

Охрана древностей и памятников архитектуры.

Ко времени создания Государственного исторического музея в фондах была уже небольшая, но качественная финно-угорская коллекция, всего 1309 единиц: 529 из этнографического музея студенческих землячеств; 60 из коллекции Общества древних памятников Финляндии; 720 из университетского исторического музея.

Национальный музей Финляндии в 1894-1923 годах

В 1897 году Хельсинки посетил венгерский этнограф *Йанош Йанко* (János Jankó) с целью ознакомления с финскими и финно-угорскими коллекциями музея. По эволюционной теории Йанко у финно-угорских народов было три этапа развития. Изучение явлений материальной культуры народов, живущих в разных регионах, дает возможность для реконструк-

ции материальной культуры бывшей древней общности финно-угров. В этом смысле Йанко хотел изучить рыболовство обских угров. Он планировал экспедицию в Сибирь, и молодой магистр этнографии У.Т. Сирелиус решил следовать с ним в этот регион. Сирелиус получил разрешение начальства музея и государственного археолога Й.Р. Аспелина. Средства на экспедицию он получал от Финно-угорского общества. Сирелиус изучал орудия рыболовства, но систематически обращал внимание на другие черты материальной культуры: постройки, орудия охоты, транспорт, одежду, пищу, домашнюю утварь, музыкальные инструменты и культовые предметы. В течение двух лет (1899-1900) он написал на месте подробный дневник. Его заметки касаются каждого явления, предметов, покупаемых им, и условий сбора. Он снимал черно-белые фотографии с творчеством. Коллекция Сирелиуса включает 837 предметов, 400 фотоснимков и рукописный материал. Большинство предметов собрано среди хантов, некоторые у манси и ненцев. Фотоколлекция и заметки добавляют данные о предметах. Ценностью является многообразие, точность и подробность сбора. Например, он старался узнать термины предметов и на коренном языке.

Сирелиус изучал материальную культуру разных финно-угорских народов по проектам. После изучения запорного рыболовства и типов жилищ он стал заниматься пермскими народами. Сирелиус запланировал экспедицию среди коми и удмуртов в 1906-1907 годах. В этих местах он работал с помощью учителей и купцов. Среди коми в Выльгорте ему помогали в сборе этнографических материалов В. Налимов, А. Чеусов и Александра Кузиванова, а в удмуртском крае - Г. Верещагин, Н. Васильев и Агафья Клавыкова. Пермская коллекция насчитывает 550 предметов, большинство составляют одежда и домашняя утварь.

На обратном пути Сирелиус познакомился в Казани с марийским учителем Тимофеем Евсевьевым. Он начал по советам Сирелиуса собирать предметы для Национального музея Финляндии. С 1908 года Евсевьев послал коллекции костюмов из разных мест Марийского края в музей. По советам Сирелиуса он сам рисовал, но с 1910 года научился снимать фотографии. Совместная работа с музеем и с Финно-угорским обществом продолжалась до 1927 года.

Финские ученые (языковеды и фольклористы) собирали предметы и даже большие и качественные коллекции среди финно-угорских народов с начала века до 1930 годов. *Э.Н. Сетялэ* (E.N. Setälä) приобрел в Ингерманландии водские и ижорские вещи в 1909 году и потом в 1912 году ливские предметы. В Сибири (1901-1902 гг.) собирали экспонаты среди ханты и манси *К.Ф. Карялайнен* (K.F. Karjalainen) и *Арттури Каннисто* (Artturi Kannisto, 1905-1906), среди ненцев *О. Доннер* (Otto Donner) и *Т. Лехтисало* (Toivo Lehtisalo, 1912), в Поволжье *Ю. Вихманн* (Julie Wichmann, 1905-1906),

Альберт Хямяляйнен (Albert Hämäläinen, 1908), *Уно Харва* (Uno Harva, 1913-1914) и *А.О. Вяйсянен* (A.O. Väisänen, 1915). *Юхо Куйола* (Juho Kujola) изучал речь тверских карел и подарил музею старинные головные уборы. Среди олонецких и северных карел путешествовали фольклористы и художники, которые покупали для музея вышитые полотенца и другой текстиль. Подарил музею карельские костюмы и художник *Аксели Галлен-Каллела* (Akseli Gallen-Kallela).

Значение Сирелиуса было огромно. С 1902 года Хейкель стал заниматься музеем под открытым небом, публиковался по теме финно-угроведения, как собиратель он работал среди пермских марийцев последний раз в 1910 году с помощью Евсевьева. В это время и Сирелиус стал серьезным исследователем, организатором этнографического отдела музея и ответственным за новую финно-угорскую выставку.

Женская варежка. Коми, Летка. У. Т. Сирелиус. 1906. Фото М. Хуухка.

В 1916 году музей открылся в новом здании и с 1917 года стал называться "Национальный музей Финляндии" (*Suomen kansallismuseo*). В 1923 году открылась финно-угорская выставка. На открытии Сирелиус сказал: "Задача нашего этнографического изучения — выяснить прошлое финского народа и прошлое каждого финно-угорского народа.

Тогда в финно-угорских коллекциях было 8925 предметов. Ценность коллекций в систематическом сборе, подробном документальном и научном изучении.

Большинство вещей собрали этнографы (6184), остальные получили от других ученых (1653), через этнографический архив (310) и получили случайно (778).

Современное положение

Этап этнографических путешествий завершился в 1930 годах. В течение следующего периода приобретали вещи из ближайших мест: Карелии и Ингерманландии, но без всякой системы. Карельские и ингерманландские переселенцы подарили для коллекции вышитые изделия.

С 1981 года снова появилась возможность полевых работ. Благодаря Марийскому научно-исследовательскому институту научный сотрудник Национального музея Финляндии И. Лехтинен посетила марийцев в 1981, 1984, 1987, 1991 и 1992 годах. Этнографические материалы могли собирать в рамках сотрудничества Академии Финляндии и Академии наук России в Башкортостане с сотрудниками Музея археологии и этнографии УНЦ РАН в 1987, 1992, 1994, 1997 годах и среди удмуртов с помощью Удмуртского национального музея в 1994 году. Между Национальным музеем Финляндии и Национальным музеем Эстонии, а также Этнографическим музеем Венгрии был организован обмен предметами в 1982 и 1988 годах.

Постоянная финно-угорская выставка была представлена в здании Национального музея с 1923 по 1997 годы. При Национальном музее будет создан как самостоятельный отдел в 1998 году новый этнографический музей "Музей культуры" (*Kulttuurien museo*), которому будут принадлежать финно-угорские коллекции.

Финно-угорские коллекции в цифрах
(количество предметов в 1996 г.)

Обские угры	—	1354
Коми	—	532
Удмурты	—	281
Мари	—	1518
Мордва	—	688
Эстонцы	—	2028
Ливы	—	128
Ингерманландцы	—	919
Восточные карелы	—	3121
Вепсы	—	190
Венгры	—	1050

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Игорь Васкул, Татьяна Пьянкова
Сыктывкар

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

1. Общая характеристика музея

В 1911г. в тихом уездном городке России Усть-Сысольске произошло знаменательное событие. По инициативе членов Усть-Сысольского отделения (председатель А.А. Цембер) Архангельского общества изучения Русского Севера был создан музей "Археологии и этнографии". Организация музея явилась продолжением процесса музейного строительства, развернувшегося со второй половины XIX в. в северных губерниях Российского государства (впервые вопрос о создании музея в г. Усть-Сысольске поднимался в 1872 г.). С другой стороны, образование музея связано с ростом этнического самосознания народов России в начале XX в., вызванного бурным социально-экономическим развитием страны. В связи с этим усиливается интерес к истории, к вопросам происхождения своего народа. На Коми землю с целью изучения его культуры, языка, сбора материалов приезжают известнейшие ученые И. Вихманн, У.Т. Сирелиус, Д.Р. Фокош-Фукс. В музеи Санкт-Петербурга, Хельсинки поступают этнографические коллекции с территории нашего края. Именно в этот период начинается деятельность выдающихся представителей коми народа, ученых с мировым именем К. Жакова и П. Сорокина.

Первым директором Усть-сысольского музея стал А.А. Цембер. Музейная коллекция в количестве 32 экспонатов размещалась в одной комнате с библиотекой в здании городской думы. Экспонаты поступали в результате сборов активистов Общества изучения Русского Севера, закупок, добровольных пожертвований населения.

Сегодня Национальный музей Республики Коми (этот статус музею присвоен в 1994 г.) - главное музейное учреждение республики. В структуру музея входят отделы фондов, природы, истории, этнографии, научно-просветительский, методический, рекламно-маркетинговый, литературно-мемориальный музей И.А. Куратова и музей В.А. Савина. В музее работает

107 человек, из них 33 научных сотрудника. Национальный музей имеет свою реставрационную службу (четыре реставратора, которые выполняют работы по реставрации дерева, ткани, металла, живописи, бумаги и книжных переплетов). В последние годы ускоренными темпами идет информатизация музейной деятельности (внедряется "АС-Музей"). Техническое оснащение позволяет также вести работу по выпуску печатной продукции. Музей осуществляет научно-исследовательскую, фондовохранительскую, собирательскую, экспозиционно-выставочную и научно-просветительскую работу. Исследовательская деятельность музея объединена общей научной темой "Этнические и этнографические группы населения на территории Республики Коми (история и современность)". В соответствии с ней ведутся собирательская работа, полевые экспедиционные исследования, подготавливаются публикации. Наиболее значимой публикацией музея является альбом "Народное искусство коми", подготовленный совместно с учеными Коми НЦ УрО РАН. С 1997 г. выходят "Труды Национального музея Республики Коми". В рамках общемузейной темы исследуются вопросы, связанные с древнейшим прошлым Коми края, традиционной духовной и материальной культурой коми народа, современным декоративно-прикладным искусством, историей репрессивной политики в регионе, современным социально-экономическим, этническим и культурным развитием в республике, проблемами экологии, историей развития коми языка и литературы.

Музейное собрание насчитывает около 230 тыс. ед. хр. основного и научно-вспомогательного фондов. Фондохранение осуществляется, в основном, по видам экспонатов. Наиболее многочисленными являются собрания археологическое (92675 предметов) и фото и документов (73828), далее следуют коллекции этнографии (12446), нумизматики (7904) и живописи (2128). Фонды литературных музеев И.А. Куратова и В.А. Савина составляют около 15000 ед. хр., отдела природы - более 10000 предметов.

В музее работают постоянные экспозиции отдела истории "История Коми края с древнейших времен до наших дней", литературно-мемориального музея И.А. Куратова "Жизнь и творчество И.А. Куратова" и музея В.А.Савина "Жизнь и творчество В.А. Савина", а также постоянно действующая выставка отдела природы "Природный мир Республики Коми". В музее ежегодно проводится до 20 временных выставок из фондов музея и музеев других городов и регионов. Наиболее значительными за последние годы являются выставки "Из жизни старого Усть-Сысольска", "Изьватас - коми ижемцы", "Памяти святителя Стефана", "Пути мифов - пути народов", выставки, посвященные 50-летию Победы, жизни и творчеству В.И. Лыткина и П.И. Чисталева. Музейные коллекции регулярно экспонировались в других регионах России (последняя выставка

состоялась во время дней Республики Коми в Москве в 1995 г.) и за рубежом нашего государства (Болгария, Голландия, Эстония, Финляндия).

Музей является центром пропаганды научных знаний, являясь в этом направлении одним из ведущих учреждений России. 12 лет в музее разрабатываются программа "Музей и культура", "Мир музея". Большой популярностью у населения пользуются занятия в студиях эстетического воспитания и этнографической. Ежегодно музей посещают от 60 до 90 тысяч человек, проводится около 2 тысяч лекций и экскурсий. На базе музея проходят исторические, литературные и экологические олимпиады и викторины, краеведческие конференции школьников.

В 1995 г. в Национальном музее Республики Коми проведена Всероссийская научно-практическая конференция "Музей и дети", в 1996 г. - Международные курсы музейных работников финно-угорских стран и регионов. Совместно с обществом изучения Коми края было организовано семь научных конференций краеведов республики.

С 1975 г. на наш музей возложены функции головного, координационно-методического центра музейной деятельности в республике, с 1994 г. при музее работает коми республиканский межмузейный научно-методический совет. При участии наших сотрудников основаны и построены около 20 государственных музеев республики.

Свою деятельность музей координирует с Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкарским университетом, Обществом изучения Коми края, обществом "Мемориал", Музеем революции (г. Москва), Российским этнографическим и Музеем антропологии и этнографии в г. Санкт-Петербурге, Эстонским Национальным музеем. Поддерживаются творческие контакты с Национальным музеем Финляндии и музеем В.И. Ленина в г. Тампере, музеями финно-угорских республик и регионов Российской Федерации.

2. Характеристика коллекций Национального музея Республики Коми

2.1. *Археологическая коллекция.* Как уже было отмечено выше, фонд археологии является самым многочисленным в музее. Начало комплектования археологической коллекции относится к 20-м гг., когда в музей поступили материалы эпохи железа и средневековья из раскопок члена Общества изучения Коми края А.Н. Грена, первого коми археолога А.С. Сидорова и экспедиции Главнауки под руководством А.П. Смирнова, происходящие из раскопок археологических памятников бассейна р. Вычегда. В 1939 г., в результате разведочных исследований сотрудника музея П.Д. Степанова, фонд пополнился предметами эпохи железа (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) и средневековья (первая половина II тыс. н.э.) из памятников

бассейна р. Сысолы. В 40 – начале 50-х годов в музей поступили находки из сборов геолога Г.А. Чернова в Большеземельской тундре.

В конце 50-х – начале 60-х годов Коми Филиал АН СССР (ныне Коми НЦ УрО РАН) развернул широкомасштабные работы по археологическому изучению территории республики. В итоге выявлены сотни памятников археологии. В фонды музея были переданы материалы из разведочных и стационарных исследований памятников периодов камня, бронзы, железа и средневековья в бассейнах рр. Печоры и Вычегды (материалы Г.М. Бурова, В.И. Канивца, Э.А. Савельевой). В их числе уникальные находки из раскопок стоянок эпохи верхнего палеолита Бызовая и Медвежья пещера, коллекция археологического дерева VII тыс. до н.э. - I тыс. н.э. из висских торфяников (в том числе – обломок мезолитической лыжи со скульптурной головой лося на носке, человеческая фигурка, датирующаяся серединой - торой половиной I тыс. н.э.), материалы языческого святилища в Канинской пещере (II тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). При этом преследовалась цель отразить в музейной экспозиции, через переданные материалы, сновные этапы первоначального заселения, древней и средневековой истории края. Отсюда и принцип – передавались не все коллекции, а только наиболее аттрактивная часть их. В это же время (1961 г.) в наш музей поступили из Свердловского музея девять предметов пермского звериного стиля (пермский звериный стиль – бронзовые изображения людей, животных, птиц, фантастических существ, выполненные в технике низкорельефного одностороннего литья. Большая часть предметов пермского звериного стиля относится ко второй половине I тыс. н.э.) из состава Уньинского клада I тыс. н.э.

С 1975г. начинает работать археологическая экспедиция (руководитель Л.Л. Косинская) нашего музея. В ходе ее исследований в бассейне р. Вычегды открыто более 40 памятников различных археологических эпох (преимущественно времени мезолита, неолита и бронзы). Выявлены жилищные комплексы на поселениях, раскопан Евдинский могильник ванвиздинской культуры (вторая половина I тыс. н.э.), пополнена коллекция предметов пермского звериного стиля (плакетка из раскопок Евдинского могильника).

В то же время большинство археологических периодов и культур, в них выделяющихся, были представлены отдельными находками, материалами из разведочных сборов, раскопок 20 - 30-х гг. или отдельными погребениями. Например, к началу 90-х годов в музее были крайне малочисленны материалы, относящиеся к раннему железному веку. Исключение составляют лишь работы музейной экспедиции под руководством Л.Л. Косинской. Кроме того, в археологической коллекции неравномерно представлены памятники из различных районов нашей республики. Все это

привело к необходимости взять курс на устранение перечисленных пробелов в комплектовании фонда. Была поставлена задача проведения стационарных раскопок памятников различных археологических периодов в разных районах Республики Коми. В ходе ее реализации в 1993-1997 гг. в музей поступили материалы из раскопок Шиховского могильника V-III вв. до н.э. (ананьинская культурная общность) на средней Печоре - первого на территории республики погребального памятника этого времени, находки из разновременных памятников, выявленных музейной экспедицией в бассейне р. Сев. Кельтма, из раскопок многослойного поселения Вис II (в том числе материалы из погребений эпохи бронзы), проведенных совместно с Сыктывкарским университетом, сборы из разрушенной части неолитического поселения Эньты I под Сыктывкаром. Большую помощь оказал отдел археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, полностью передавший материалы из раскопок Шойнаягского могильника гуннского времени в бассейне р. Сысолы, поселений ананьинской и гляденовской культурных общностей раннего железного века Корольки II (средняя Печора), Пожегдин II (верхняя Вычегда) и Сынявом (р. Уса). Кроме того, комплекс поселения Корольки II содержит материалы эпохи энеолита - бронзы (чойновтинская культура и комплекс с крестовой керамикой). Проведенные работы качественно улучшили состав музейной коллекции, в частности полностью устранен пробел, связанный с малочисленностью материалов эпохи железа.

В настоящее время в фонде археологии нашего музея сосредоточены материалы более чем из 200 памятников, расположенных по берегам р. Вычегды, Выми, Печоры, Сысолы, Сев. Кельтмы, Усы, в окрестностях Синдорского озера и относящихся к эпохам палеолита, мезолита, бронзовому и железному векам, средневековью. Большинство предметов составляют такие массовые категории изделий как глиняная посуда различных археологических культур (ямочно-гребенчатая и камская эпохи неолита; чужъяельская, чойновтинская, атаманнюрская, лебяжская, коршаковская эпохи энеолита-бронзы; ананьинская и гляденовская, бичевницкая и ванвиздинская железного века; вымская эпохи средневековья), орудия труда и оружие из кремня, железа, бронзы, дерева. Интересной частью коллекции, свидетельствующей о занятиях жителей края охотой, рыболовством, скотоводством, являются фаунистические остатки. Гордость музейного собрания составляют предметы первобытного искусства из памятников эпохи бронзы – средневековья (кремневые, костяные и бронзовые изображения людей, животных, птиц), коллекция археологического дерева из висских торфяников, материалы, свидетельствующие об оживленных контактах древних насельников края (янтарные пуговицы, стеклянные бусы, сасанидские монеты). Наряду с разнообразным вещевым инвентарем вы-

явлены остатки жилищ, погребений, культовых сооружений. Это позволит на уровне современных научных знаний охарактеризовать в музейной экспозиции культурно-исторические процессы, происходившие на территории края в древности.

2.2. *Этнографическая коллекция* музея насчитывает в настоящее время более 12 500 предметов. Ее формирование началось с 1911 г. – с момента основания музея. Первые предметы были доставлены его директором А.А. Цембером, членами Усть-Сысольского отделения Архангельского общества изучения Русского Севера. Сегодня в музейном собрании содержатся материалы, характеризующие все этнографические группы народа коми-зырян (верхневычегодскую, верхнепечорскую, вымскую, ижемскую, нижневычегодскую, прилузскую, удорскую, сысольскую), материальная и духовная культура которых имеет свои локальные особенности, а также русское старообрядческое население бассейна р. Печоры – усть-цилемов. С 90-х годов текущего столетия начато комплектование фонда родственных финно-угорских народов, имеется небольшая коллекция по коми-пермякам, удмуртам, эстонцам (сету).

Коллекция характеризует, прежде всего, трудовую деятельность, домашний и общественный быт, особенности культуры коренного населения края - коми-зырян.

Хронологически большая часть этнографических экспонатов относится к XIX - первой половине XX века. Однако некоторые предметы (набойные доски, головные уборы) датируются XVII - XVIII вв. Целенаправленное формирование этнографического собрания Национального музея было заложено в 20 - 30-е гг. Связано оно, в первую очередь, с именами Д.Т. Яновича, А.С. Сидорова, Г.В. Шипуновой.

Даниил Тимофеевич Янович - этнограф, ученый секретарь Комитета Севера. В 1925 г. он провел экспедиционные исследования в Ижемском крае с целью изучения оленеводческого хозяйства и сбора предметов для Коми областного музея. Им доставлена замечательная по составу коллекция вещей, характеризующих быт коми-ижемцев. Особенно ценны орнаментированные орудия труда и предметы домашнего обихода, детские игрушки, меховые сумки, деревянный идол из эшмесской пещеры. До сих пор эти экспонаты являются основой коллекции по оленеводческому хозяйству, быту и культуре коми-ижемцев.

С именем Глафиры Васильевны Шипуновой связано начало научного комплектования фондов, описание коллекций и создание первой экспозиции по этнографии. За два года, 1929 и 1930, ею были обследованы Усть-Куломский, Сысольский, Прилузский районы, где было собрано более трехсот ценнейших этнографических предметов, ставших сейчас раритетами.

Большой вклад в формирование фондов музея внес Алексей Семенович Сидоров - первый профессиональный коми археолог, этнограф, фольклорист. Только в результате поездки в Ижмо-Печорский уезд области Коми им собрано 58 уникальных предметов по культуре коми-ижемцев, составляющих, наряду со сборами Д.Т. Яновича, гордость этнографического собрания Национального музея.

Говоря о комплектовании этнографического собрания музея, нельзя не сказать о сотруднике музея Аристархе Михайловиче Рубцове. В 1970-е годы им была собрана интересная коллекция бытовых предметов, сельскохозяйственных орудий, средств передвижения и мебели в Ижемском и Прилузском районах республики. В 1971 г. при его участии была предпринята экспедиция в Тюменскую область, к зауральским коми. В результате этой поездки фонды музея пополнились интереснейшими предметами по традиционной культуре хантов, зауральских коми, в том числе одеждой, утварью, берестяным чумом, изделиями из мамонтовой кости.

Экспедиционные исследования музея, а следовательно и комплектование этнографической коллекции, были продолжены в 70-90-е гг. С середины 90-х годов был взят курс на углубленное изучение отдельных этнографических групп народа коми. Отличительной особенностью этого периода стало проведение совместных полевых исследований с такими крупными музейными центрами как Национальный музей Эстонии, Российский этнографический музей.

В результате усилий нескольких поколений исследователей собрана коллекция, в которой представлены почти все компоненты народной культуры нашего края, изучаемые этнографами, как-то:

- основные и подсобные хозяйственные занятия;
- средства передвижения;
- жилище и его убранство;
- традиционная пища, посуда, утварь;
- одежда и украшения;
- предметы для воспитания детей;
- народные знания, верования и обряды.

О занятиях земледелием и скотоводством свидетельствуют орудия обработки земли, уборки урожая, животноводческий инвентарь (соха, борона, плуг, лопаты, грабли, серпы, косы горбуши и литовки, цепы и кичиги (орудия обмолота), вилы, ручные жернова, ножницы для стрижки овец и др. предметы).

Охота и рыболовство характеризуются охотничьими принадлежностями (пояса, пороховницы, мерки и воронки для пороха, огнестрельное оружие, капканы, силки, самострелы, лук, копье, рогатина, кляпцы, черканы), орудиями рыболовства (сети, морды, вентеря, остроги, поплавки,

принадлежности для изготовления рыболовных сетей – вязальные приборы, челноки).

В числе экспонатов, характеризующих традиционные средства передвижения, представлены: лодка "пыж", различного рода сани (волокуши "вуж додь", дровни "пу додь", розвальни "розваль", сани для выезда "корадодь"), оленьи и ручные охотничьи нарты "норт", лыжи ("лызь", "лямпа") с охотничьим посохом "койбедь". В коллекции имеются также предметы упряжи для лошади, оленя, ездовой собаки.

Довольно разнообразно представлены жилище и убранство. В коллекции музея имеются экспонаты, характеризующие традиционное срубное жилище коми, а также переносное жилище оленеводов-ижемцев. Наличествуют музейные предметы - детали избы: скульптурно обработанные хлупни и уключины, имеющие вид конской головы с выступающей, как у птиц, грудью; резные карнизы, наличники окон, зимние рамы окон, двери и перегородки с росписью; средства освещения: светцы, подсвечники, фонари; представлены замки, ключи, дверные ручки.

В музейной коллекции собрана переносная мебель конца XIX-XX вв., купленная крестьянами у русских купцов, изготовленная местными мастерами-мебельщиками, самими крестьянами: столы, скамьи, стулья, табуретки, шкафы, посудные полки, полочки для икон, кровати и постельные принадлежности, сундуки, колыбели, вешалки-сучки, зеркала в резных рамах.

Традиционное переносное жилище оленеводов характеризуют летний берестяной чум и зимний чум из оленьих шкур, двери из бересты, лата – половая доска, стол для чума, меха для раздувания огня. В музейном собрании наиболее полно отражены посуда и хозяйственная утварь.

Посуда и утварь из дерева - долбленая, плетеная, сшитая, бондарная. Наибольшее количество посуды изготовлено долблением (ступы, ложки, солонки, шумовки, блюда, кумли-корытца, деревянные ковши "пу кош", "сур доз" - сосуды для пива, "тасьті" - чашки, тарелки, "пу тась" – поварешки и т.п.).

Сосуды для жидкости, солонки выдалбливали из капа. Среди этих изделий выделяется группа превосходно выполненных ковшей - братин с двумя резными ручками. Среди резных изделий особое место занимают утки-солонки. Они отличаются большим разнообразием форм. Одни из них низкие, широкие, как бы вобравшие в себя голову, другие - с вытянутой шеей, раскрытым клювом. На крышке-спинке - фигурки утят, рыб. В прошлом утки-солонки играли важную роль в обрядах народа коми. Отец дарил такую утку своей дочери в день ее свадьбы. Уникальным экспонатом – вершиной резного искусства коми – является братина в виде уточки-шестиглавки, созданная народным мастером Ф.П. Корниловым из с. Пучком Удорского района республики.

Оригинальны шкатулки различной формы. Все боковые стороны и крышки изделий, как правило, богато украшены плотным геометрическим орнаментом, выполненным в резной технике.

Из бересты представлены кузова, чуманы, пестери, туеса, шердыны, набирушки.

Имеется большое количество предметов, сплетенных из еловых и можжевеловых корней, прутьев, берестяных полос (корзины, шкатулки, пестери, воронки, хлебницы и т.д.).

Разнообразны бондарные изделия: кадки, ведра, подойники, ушаты, бочонки для пива...

В фондах музея имеется также небольшая коллекция глиняной посуды и утвари, предметов для их изготовления. Формы и размеры изделий в зависимости от назначения разнообразны и имеют разные названия: гырнич, крынча, корчага, тасьті, латка и др. В коллекции представлены гончарные и лепные (изготовленные от руки) предметы. Большая часть изделий не содержит никаких украшений. Однако, на некоторых из них нанесены знаки собственности - пасы.

Наряду с деревянной и глиняной посудой и утварью, имеется большое количество аналогичных по назначению изделий из металла (самовары, яндовы, подносы, рукомойники, чайники и др.). Интересной группой металлических предметов являются части оленьей упряжи, ременные пряжки, накладки, бляхи, изготовленные в технике плоскорельефного бронзового литья и декорированные прорезными узорами. Они отливались ижемскими коми для собственных нужд и на продажу ненцам и северным хантам.

Традиционными занятиями коми женщин издревле являются ткачество, плетение и вязание. В коллекции музея имеются предметы и инструменты для подготовки сырья, прядения, орудия ткачества, приспособления для плетения и вязания - трепала, щетки, вальки, прялки, самопрялки, веретена, скально, ткацкий стан и его детали; дощечки, коклюшки, спицы для плетения и вязания.

Уникальна коллекция граненых, украшенных трехгранно-выемчатой резьбой веретен печорских коми, собранных для музея Д.Т. Яновичем.

В фондах музея представлена оригинальная по форме и росписи коллекция прялок. Прялки, бытовавшие у коми, выделяются своими размерами - лопасть у нее увеличена. Форма лопасти чаще прямоугольная, сильно расширяется книзу. Имеются прялки, лопасть которых напоминает форму листа или удлиненного овала. В коллекцию входят неорнаментированные, расписные, резные (украшены контурной и трехгранно-выемчатой резьбой) и сочетающие роспись и резьбу изделия.

По своеобразию росписи выделяются верхневычегодские прялки с растительными и геометрическими узорами и мезенские прялки, в основе

декора которых лежит графический линейный принцип, на лопасти черной краской изображены растительные и геометрические узоры, люди, животные, птицы. Особый интерес представляют прялки с верхневычегодской росписью. По мнению исследователей, территория, на которой они распространены, является самостоятельным локальным центром северных и уральских росписей.

В фондах музея имеются образцы ручного ткачества: ткани полотняного переплетения, набивные, пестрядинные. Среди тканых изделий широко представлены половики из разноцветных льняных и хлопчатобумажных ниток и цветного лоскута, отличающихся цветовой насыщенностью, игрой цветных полос и квадратов. Особенный интерес представляют разнообразные браные полотенца.

Мужские и женские узорные пояса ("йи", "вонь", "кушак", "гасник") играли огромную роль в народной обрядности как украшения, обереги, дарственные предметы. Чрезвычайным разнообразием отличается музейная коллекция этих изделий: тканые на нить, на дощечках и бердышках (таб), на ткацком стане , а также вязаные крючком, плетеные на руках. Изготовлены пояса, главным образом, из шерстяной многоцветной пряжи. Характерны геометрические узоры.

Фонды нашего музея располагают богатым собранием вязаных изделий, являющихся ценным источником для изучения этого вида народного искусства. Узорное вязание – вид традиционного женского рукоделия. В конце XIX – начале XX вв. оно было распространено по всей территории республики – у коми и старожильческого русского населения.

В коллекции представлены женские и мужские узорные чулки, носки, рукавицы, перчатки из ручной овечьей пряжи, окрашенной в домашних условиях, а также из разноцветной покупной шерсти. В орнаменте используются разнообразные геометрические узоры из ниток красного, оранжевого, синего, зеленого, желтого, малинового цветов. По степени нарядности различаются повседневные и выходные изделия, особенно красивы чулки, предназначенные для свадебных подарков невесты жениху и свекру.

По характеру орнамента в вязаных изделиях коми выделяются несколько групп, имеющих свой район бытования, свои местные традиции: верхневычегодская, среднесысольская, удорская, ижемская и др. Все локальные разновидности узоров представлены в фондах музея. В едином собрании они образуют чрезвычайно многообразное и уникальное художественное явление.

Составной частью этнографического собрания Национального музея является коллекция набойных досок и набивных тканей. Набойка – это ручной способ печатания узоров на холсте при помощи небольших досок-трафаретов с набранными на них рисунками из металлических гвоздей, пластинок, шпилек.

В настоящее время музей располагает более чем шестьюдесятью экспонатами, относящимися к набойному промыслу, датирующимися XVII-XX вв. Каждая доска имеет свой орнамент. Большей частью это геометрические узоры - ромбы, прямые и волнистые линии, косая сетка, иногда в сочетании с растительными мотивами - цветами, ягодами, листьями. Другая группа набойных досок имеет растительный орнамент – цветы, лепестки, листья.

В фондах хранится около 30 изделий из набойного холста (сарафаны), набитого в три, реже в четыре краски. Цветовая гамма ограничивается несколькими интенсивными цветами – зеленым, оранжевым, желтым, красным. Имеются сарафаны, выполненные из ткани, набитой в две краски - синюю и белую. Чрезвычайно интересен сарафан, сохранивший изображения коней и птиц. Завершая характеристику этой категории музейных предметов, необходимо отметить, что образцы набойных тканей практически не повторяются.

Наибольшей полнотой выделяется собрание предметов традиционной одежды коми XIX - начала XX вв. Оно включает женскую, мужскую и детскую одежду. Женский костюм коми представлен рядом локальных вариантов. Так, среди сарафанов выделяются ижемские, сысольские, удорские, прилузские, верхневычегодские типы. При единой основе костюма (рубаха "сое", "дором" и сарафан "сарапан") одежда различается материалом, кроем и отдельными деталями (женские холщовые рубахи, пестрядные или крашеные сарафаны). Мужские костюмы были едины для всей территории края. Они представлены холщовыми рубахами и штанами.

Праздничная одежда коми шилась из тканей лучшего ткачества (тонкого холста, сукна, а позднее - фабричных тканей). Повседневные наряды изготовлены из более грубых домотканых материалов скромной расцветки.

В коллекции представлены такие разновидности мужской и женской верхней одежды, как кафтан и зипун или сукман, шабур, овчинные шубы, нарядные, отороченные мехом шубы ижемок "пась".

Собрание содержит широко распространенную у оленеводов-ижемцев одежду и обувь из меха и замши: малица - закрытого типа одежда из оленьего меха (шьется мехом вовнутрь) с глухим двойным капюшоном и рукавицами; совик - глухая меховая одежда мехом наружу; пимы и тобоки –зимняя обувь оленевода. Кроме пим традиционной формы, в музее представлены меховые бурки на войлочной подошве и домашние тапочки. Меховые сумки оленеводов ("патко", "тучу"), благодаря своим мозаичным узорам, представляют наибольший интерес с точки зрения эстетической ценности.

Представлена промысловая одежда коми охотников - лузан-"лаз" (накидка без рукавов с отверстием для головы и различными карманами для

припасов). В целом промысловая одежда, исключая лузан, не отличается от повседневной крестьянской.

Коллекция женских головных уборов насчитывает более ста предметов XIX – начала XX вв., отдельные образцы относятся к XVIII в. Представлены головные уборы девушек и замужних женщин. По своему внешнему виду эта часть женского гардероба близка головным уборам северно-русского населения.

К девичьим головным уборам относятся юрной (головной убор ижемской невесты, расшитый бисером, жемчугом, стеклянными пуговицами), парчовая повязка (праздничный головной убор удорских девушек), головедец (вышитый разноцветным бисером головной убор летских девушек). Они оставляют открытыми волосы и теменную часть головы, имеют форму венка-обруча или повязки.

Большим разнообразием отличаются головные уборы замужних женщин. "Самшура", "кокошник", "сборник", "юртыр" представляют собой высокие головные уборы на твердой основе, сшитые из дорогих тканей и богато украшенные. Поверх них повязывали платки.

Обширную группу составляют мягкие головные уборы и повязки типа волосника, повойника и разнообразные платки. К ним относятся ижемский свадебный и праздничный головной убор "треюк", сшитый из парчи; прилузско-удорский головной убор "юр кортод". Широкое распространение имели платки и узорные тканые шали, значительное количество которых хранится в музейных фондах.

Наибольший интерес в коллекции представляют уборы, вышитые золотой нитью по бархату и другим тканям: треюк-ошувка, повойник, сборник. Некоторые из них относятся к XVIII в.

Традиционные женские головные уборы коми исчезли в начале XX в. В настоящее время выявлены не все их разновидности. Дальнейшее пополнение собрания увеличит его художественную, историческую и этнографическую ценность.

Коллекцию дополняют мужские головные уборы - суконные и меховые шапки: валяные суконные шляпы, охотничьи суконные шлемовидные шапки-"зырянки", меховые шапки "долгоушки", ушанки из овчины.

Традиционно коми носили кожаную обувь (коты, поршни "чуктом", "чарки" и др.), только в южных районах была распространена плетеная обувь из лыка или бересты - лапти "нинком". В зимнее время, кроме вышеописанной оленеводческой, носили валяную обувь (тюни, катанки, ишим) - валяные головки с пришитыми суконными или холщовыми голенищами, валенки. В фондах музея хранится также промысловая кожаная обувь ("бакило", "лызь ком").

Мир детей представлен игрушками (деревянные самодельные лошад-

ки, традиционные куклы "акань", игрушки из костей мамонта, оленя, барана), различной формы люльками, изготовленными из бересты, дерева, луба ("потан", "кордор потан"), сосками из рога ("сюр нень"), стульчиками, детскими орудиями труда, одеждой.

Предметами, связанными с народными знаниями, обрядами, дохристианскими верованиями, являются деревянные календари - пасы "пу святсі), клыки медведя, челюсти щук, деревянные идолы. Здесь же следует отметить небольшую, но яркую коллекцию народных музыкальных инструментов (духовые – чипсан, полян, струнные - сигудок).

Такова вкратце характеристика этнографического собрания Национального музея РК. Оно является крупнейшим в России собранием, характеризующим традиционную культуру и быт народа коми. Не все этнографические группы коми, виды традиционных промыслов представлены в коллекции равномерно. Восполнить этот пробел задача будущих исследований.

В заключение следует отметить, что в последние годы коллекции пополняются современными материалами. В основном это изделия народных мастеров (С. Оверин, В. Павлов, А. Забоев, Л. Агеев, В. Торлопов, М. Кочев, В. Попов, Л. Фиалкова и др.), образцы продукции, выпускаемые предприятием художественных промыслов. Эти работы являются ярким свидетельством возрождения народных традиций в наши дни.

2.3. *Документальный и кино-фото-фоно фонд.* Коллекция документов и кино-фото-фоно и видео материалов является второй по численности в нашем музее. Источники комплектования фонда – документы негосударственной части Архивного фонда Российской Федерации, а именно: сбор фото и документов с республиканских мероприятий, у частных лиц, передача их различными организациями города и республики, работа в государственных архивах РФ. Значительную часть собрания составляют мемориальные материалы. Комплектование фонда началось с момента основания музея. Собраны коллекции, освещающие все стороны жизни Коми края и современной Республики Коми. Уникальны фотографии, рассказывающие о быте коми народа в начале XX в., о столице Коми края г. Усть-Сысольске. В числе мемориального фонда содержатся уникальные материалы, рассказывающие о жизни и творчестве основателей коми литературы И.А. Куратова и коми драматургии В.А. Савина и их родственниках , о деятелях литературы и искусства Коми края (хранятся в фондах литературно-мемориального музея И.А. Куратова и музея В.А. Савина). В то же время необходимо отметить, что основная часть материалов собрана по г. Сыктывкару, меньше представлены другие города и районы республики. Неравномерно также представлены различные направления трудовой, общественной, культурно-досуговой деятельности населения республики.

2.4. *Нумизматическая коллекция.* В фондах хранятся монеты: античные (статеры Александра Македонского), российские и советские, стран "ближнего зарубежья", "западные" и "восточные", бумажные денежные знаки, а также памятники социального этикета: ордена, нагрудные знаки, памятные медали, жетоны, значки. Уникальной является коллекция русских памятных медалей XVIII - XIX вв. Она подарена музею в 1943 г. Николаем Карловичем Нилендером, эвакуированным в 1943 г. из Санкт-Петербурга в с. Выльгорт Сыктывдинского района. В нее входят 50 предметов, рассказывающих о различных периодах истории России. Среди них медальоны, посвященные событиям Северной войны, Отечественной войны 1812 г., памятным событиям в истории русской науки и культуры.

Все медали имеют "автографы" известных русских медальеров. Значительную часть собрания составляют клады русских серебряных и медных монет (7 кладов общей численностью 3873 монеты). Нумизматическая коллекция одна из самых пополняемых в настоящее время в музее. Это денежные знаки стран, возникших на развалинах СССР, дореволюционные российские монеты, памятные и юбилейные монеты Российской Федерации.

2.5. *Коллекция "редкой книги".* Собрание разнообразно по своему составу: "поучения", "жития святых", "апокрифы" и т.д. Значительную часть фонда составляют книги бывшей Усть-Сысольской общественной библиотеки (закрыта в 1918 г.) и книги из Троицко-Стефано-Ульяновского монастыря, доставленные в 1924 г. А.С. Сидоровым. В 1983 г. музеем приобретено собрание рукописей и старопечатных изданий (40 ед. хр.) у пижемского книжника старообрядца С.Н. Антонова. Самая древняя рукописная книга Минея служебная на ноябрь датируется XV-XVI столетием. Остальные книги относятся к XVII-XX вв. Чрезвычайно интересной частью коллекции являются краеведческие рукописи. Среди них "Памятная книжка" (1819-1834 гг.) яренского мещанина Белоголова, "Дневные записки" усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева, рукописи крестьянской семьи Матевых из с. Пучком Удорского района.

Книги кириллической печати представлены религиозной литературой. В собрании старой печати имеются издания 15 типографий. Наиболее ценная его часть - пять книг дониконовской печати, относящихся к первой половине XVII в.

В целом коллекция рукописных книг и книг кириллической печати нашего музея является неплохим материалом для изучения читательских и духовных запросов жителей Коми края XVIII – начала XX в.

Музейное собрание гражданской печати помогает определить круг чтения жителей города в XIX - начале XX в. Представлены издания 100 типографий, преобладает продукция петербургских печатен (60).

Около половины книг относится к разделу беллетристики, имеется переводная литература, значительна подборка книг по истории и различных словарей.

2.6. *Коллекция живописи.* Наиболее интересной частью фонда является собрание древнерусской живописи. Иконы поступили в музей из заброшенных церквей и часовен, от частных лиц. Памятники иконописи относятся к XV-XX вв. Высокими художественными достоинствами обладают около 20 икон. Наряду с привозными, в собрании широко представлены работы местных мастеров (прежде всего из Ульяновского и Кылтовского монастырей). Местному письму присущи некоторые архаизирующие черты в пропорциях фигур и лиц. Чрезвычайно интересна имеющаяся в музее подборка культового литья, представленная серебряными и бронзовыми иконами-складнями, крестами, зачастую украшенными цветными эмалями. Шедевром является деревянная скульптура "Христос в темнице", относящаяся ко второй половине XIX в., выполненная в академической манере.

Коллекция масляной живописи и графики начала формироваться в музее в 20-е годы текущего столетия из полотен, привезенных из Центрального хранилища Государственного музейного фонда Главнауки Наркомпроса РСФСР Д.Т. Яновичем (в 1943 г. большая часть работ передана в Художественный музей республики). В коллекции, хранящейся в нашем музее, отражено творчество более 70 авторов. Наиболее полно представлены произведения Н.Л. Жилина, П.М. Митюшева, В.В. Полякова, Г. Стронка, Е.А. Цвирнке, Р.Н. Ермолина, В. Постникова. Комплектование фонда шло по принципу отбора работ, связанных с краеведческой тематикой, значительное число произведений написано по специальным заказам музея для экспозиции.

К лучшим работам можно отнести графический портрет "Ненила Ивановна Куспелева" (1905 г.) кисти А. Рылова. Среди работ, изготовленных по заказу музея для экспозиции, необходимо выделить восемь полотен Н.Л. Жилина, созданных на тему "Сольвычегодск – место политссылки И.В. Сталина", картины В.Г. Игнатова по сюжетам коми народных преданий и легенд.

Высоким реалистическим мастерством отличаются 48 работ Р.Н. Ермолина, посвященных Московскому всемирному фестивалю молодежи и студентов 1957 г. Представлены и портреты участников фестиваля, и удивительные зарисовки фестивальной Москвы.

Имеется довольно большое число работ (113 ед. хр.), посвященных истории городов республики. Прежде всего, это графические зарисовки г. Воркуты 40-х гг., выполненные В.В. Поляковым. К сожалению, практически отсутствуют работы по истории городов Инты и Печоры.

Довольно обширна портретная галерея, в которой представлены портреты знатных людей республики и руководителей страны 1950-х гг.

Немногочисленна подборка работ на этнографическую тематику (40 ед. хр.). Среди них выделяются портреты женщин Усть-Цильмы и Ижмы в традиционном этнографическом уборе, принадлежащие кисти Н. Жилина и Ф. Модорова, а также графические работы В. Постникова.

В коллекции имеются также эскизы театральных костюмов (художник Остапишенко М.А.) спектаклей, поставленных в театрах республики.

2.7. *Естественно-историческая коллекция.* Ее формирование началось с момента основания музея. Первые экспонаты - это лопатка и череп мамонта, найденные на р. Дырнос в окрестностях г. Усть-Сысольска. Музей на протяжении всей истории своего существования регулярно организовывал экспедиционные исследования по пополнению коллекции, характеризующей природные богатства края. Так, к примеру, с целью изучения природно-заповедного фонда республики, сбора материалов сотрудники отдела природы неоднократно выезжали в Печоро-Илычский биосферный заповедник (последняя экспедиция была в 1995 г.). Из сотрудников музея особенно большой вклад внесли в сбор материалов, их научную обработку Е.Н. Габова, Н.А. Зинченко.

Огромное влияние на формирование фондов музея оказали развитие добывающей промышленности республики и связанные с этим научные исследования. В результате в собрании музея хранится замечательная геологическая коллекция. Ее образование связано с именами таких замечательных ученых как А.Г. Бетехтин, А.А. Чернов, Г.А. Чернов и др. Жемчужиной музейного собрания является добытая на Приполярном Урале друза горного хрусталя "черная роза" весом 270 кг. Чрезвычайно интересна подборка бирюзы, месторождение которой обнаружено на Пай-Хойском хребте геологом А.А. Беляевым.

Наиболее документирован для описания гербарный материал, насчитывающий в настоящее время несколько тысяч экземпляров, относящихся более чем к 800 видам. Здесь и сборы Н.В. Ильинского, относящиеся к началу века, и гербарий Е.Н. Габовой 60-х гг., и находки Е.А. Лавриненко 90-х годов.

Самой богатой в музее является зоологическая коллекция. Она включает в себя практически все основные виды животных, птиц (в том числе неплохая коллекция птичьих яиц), рыб, обитающих на территории республики. Интересной частью этого собрания являются коллекции моллюсков, насекомых. Особенно представительна коллекция бабочек, подаренная музею ухтинским исследователем К.Ф. Седых.

Кроме того, в фонде содержится большое количество слайдов, фотографий, плакатов, рассказывающих о природе земли Коми.

Нами дана общая, далеко не полная характеристика основных коллекций Национального музея Республики Коми. Исчерпывающее описание музейного собрания, его анализ требует монографического исследования, издания каталогов коллекций. В этой работе основной упор сделан на характеристику этнографической коллекции, которая в наибольшей степени отражает традиционную культуру и быт коренного населения республики. Из материалов, не вошедших в данное описание, следует упомянуть интересную коллекцию фарфоровой посуды (прочно вошедшей в быт населения земли Коми в начале века), изготовленной на заводах братьев Кузнецовых, изделия Кажимских горно-металлургических заводов, снабжавших в конце XVIII – начале XX в. жителей края орудиями труда, бытовыми предметами и художественными изделиями (так называемое нювчимское литье). Наконец, нельзя не сказать и о том, что фонды музея постоянно комплектуются экспонатами, отражающими культуру и быт населения республики в наши дни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бандура С.В. Клады русских монет XIV – начала XX вв. в собрании Национального музея Республики Коми // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 1997.

Гаврилова И.Ф. Коллекция редкой книги Национального музея Республики Коми // Роль музеев в сохранении и изучении исторического и культурного наследия Русского Севера. Тезисы докладов конференции. Сольвычегодск, 1994.

Другова Л.Я. О прошлом память сохраняя // Вестник культуры Коми АССР. Сыктывкар, 1991, №3.

Зинченко Н.А. Все о природе Севера // Вестник культуры Коми АССР. Сыктывкар, 1991, № 3.

Зинченко Н.А. Из дальних странствий и недальних тоже (из опыта экспедиционной работы отдела природы Национального музея Республики Коми) // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 1997.

Народное искусство Коми. М, 1992.

Паршуков В.Ф. Первые экспонаты // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 1997.

Стрекалова В.М. Из истории музея // Вестник культуры Коми АССР. Сыктывкар, 1991, №3.

Титова Н.В. Узорное ткачество и вязание коми из фондов музея. Сыктывкар, 1984.

Уткина И.М. Коллекция набойных досок и тканей из фондов музея. Сыктывкар, 1989.

Уткина И.М. Коллекция прялок из фондов музея. Сыктывкар, 1989.

Уткина И.М. Женский головной убор XIX - начала XX веков. Из фондов Республиканского историко-краеведческого музея. Сыктывкар, 1993.

Холопова Д.Г. Первый литературный музей // Вестник культуры Коми АССР. Сыктывкар, 1991, № 3.

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Надежда Большова, Тамара Молотова
Йошкар-Ола

УНИКАЛЬНЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ ИМ. Т.Е. ЕВСЕВЬЕВА

Основы этнографических коллекций Национального музея Республики Марий Эл им. Т.Е. Евсевьева закладывались в 1925-36 годах. Начиная с 50-ых годов в результате многочисленных экспедиций музея были составлены основные этнографические коллекции музея, насчитывающие в настоящее время свыше 200 тысяч единиц хранения. Эти собрания имеют большое значение для изучения истории, культуры, быта, прикладного искусства народов Республики Марий Эл. В данном сообщении остановимся лишь на некоторых коллекциях, которые содержат наиболее редкие и уникальные экспонаты.

История комплектования первых музейных коллекций этнографического характера была связана с именем Евсевьева Тимофея Евсевьевича, который, став сотрудником, а с 1924 года директором Центрального музея города Краснококшайска, организовал работу по собиранию, экспонированию и публикации материалов по этнографии марийцев. К этой работе Т.Е. Евсевьев был хорошо подготовлен, так как с 1905 года сотрудничал с финскими учеными и Финно-угорским обществом Финляндии. Таким образом, к периоду создания музея он уже имел большой опыт собирательской работы. В результате экспедиций 1925-30-ых годов, где участвовал и Т. Евсевьев, был собран ценнейший этнографический материал, представляющий орудия труда, бытовую домашнюю утварь, народную одежду различных территориальных групп марийцев. Эти первые собрания музея были бесценны. Как правило, это уникальные предметы, характеризующие материальную и духовную культуру марийского народа, и они выделены в фонд редких экспонатов. К ним относятся коллекции женских рубах Йошкар-Олинского (Краснококшайского) и Оршанского кантонов Марийской Автономной области, Яранского района Кировской

области (22 единицы хранения), Моркинского и Звениговского кантонов (14 ед. хр.), Сернурского, Торъяльского, Мари-Турекского кантонов МАО (6 ед. хр.), относящиеся к периоду первой половины XIX века (Книга поступления – далее КП, КП 1092-IIII, КП 1197-1200, КП 1207-1215, КП 1315-1326); мужские рубахи (КП 1094, КП 1262, КП 1264, КП 1267) конца XIX века; коллекции женских головных уборов XIX – начала XX веков: "сорока" (61 ед. хр. - КП 1007-КП 1066) с орнаментом зооморфного характера из шерсти; платков "вуй пидыш" XIX века (27 ед. хр. - КП 1085, КП 1086, КП 1289-1314, КП 1437); полотенчатых головных уборов "шарпан" начала XX века (7 ед. хр. - КП 1067-1071), налобников "нашмак" (12 ед. хр.); головных уборов "шымакш" XIX века (28 ед. хр. - КП 969-1006); платков-косынок "пылыш шовычо" XIX века (8 ед. хр. – КП 1072, КП 1073, КП 1084, 1258, 1216, 1272, 1284). Уникальной является коллекция поясов (9 ед. хр. – КП 1133, КП 1177-КП 1185), относящаяся к XIX веку, из синей шерстяной домотканины, концы которых украшены двухсторонней вышивкой шелком и шерстью, богато убраны тесьмой, позументом, бахромой, кумачом. Из дошедших до нас поясов это наиболее архаичная форма.

Особый интерес представляет коллекция обрядовой одежды XIX века, сохранившей старинные черты и богатую орнаментацию. Эта коллекция состоит из нескольких серийных собраний: свадебных покрывал невесты "вӱргенчык" сернурско-торъяльской и йошкар-олинской групп мари XIX века (5 ед. хр. - КП 1256, КП 1257, КП 1273, КП 1312); свадебных головных платков "сӱан солык" XIX века (КП 1271, КП 1259); особенно уникален платок невесты "сӱан солык" XIX века луговых мари Уржумского уезда Вятской губернии, вышивка которого выполнена по белому холсту шелком в виде реалистических изображений глухарей, обращенных к дереву и восьмиконечных звезд с отростками, на концах которых пара птиц, сидящих на гнезде - КП 1084; свадебных поясных полотенец "сӱан солык" (КП 1074-КП 1083), куда также вошли уникальные ручные полотенца жениха XIX века из Яранского района Кировской области, Оршанского и Звениговского кантона МАО. В это же собрание вошел единственный экземпляр наволочки из приданого невесты XIX века из домотканого холста, вышитый красной и синей шерстью (КП 1269); шапочки невесты "такия" восточных мари (2 ед. хр. – КП 231, КП 1141).

Особую ценность, на наш взгляд, представляют уникальные предметы одежды членов языческой секты "Кугу сорта" XIX века из домашнего холста, вышитые желтой шерстью с помощью деревянной иглы (рубаха женская - КП 1098, женский головной убор "сорока" - КП 1053). В 1955 году в фонды музея поступила коллекция предметов обрядовой одежды и утвари (собиратель П.К. Вершинина), принадлежащих ранее активной участнице секты "Кугу сорта" А.А. Смирновой (1882-1953гг.) из деревни

Кёрды Оршанского района (84 ед. хр. - КП 2444). В результате комплексной историко-этнографической экспедиции к марийцам Нижегородской области в 1986 году фонды музея пополнились двумя коллекциями обрядовой утвари, которые принадлежали руководителю секты "Кугу сорта" Качмашеву Михаилу 1860 года рождения и его внуку Качмашеву М., 1906 года рождения из деревни Большая Рутка Шарангского района Нижегородской области (собиратели В.Н. Петров, А.В. Петрова). Это собрание состоит из пятидесяти предметов (КП 8190-8216, КП 8217-8239), куда входят деревянные чаши для супа (КП 8217), чаши для жертвенного мяса (КП 8218) и для меда (КП 8221), восковой круг для свечей, куда ставились свечи присутствующих на молении (КП 8238, 8212) и т.д.

Для исследователей народно-прикладного искусства представляют интерес коллекции фрагментов образцов вышивки от различных форм марийского костюма, выполненной традиционной техникой (КП 1115-1129, КП 1446). В отдельной коллекции представлены и образцы вышивки 20-30-ых годов, выполненные на коленкоре (КП 1438).

В фонд редких экспонатов, собранных Т.Е. Евсевьевым, входят также коллекции предметов из дерева, относящихся к XIX веку. Наиболее ценным, на наш взгляд, является собрание деревянных резных ковшей козьмодемьянского типа (КП 698-КП 715) с высокою резной ручкою, навершие которых украшалось скульптурными изображениями коня, утки, цапли (КП 715). Уникальной, единственной в коллекции обрядовой утвари является чаша "алдыр" ладьевидной формы в виде утицы (КП 707) длиной 61 сантиметр.

В фондах музея ценным собранием являются и музыкальные инструменты. В этой коллекции собраны: волынки (шӱвыр), барабан (тӱмыр), праздничные трубы (сӹремпуч, шыжепуч), девичья труба (ӱдырпуч), старинный смычковый инструмент (ия ковыж), гусли (кӹсле) трапециевидной формы.

По инициативе Т.Е. Евсевьева фонды музея пополнились первыми коллекциями художественно-этнографических работ художника В.К. Тимофеева (35 картин, этюдов, зарисовок), художественно-графическими работами художника П.Г. Горбунцова, собранными в два альбома, выполненными в Звениговском кантоне в 1927 году. В собрании музея были и полотна талантливого художника К.Ф. Егорова, но, к сожалению, сохранилась только одна картина "Марийка". Во время репрессий были уничтожены и многие художественно-этнографические картины В.К. Тимофеева. В этот период были уничтожены и некоторые собрания Т. Евсевьева. Следует отметить, что несмотря на то что коллекции 20-30-ых годов были уникальны, они имели свои недостатки: предметы не были описаны, отсутствовали аннотации.

Активная работа по собиранию и комплектованию коллекций в музее возобновляется в послевоенное время. Ценные этнографические собрания поступили в музей в 50-60 годы в результате совместных этнографических экспедиций сотрудников Государственного музея этнографии г. Ленинграда, МарНИИ и Марийского краеведческого музея. По объему работ это были первые крупные экспедиции, посвященные изучению различных сторон материальной и духовной культуры народов Поволжья. Успешной работе экспедиции способствовало то, что ими руководила заведующая отделом народов Поволжья Государственного музея этнографии народов СССР, известный этнограф Т.А. Крюкова, а также в работе этих экспедиций участвовали музейные работники - энтузиасты своего дела Б.Н. Бабушкин, П.К. Вершинина, Э.Г. Чавайн, Р.М. Кабанова. Именно этими сотрудниками музея собраны уникальные коллекции тех лет. В начале 50-ых годов в фонды поступили первые коллекции по горным мари, которыми музей до этого не располагал. В последующие годы эти коллекции пополнялись серийными собраниями женских рубах XIX - начала XX веков, тканых поясов XIX века, поясных подвесок конца XIX века, женских головных уборов "шарпан", коллекцией налобников "нашмак" X1X-XX веков, женских праздничных кожаных черных сапог с прямым голенищем и сборами (КП 3191 - 22 ед. хр., КП 3197-26 ед. хр, КП 4178, КП 4214-4227, КП 4229-4247). Наиболее интересной является коллекция одежды конца XIX – 20-х гг. XX веков (КП 4228/-3-9), приобретенная в деревне Сарлайкино Горномарийского района и принадлежавшая ранее верховой чувашке, вышедшей замуж в горномарийскую деревню: "нашмак" изготовлен в 1880-1890 годах (КП 4228 –3), женские головные уборы "шарпан" этих же лет изготовления (КП 4228 – 4/1,2), передники "запон" 1920-25 годов (КП 4228 –5), платок шелковый (КП 4228-6), рубахи женские сшиты в 1920-25 годах (КП 4228 – 8), кафтан "мыжӓр" из домотканого сукна (КП 4228) и т.д. Большой интерес представляет также коллекция женских украшений горных мари (КП 3191, КП 3197, КП 4225, КП 4234), в состав которой вошли чаломкинские цепочки с крестами, нагрудные украшения "тӓнган кайтан" XIX века, ушные украшения "пылыш тӓнга", шейные украшения "оксан шӱаш" XIX - начала XX веков.

В этот период фонды музея пополнялись и собраниями по луговым марийцам северо-восточных районов республики. Так, коллекция (КП 3194) состоит из народной одежды и полного комплекта украшений XIX века, изготовленных К.Н. Айгловой 1865 года рождения из деревни Нижний Турек нынешнего Мари-Турекского района. Фонды музея также пополнились формами костюма луговых марийцев: головными уборами "шымакш", передниками "ончыл шовыч", свадебными полотенцами "сӱан солык", вполненными к своей свадьбе Караблевой Варварой 1860 года

рождения из д. Руй Новоторъяльского района (КП 4148- 10 ед хр.). В 1968 году музей пополнился двумя уникальными женскими головными уборами 1850 года: покрывало невесты "вӱргенчык" (НВФ 2080-3) и убором "шурка"(НВФ 2580-1) из деревни Шор-Уньжа Моркинского района.

Из многочисленных коллекций 50-60 годов следует выделить серийные собрания по луговым марийцам Моркинского, Волжского, Звениговского районов (КП 3644, КП 3660, КП 3881-3890, КП 3905 -3915, КП 4121 -4123, КП 4144, КП 4211). Интересными являются коллекции женских головных уборов "шарпан" и свадебных рубах XIX - начала XX веков из деревни Шереганово Моркинского района (КП 3881-3890); формы женской одежды XIX века из деревни Сосновка Звениговского района (КП 3905-3915), где особую ценность представляют обрядовые рубахи и женские головные уборы, которые орнаментированы старинной вышивкой преимущественно коричневого и бордового цвета.

В этот период поступают малочисленные, но не менее ценные коллекции по северным удмуртам Зуевского района Кировской области, собранные в 1968 году Т.А. Крюковой и Ю.А. Чивановым. Коллекция датирована концом XIX – 30-ми годами XX века и включает в себя нагрудники "кабачи", платье "дэрэм", кафтан "шортдерем", головное полотенце, передник, накосник. И до настоящего времени эта коллекция (КП 4167-КП4169), к сожалению, единственная по северным удмуртам.

В эти годы начался серийный сбор коллекций по культуре русского населения. В 1969 году сотрудниками музея Р.М. Кабановой и Ю.А. Чивановым собрана многочисленная коллекция женского костюма русских Казанской губернии, деревянной утвари конца XIX- начала XX веков в Медведевском и Новоторъяльском районах республики (КП 3290-КП 3298, КП 3348, КП 4256). Интересным для исследователей является венчальный костюм русской крестьянки М.П. Анциферовой, в котором она венчалась во Входо-Иерусалимской церкви г. Царевококшайска.

В 1959 году в музей поступила первая коллекция по казанским татарам (КП 3070-КП 3081) 20-ых годов XX века. В собрание входят сапоги "чытык", нагрудники "изу", женские головные уборы "калфак", набор полотенец и салфеток.

Для собирателей этих лет характерно увлечение сбором предметов народно-прикладного искусства (одежда только праздничная, деревянные предметы предпочтительно с резьбой) в ущерб повседневно бытующим формам. Однако, несмотря на эти недостатки, вещественные памятники сыграли большую роль в развитии этнографических знаний, так как участники экспедиций, собирая подлинные предметы культуры народа, фиксировали в полевых дневниках легенду предмета, терминологию, особенности культуры и быта народа, связанные с этим предметом.

В 70-90-ые годы музеем было продолжено систематическое комплектование фондов этнографическими коллекциями. Полевые исследования различных этнических групп мари в этот период проводились ежегодно. Сотрудники музея приступили к осуществлению проекта изучения всего разнообразия марийского народного костюма с целью составления исчерпывающего обзора об этом элементе культуры и традиций его ношения.

В результате экспедиций 1971-1980, 1989-91 годов по Горномарийскому району в фонды музея поступили уникальные коллекции женских головных уборов "шарпан" XIX-XX веков, украшения чаломкинских мастеров (КП 4466, 4499, 4558), набор инструментов ювелира для изготовления цепочек из деревни Чаломкино Горномарийского района (КП 5023, 5599), женская празднично-обрядовая одежда (КП 4451-КП 4550) из различных селений Горномарийского района. В 1979 году поступила большая коллекция (129 предметов) по горным мари (КП 4992), куда вошли и уникальные предметы быта и одежды монашки Козьмодемьянского женского черемисского монастыря А.И. Кутюшкиной, проживавшей в последние годы жизни в деревне Красный Май Горномарийского района. В собрание вошли следующие формы костюма, принадлежавшие ей: "запон" маркизетовый с отделкой "ришелье", пояс "парсын ӹшты" с молитвой, платки с вышивкой гладью белыми нитками, шелковые цветные платки, одевавшиеся на пасху. Для исследователей данные экспонаты представляют ценность, так как женские монастыри оказали влияние на эволюцию горномарийского женского костюма. В эту же коллекцию вошла горномарийская рубаха XIX века из деревни Второе Чермышево (КП 4992 – 15). Интересной является и коллекция шуб "якшар ӹжга" с отделкой из меха котика ("котьык тӹрӓн ӹжга") XIX века из коллекции одежды Е.Н. Первушкиной из деревни Емангаши Горномарийского района (КП 4846, КП 4451, КП 4243).

Начиная с 1974 года и в течение последующих лет собиралась коллекция домашнего кустарного ремесла горных мари, в результате в фондах музея хранятся собрания резных ковшей козьмодемьянского типа (КП 5230), резных карнизных досок и наличников, выполненных в технике глухой резьбы, традиционной для марийцев (КП 5023, КП 4992 – 76), плетеные изделия горномарийских мастеров А.Б. Короткова (КП 10122), С.Н. Кайнова (КП 7121), А.А. Костина (КП 10242), Л. Матюшкина (КП 10259). В фондах музея представлены также коллекции плетеной мебели из черемухового прута, плетеных изделий из бересты, изделия из елового корня и др.

В музее в эти годы было собрано и немало вещевого материала по луговым марийцам. Так, коллекции КП 4585-4591, КП 5042, КП 5237, КП 5293, КП 5325, КП 5327 характеризуют традиционную культуру луговых

мари. Из этих собраний следует выделить интересные формы одежды: женскую кофту, выполненную в виде пиджака из домотканого конопляного холста (КП 4486 – 3); мужскую накидку от комаров "башлык -шынга кочмо деч", которая одевалась также и покойнику пожилого возраста (КП4486–5); старинные женские головные уборы "шымакш" и поясные подвески "сӱан солык" Х1Х века из деревни Старый Торъял (КП 4585-КП 4591); женские головные уборы "шымакш" Х1Х века из деревни Мустаево Сернурского района (КП 5293); многочисленные серийные собрания комплектов женских костюмов Оршанского, Куженерского, Новоторъяльского, Советского районов 30-60 годов XX века (КП 5042).

Самыми многочисленными являются коллекции по луговым мари моркинско-звениговской группы (КП 4329-4398, КП 4401-4434, КП 4441, КП 4481, КП 4560-4572, КП 4713-4725, КП 10525), собранные в результате экспедиций 1970-75, 1979-80, 1985, 1990 годов Р.М. Кабановой и М.Б. Матуковой. В состав этих коллекций вошли предметы праздничнo-обрядовых костюмов XIX века, большое количество женских головных уборов "шарпан", полные комплекты девичьих и женских украшений. Один из экспонатов этого собрания является уникальным - свадебное полотенце "сӱан солык" 1895-1900 годов из деревни Апанайка Моркинского района.

До 70-ых годов фонды музея располагали лишь незначительными коллекциями по восточно-марийскому населению: КП 4177 - формы одежды елабужских мари начала XX века; КП 4250, 4492 -4496 - формы костюма, девичьи и женские украшения башкирских мари. В 1973 во время экспедиции к восточным мари были собраны (собиратели Р.М. Кабанова, М.Б. Матукова) серийные коллекции по культуре мари Краснокамского, Янаульского, Мишкинского, Калтасинского районов Башкирии. В состав коллекций (КП 4653-4697) вошли разнообразные формы народного костюма: обрядовая, праздничная одежда конца XIX -середины XX веков; кафтаны "пешмет", "кезе шовыр"; украшения; свадебные полотенца, пояса. В 80-91 годах собрание по восточным марийцам пополняется коллекциями (КП 5022) обрядовых женских рубах, головных уборов "äкай" Мишкинского района (КП 5047, КП 5022). Последняя коллекция (КП 10157-10172) по данной этнической группе поступила в фонды музея в1990 году, состоит из различных форм женского народного костюма и украшений. В собраниях музея единственной является коллекция по икско-сюньской группе восточно-марийского населения, расселенного в Шаранском районе Башкирии (КП 10165-10172). В ее состав вошли женские головные уборы "шарпан" XIX века, предметы узорного ткачества XIX века, праздничный женский костюм (рубаха пестрядинная и камзол из китайского шелка начала XX века) и др.

В 1974 году поступили первые коллекции по уральским марийцам (КП

4759-4780), включающие серийные собрания народной одежды, бытовой утвари, изделия народных мастеров. В том же году была проведена первая музейная экспедиция к уральским мари в Свердловскую область, в результате чего были собраны данные экспонаты.

В 1987-91 годах Марийский краеведческий музей проводит ряд этнографических экспедиций с целью изучения этнической группы восточных мари. В результате четырех полевых сезонов было собрано более 600 предметов этнографического характера (КП 9576, КП 9944-9953, КП 9954-9970, КП 10157-10172, КП 10279-10309) в Республиках Татарстан, Башкортостан, Екатеринбургской и Пермской областях.

Хронологические рамки основной части собранного материала - вторая половина XIX - 90-ые годы XX веков. Собрания представлены как старинными и празднично-обрядовыми, так и экспонатами массового бытового материала, отражающими повседневную жизнь, элементами интерьера современного жилища, изделиями современных мастеров. Особую ценность представляет коллекция обрядовой одежды уральских мари из деревни Нижняя Солянка Кишертского района Пермской области, собранная у Елаевой Т.М. (КП 9576/1-22). В результате этнографических экспедиций последних лет пополнились коллекции художественно-этнографических зарисовок художников- участников экспедиций: С.М. Солдатова (КП 9584 –12 работ), Р.Г. Кириллова (КП 9585 - 11 работ), В.Н. Ершова (КП 9586 - 11 работ), Ю.В. Кириллова (КП 10342-КП 10351); Ю.И. Таныгина (КП 10198 –13 работ), С.В. Евдокимова (КП 10207-10219), А.Н. Ведерникова (КП 10330-10334).

В последние годы этнографические коллекции музея обогатились предметами городского быта. С середины 80-ых годов ежегодно проводятся историко-бытовые экспедиции по Йошкар-Оле, Козьмодемьянску, в селах Троицкий Посад, Владимирское Горномарийского района, по Юринскому району. Были собраны коллекции: КП 5021 -7020, 7032, 8173, 8182, 8296, 8300-8522, 8530-8538, 8591-8598, 9568. Наиболее ценным является собрание предметов домашнего интерьера конца XIX - начала XX веков Царевококшайска, закупленное у О.А. Боос: полотенца, салфетки обеденные, постельные принадлежности с вензелем "ЕЕ" XIX века, полотняный чехол для новорожденного и детский чепец XIX века, вышитая подушка-думка мужской работы 1895 года (КП 5021).

И в настоящее время продолжается работа по исследованию провинциального города, так как идет быстрое разрушение предметно-бытовой среды старого города, а городской этнографии в прошлом уделялось мало внимания. В 1994 году в фонды музея поступила большая коллекция предметов городского быта 50-ых годов XX века (КП 10451-10517).

Составной частью музейных фондов является и фототека. К сожале-

нию, фототека Марийского национального музея недостаточно полная. Фотографический материал о марийцах начал собирать Т.Е. Евсевьев. Из-за отсутствия документов первичного учета мы лишь можем предположить, что фотографии о марийцах сделаны Т.Е. Евсевьевым после 1908 года после посещения Финляндии, где он научился фотографировать. Большая часть его фотографий хранится в Национальном музее Финляндии, вторые экземпляры некоторых фотографий сохранились в фототеке нашего музея, но их немного и они не проаннотированы. В фотоколлекции КП 2308 всего 170 фотографий, где запечатлены постройки, способы обработки волокнистых растений, обряды, верования, занятия, костюмы различных групп марийцев и др. Аннотации к этим фотографиям составлены по опубликованным аналогам в работах финских исследователей, по ним же установлено и авторство этих работ. На некоторых из них был указан только год 1911, 1926, 1928,

Уникальными являются подлинные фотографии, выполненные членом Казанского фотографического общества К. Сафоновым к Казанской научно-промышленной выставке 1890 года, на которой запечатлены черемисы Казанской губернии. С подлинных фотографий К. Сафонова, хранящихся в фондах Государственного музея Республики Татарстан, выполнены фотокопии для фототеки Марийского Национального музея (НВФ 2623)* . Фотоколлекция НВФ 1627 состоит также из фотокопий с подлинников из этого музея в количестве 26 штук, отображающих обряды языческой секты "Кугу сорта". Ценнейшими являются подлинные фото, предоставленные марийскому музею Государственным музеем Татарской Республики. На них зафиксированы религиозные обряды, похороны и поминальный ритуал марийцев конца XIX - начала XX веков. Интересными являются почтовые карточки "открытое письмо", выпущенные почтовым союзом России, где запечатлены черемисы Казанской губернии (КП 2308, 2 шт.), также поступившие из этого музея.

Коллекция негативов на стекле и контрольных фотографий известного фотографа О.И. Смоленцева выполнена с его фоторабот, хранящихся в архивах этнографического отдела Государственного Русского музея. На этих фотографиях, относящихся к периоду 1900-1910 годов, запечатлены религиозные обряды, похоронно-поминальные ритуалы, костюмы луговых мари Казанской и Вятской губерний.

В 1958 году, при содействии Т.А. Крюковой, из Государственного музея этнографии поступила фотоколлекция (КП 2994 – 19 ед. хр.), характеризующая занятия, промыслы, торговлю, вышивку, костюмы всех групп марийцев. Этим же музеем переданы две копии с подлинных фотографий

---

* Научно-вспомогательный фонд (НВФ).

известного журналиста В.А. Мошкова, автора очерка об истории Царевококшайска, запечатлевшего в 1901 году в качестве иллюстраций к своему очерку типы марийцев Царевококшайского уезда Казанской губернии (НВФ 2558).

Из наиболее интересных коллекций следует выделить собрание НВФ 277, насчитывающее 94 фотографии по пчеловодству, выполненные в 1936 году. Однако, автор этих фотографий неизвестен. Уникальной является фотография соломенного и колодного улья в хозяйстве единоличного крестьянина Юрьбеева из деревни Крутой Овраг Йошкар-Олинского района.

Не меньший интерес вызывает коллекция НВФ 274, насчитывающая 122 фоторабоы о быте марийской деревни, об обрядах, костюме 30-50-ых годов XX столетия. Интереснейшим является собрание С.П. Щербакова, поступившее в фототеку музея в 1967 году, насчитывающее 28 фотографий (КП 4135), где запечатлены языческие религиозные обряды в священной роще, быт, обряды марийского населения 1922-28 годов.

Однако следует отметить, что недостатком всех коллекций, поступивших в музей до конца 50-ых годов, является то, что отсутствует подробная аннотация фоторабот, а иногда и авторство.

Фототека музея значительно обогатилась разнообразными фотоколлекциями и негативами в современных условиях. В результате многочисленных этнографических экспедиций музея, начиная с 60-ых годов XX века по современный период, в фонды стали поступать интереснейшие коллекции, характеризующие различные стороны материальной и духовной культуры народов Республики Марий Эл.

В результате многолетней собирательской и научно-исследовательской работы сотрудников Национального музея Республики Марий Эл в фондах наряду с другими коллекциями сосредоточен огромнейший этнографический материал в виде вещевых, фотографических собраний, полевых записей, которые дают яркое представление об истории, культуре, быте народов Марийского края.

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Маргарита Сурина
Саранск

МУЗЕИ МОРДОВИИ

Появление музеев на территории Мордовии связано с событиями Октябрьской социалистической революции. Первый музей в крае был учрежден постановлением Саранского уездного отдела народного образования от 29 ноября 1918 года. Инициатором создания музея явилось "Саранское общество изучения родного края", куда входила почти вся местная интеллигенция (ок. 100 человек), в основном учителя. Первоначально музей назывался Саранским уездным краеведческим музеем народного образования. С 1953 года музей перешел в ведомство Министерства культуры Мордовской АССР и стал именоваться Мордовским республиканским краеведческим музеем.

1919 год следует считать датой создания Краснослободского районного краеведческого музея. Под его экспозицию была отведена одна из комнат Народного дома. Тогда музей назывался "Естественно-исторический музей при Нардоме". Основой собрания музея явились школьные коллекции, а также отдельные находки и экспонаты, поступившие в основном из сельских школ: одежда, утварь, записи обрядовых песен, монеты. Архивные документы свидетельствуют о том, что в 20-е годы музей продолжал накапливать материал путем небольших раскопок в уезде, покупок и изъятий из всяких учреждений.

Образование мордовской государственности, возникновение Мордовской национальной области (1930) и затем преобразование ее в Мордовскую автономную советскую социалистическую республику в 1934 году повлекло за собой оживление культурной жизни в крае, и в том числе изобразительного искусства. В столице Мордовии Саранске начинают регулярно организовываться художественные выставки. В 1937 году художники республики собираются на свой первый учредительный съезд с целью создания своего творческого союза - все это поставило вопрос о необходимости открытия художественной картинной галереи в Саранске. Поста-

новление о ее создании было принято Советом Народных Комиссаров Мордовской АССР 6 марта 1941 года, но начавшаяся война надолго отодвинула возникновение этого музея. Он распахнул свои двери для посетителей только 10 января 1960 года.

В 60-е годы в Мордовии начала складываться сеть музеев. Помимо Мордовской республиканской картинной галереи имени Ф.В. Сычкова были созданы краеведческие музеи в районных центрах республики- городах Темникове (1966), Рузаевке (1967), Ковылкине (1969), а также музей народного зодчества и быта в пригороде Саранска (1968). Все они впоследствии стали филиалами Мордовского республиканского краеведческого музея.

Наиболее интенсивный рост музейной сети наблюдается в 70-80- годы. В это время организуются музеи различных типов: историко-краеведческие - в городах Ардатове (1975), Инсаре (1987); поселках Ельники (1978) и Дубенки (1988); мемориальные дома-музеи выдающихся деятелей мордовской культуры: композитора Л.И. Воинова в г. Темникове (1968), художника Ф.В. Сычкова в селе Кочелаево (1970), скульптора С.Д. Эрьзи в селе Баево (1976), Героя Советского Союза летчика М.П. Девятаева в поселке Торбеево (1975).

При крупных учебных заведениях создаются исторические, литературные и естественно-научные музеи, имеющие учебное назначение и обладающие интересными коллекциями, такие как: Археологический, Этнографический, Зоологический, Ботанический музеи, музей Н.П. Огарева, музей учеников С.Д. Эрьзи, музей истории религии, музей "Человек и свет" при Мордовском государственном университете имени Н.П. Огарева; Музей охраны животного мира, музей имени М.Е. Евсевьева при Мордовском государственном педагогическом институте им. М.Е. Евсевьева.

По примеру АО "Электровыпрямитель", создавшего музей своей истории еще в 1966 году, многие крупные предприятия также организовали такие музеи, в их числе музеи акционерных обществ "Саранскkабель" (1975), "Биохимик" (1977), "Центролит" (1986), "Резинотехника" (1989) и др.

В этот период идет бурная собирательская деятельность музеев. Они организуют археологические и этнографические экспедиции, отыскивают интересные единичные экспонаты, укрепляют свою материальную базу. Многие из них разместились в новых специально построенных зданиях, получили современное музейное оборудование, открыли новые интересные экспозиции.

Большим событием в культурной жизни республики было открытие в 1976 году нового здания Мордовской республиканской картинной галереи имени Ф.В. Сычкова, приуроченное к празднованию 100-летней годовщины со дня рождения С.Д. Эрьзи. Оно было построено по авторско-

му проекту группы местных архитекторов во главе с В.И. Борисовым и было первым специальным современным музейным зданием в поволжском регионе. С этого времени галерея стала развиваться на качественно новом, более высоком уровне, для которого была характерна перестройка всей работы: создание научных отделов, расширение объемов и сфер комплектования коллекции, количественное и качественное увеличение организуемых выставок, совершенствование хранительской, научной и просветительской работы. В связи с этим был изменен статус галереи. С 1978 года она стала называться "Мордовским республиканским музеем изобразительных искусств". В 1985 году была открыта вторая очередь музея, в результате чего он стал одним из крупных культурных центров республики, имеющим выставочный зал, лекторий, фондохранилища, реставрационные мастерские. Общая площадь музея составила свыше 5 тыс. м ^{2}.

В начале 80-х годов серьезной реконструкции подверглось здание республиканского краеведческого музея, в котором была развернута новая более современная постоянная экспозиция.

В 90-е годы темпы музейного строительства в Мордовии существенно снизились, некоторые музеи перепрофилировались, прекратили свое существование, как например, "Музей интернациональной дружбы", открытый в Саранске в 1989 году. Среди вновь созданных музеев - Музей истории и культуры мордовского народа (1997), открытый на базе филиала республиканского краеведческого музея – музея народного зодчества и быта. Музей пока не обладает достойным помещением, он располагается в маленьком здании бывшего национального театра. Его собрание насчитывает свыше 5 тысяч экспонатов, среди которых обширная этнографическая коллекция, иконы XVII-XX веков, деревянная храмовая скульптура, церковная утварь, документы и фотографии.

9 мая 1995 года распахнул свои двери для жителей и гостей Саранска "Музей военного и трудового подвига Мордовии 1941-1945 гг." Он был основан в 1986 году по инициативе ветерана Великой Отечественной войны и труда Алексея Михайловича Мамаева, который являлся его первым директором. На начальной своей стадии музей существовал на средства, пожертвованные от организаций и граждан, среди которых было много участников Великой Отечественной войны. Позднее музей получил статус городского. Музей размещается в специально построенном здании оригинальной архитектуры, напоминающем эрзянский женский головной убор "панго". Его собрание насчитывает свыше 20 тысяч экспонатов: вещевые комплексы, фотографии и документы участников Великой Отечественной войны, уроженцев Мордовии, а также тружеников тыла, коллекция живописи, графики, скульптуры, подаренная художниками студии имени Б.М. Грекова.

Трудное время переживают музеи республики, их финансирование из бюджета покрывает лишь десятую часть необходимых затрат. Не отпускаются средства на организацию, хранение и реставрацию экспонатов. Остро встали проблемы комплектования и охраны музеев, проблема сохранения кадров. Тем не менее большинство музеев Мордовии продолжает функционировать: заниматься собирательской, хранительской и выставочной деятельностью.

Крупнейшим музеем республики является Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей. Его собрание насчитывает свыше 110 тыс., а вместе с филиалами около 160 тыс. экспонатов. Это письменные источники и вещественные материалы, группирующиеся по коллекциям: произведения изобразительного искусства, нумизматическая, археологическая, этнографическая, ботаническая, зоологическая, минералогическая, палеоонтологическая и т.д.

Собрание письменных источников включает в себя единичные документы о людях и событиях разных времен, а также личные архивы известных людей Мордовии, выдающихся деятелей литературы и искусства - писателей П.С. Кирилова, Н.Л. Иркаева, С.Е. Вечканова, П.И. Левчаева, Я.М. Пинясова; ученых М.Е. Евсевьева, М.Т. Маркелова, Б.Д. Темногрудова, М.И. Сумгина, П.Д. Степанова; композиторов Л.И. Воинова, Л.П. Кирюкова; артистов В.А. Зорина, И.М. Яушева, С.И. Колганова и др.

Значительный раздел фонда письменных источников – около 8 тыс. экземпляров составляют книги, журналы, газеты. Наиболее ценными экспонатами среди них являются: рукописная книга “Переписка Петра I с графом Апраксиным”, а также коллекция старопечатных книг, издания, вышедшие в местных типографиях братьев Сыромятниковых (Саранск) и Воротникова (Ардатов).

Большой интерес представляют Пензенские и Сибирские епархиальные ведомости, содержащие материалы по истории создания монастырей и церквей, просвещению, этнографии; журналы: “Солнце России”, “Русская старина”, журналы на мордовских (эрзя и мокша) языках “Валда ян” (1929), “Якстерь галстук” (1935), “Сурань толт”, “Сятко”, “Мокша”; подшивки газет “Саранская правда”, “Завод и пашня”, “Мужик”, “Саранские вести”, “Красная Мордовия”, “Советская Мордовия”, “Мокшень правда”, “Эрзянь правда”.

Собрание вещественных памятников, созданных в различные исторические эпохи из всевозможных материалов, состоит из ряда коллекций таких, как: дерево, металл, текстиль, керамика, и т.д. Одна из крупнейших среди них этнографическая коллекция (более 4 тысяч экспонатов). Основу ее составили образцы народной одежды, украшений, предметов быта мордвы, собранные выдающимся мордовским ученым и просветителем Мака-

ром Евсевьевичем Евсевьевым. В последующие годы коллекция пополнилась экспонатами, собранными в результате научных экспедиций и относящихся к жизни и быту не только эрзи и мокши, но и народов, населяющих территорию мордовского края - русских и татар.

Археологическая коллекция музея формировалась благодаря научным экспедициям Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Республики Мордовии, Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева, в которых принимали участие сотрудники музея. Коллекция насчитывает около 15 тысяч экспонатов, это материалы полевых раскопок древнемордовских могильников, городищ, стоянок, а также единичные находки.

Одна из крупнейших коллекций музея - нумизматическая коллекция (24 тысячи экспонатов) включает в себя монеты российские и зарубежные. Коллекция столовой и чайной посуды состоит из фарфоровых и фаянсовых изделий русских и зарубежных предприятий, среди которых всемирно известные заводы в Мейсене (Германия), Лиможе (Франция), а также российских фабрик Попова, Кузнецова, Гарднера.

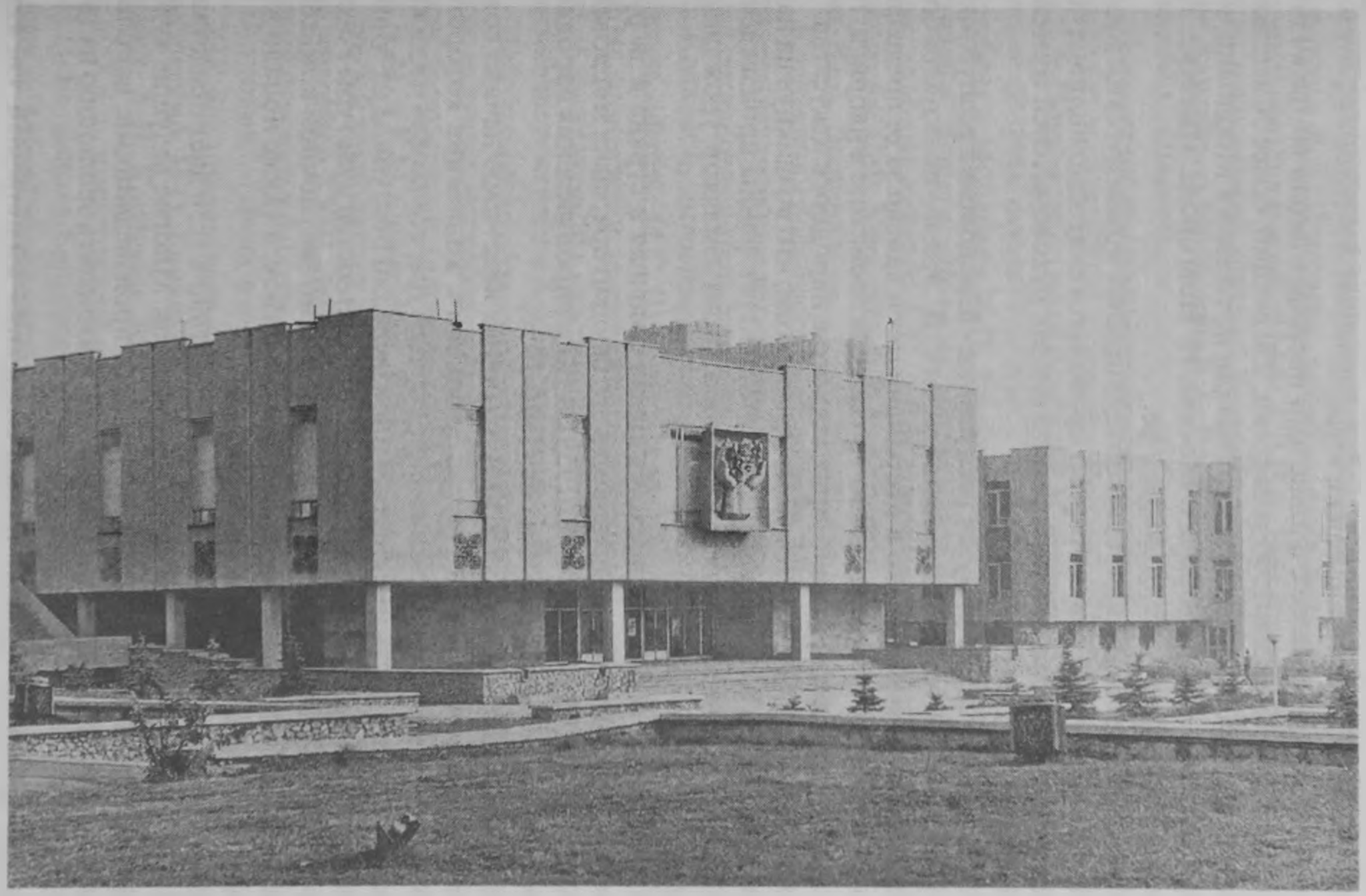
Наиболее интересные экспонаты коллекции мебели и музыкальных инструментов XVIII-XIX вв.: бюро красного дерева и письменный стол из Саранского казначейства, гардероб, створки которого украшены сценами из сельской жизни, выполненными в технике интарсия, клавесин и фисгармония, рояли и пианино, музыкальный шкаф, а также инструменты, воспроизводящие звук с помощью валиков и пластинок (фонограф Эдисона, граммофоны, патефоны).

В состав метрологической коллекции входят часы различных марок: напольные, настенные, наручные, карманные, измерительные приборы, разновесы, бирки деревянные XVIII в., счеты, меры объема, оптические приборы: фотоаппараты, микроскопы, очки.

Коллекция одежды содержит образцы светской, духовной, военной одежды, а также различные аксессуары: веера, галстуки, сумочки и т.д.

Собрание изделий из металла включает в себя коллекцию тульских самоваров, изделия чугунолитейных заводов России XIX-XX вв., орудия труда, подсвечники, заслонки для печей, формы для пряников, замки и т.д.

Собрание произведений изобразительного искусства насчитывает свыше 3,5 тыс. экспонатов. Оно включает в себя живопись: иконы, картины русских дореволюционных мастеров, а также современных художников, живущих в Мордовии; графику, скульптуру; коллекцию декоративно-прикладного искусства, куда входят авторские изделия профессиональных и самодеятельных мастеров вышивки, резьбы по дереву, бисерного плетения Л.М. Острась-Демяшкиной, Л.Ф. Игнатьевой, О.Д. Шеремето-

Мордовский республиканский музей изобразительных искусств имени С.Д. Эрьзи

вой, А.М. Масловой, В.С. Маскинской, Т.А. Корабельщиковой и др.; сувенирная продукция предприятий художественных промыслов Мордовии: резные расписные матрешки, ложки и т.д.

Ежегодно музей вместе с филиалами посещает около 60 тысяч посетителей, проводится около 1500 экскурсий, 250 лекций, более 30 выставок. Организуемые МРОКМ выставки побывали не только в Мордовии, но и за ее пределами, в других городах: Москве, Н. Новгороде, Ижевске, Тарту, Йошкар-Оле, Златоусте, Львове, Уфе.

Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей - методический центр, на базе которого проводятся ежегодно индивидуальные стажировки и теоретические семинары для руководителей музеев на общественных началах.

Второй по значимости музей республики - Мордовский республиканский музей изобразительных искусств имени С.Д. Эрьзи – пользуется большой популярностью не только в Мордовии, но и далеко за ее пределами. Собрание музея насчитывает около 10 тысяч экспонатов: живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного и народного искусства.

Уникальность МРМИИ им. С.Д. Эрьзи в том, что возникнув на национальной почве, он целенаправленно комплектует фонды произведениями выдающихся сынов мордовского народа, своих земляков, уроженцев г. Саранска и республики.

Жемчужиной собрания является самая большая в стране и за рубежом коллекция работ всемирно известного скульптора, сына мордовской земли С.Д. Эрьзи (Нефедова, 1876-1959), а также произведения народного художника Мордовии Ф.В. Сычкова (1870-1956).

От творчества С.Д. Эрьзи и Ф.В. Сычкова ведет свое начало современное профессиональное искусство Мордовии, коллекция которого в музее богата и разнообразна: живопись, скульптура, станковая и книжная графика. Основная часть имеющихся произведений поступила от Министерства культуры Республики Мордовия, Министерства культуры Российской Федерации. Много экспонатов приобретено закупочной комиссией музея с республиканских и персональных выставок, а также попало в музей благодаря дарам художников и спонсоров.

Коллекция включает произведения 1930-1990-х гг. и дает представление об истории развития искусства республики. Многие ведущие художники представлены в собрании несколькими произведениями, исполненными в разное время, что дает возможность проследить эволюцию их творчества.

Самый представительный раздел коллекции живописный. Он включает в себя более 700 произведений 50 авторов. Среди них работы одного из первых профессиональных живописцев Н.В. Ерушева; старейшего ху-

дожника, заслуженного работника культуры РСФСР и МАССР П.Ф. Рябова; заслуженного деятеля искусств МАССР В.Д. Хрымова. Почетное место в собрании музея занимают работы народного художника России и Мордовии В.Д. Илюхина; произведения ведущего портретиста заслуженного деятеля искусств МАССР Е.А. Ноздрина; мастеров пейзажного жанра заслуженных деятелей искусств МАССР А.А. Мухина, В.П. Харламова, картины о Мордовии А.А. Родионова, народного художника Мордовии М.С. Шанина.

Достаточно полно представлена живопись художников 70-80-х годов, таких как: заслуженный художник России, народный художник Мордовии В.А. Попков, народный художник Мордовии И.И. Сидельников, заслуженный деятель искусств МАССР В.А. Беднов, заслуженный художник Республики Мордовия Н.П. Рожков; А.А. Мисюра, А.А. Жидков, В.И. Петряшов. В последние годы фонды музея пополнились произведениями более молодых авторов А.П. и В.П Шадриных, О.П. Елистратовой, О.Е. Павликова, С.Ф. Короткова, В.А. Карасева, Е.Г. Балакшина, А.Г. Ливанова, Ю.А. Дырина и др.

Коллекция графического искусства Мордовии разнообразна по тематическому охвату и техникам исполнения. Здесь представлены акварели заслуженного деятеля искусств МАССР Л.С. Шаниной-Трембачевской, В.Ф. Козловой, литографии заслуженного художника РСФСР Н.С. Макушкина, офорты М.С. Шанина и В.М. Шанина, линогравюры Н.Д. Курдюкова, монотипии заслуженного деятеля искусств МАССР А.И. Коровина и заслуженного художника Республики Мордовия В.А. Козлова, книжная иллюстрация А.И. Коровина, Л.В. Попова, Ю.В. Смирнова.

Небольшой по объему раздел скульптуры дает представление о творчестве ведущих мастеров этого вида: М.И. Нефедова, племянника С.Д. Эрьзи, заслуженных художников МАССР Н.М. Обухова и Е.И. Родионовой, Н.М. и Г.М.Филатовых, Е.М. Шалаевой.

Музей располагает небольшой (около 100 полотен) коллекцией русской живописи XVIII - начала XX веков. К числу наиболее ранних произведений относятся работы кисти неизвестных художников "Царевич Алексей Петрович", "Дама в синем платье", "Императрица Мария Федоровна". XIX век представлен в музее работами таких художников, как И.К. Айвазовский, Н.П. Боголюбов, А.К. Саврасов, И.И. Шишкин, К.Е. Маковский, А.И. Корзухин, В.И. Якоби и др. Среди работ, относящихся к началу XX в., имеются картины К.А. Коровина, В.К. Бялыницкого-Бирули, Н.П. Богданова-Бельского, А.М. Корина, П.И. Петровичева, Л.В. Туржанского. Музей располагает более 20 живописными полотнами академика портретной живописи И.К. Макарова (1822-1897) - воспитанника Саранской живописной школы и Академии художеств.

Коллекция русской дореволюционной графики (около 200 листов) более целостная, чем живописная. В ней имеются гравюры XVШ столетия, выполненные А.И. Соколовым, Е.П. Чемесовым, офорты передвижников Н.Н. Ге, И.Е. Репина, И.И. Шишкина, В.Е. Маковского, рисунки, акварели, эстампы рубежа веков X1X-XX, выполненные А.П. Остроумовой-Лебедевой, В.А. Серовым, А.Н. Бенуа, И.С. Горюшкиным-Сорокопудовым, В.Д. Фалилеевым.

В собрании музея имеется около 3 тыс. произведений живописи, графики и скульптуры советского периода. В основном это работы, поступившие в музей от Министерства культуры СССР, Министерства культуры РСФСР, Союза художников СССР и РСФСР в 60-80-е годы, а также приобретенные музеем с различных выставок и мастерских художников, среди авторов известные советские мастера кисти Е.Е. Моисеенко, Д.К. Мочальский, А.М. Грицай, Н.М. Ромадин, И.П. Обросов, В.И. Иванов, А.А. Тутунов, И.В. Шеванронова; графики А.Ф. Пахомов, В.М. Конашевич, Н.Н. Жуков, Е.А. Кибрик, И.В. Голицин, Г.М. Захаров и др.; скульпторы О.В. Комов, М.К. Аникушин, М.Н. Смирнов, Т.М. Соколова, А.М. Белашов, В.Б. Шелов и др.

С конца 70-х годов в музее стало складываться собрание декоративно-прикладного искусства. Основу его и главную часть составляют произведения народного искусства мордвы, собранные во время работы научных экспедиций музея по районам республики и в мордовских селах Нижегородской, Самарской, Оренбургской, Пензенской областей. Это традиционные виды народного творчества мордвы : образцы одежды, декорированной самобытной вышивкой, шейные, нагрудные, поясные и набедренные украшения, головные уборы, ткачество, вязание. Резьба по дереву, ее разнообразные технические и орнаментальные приемы представлены уникальной коллекцией эрзянских “парей” - свадебных сундуков и донцами прялок.

Наряду с народным искусством в собрании представлены произведения современных мастеров, работающих на основе мордовских народных традиций: вышивальщиц Т.И. Панкратовой-Лушкиной, А.М. Масловой, О.Д. Шереметовой, Л.М. Острась-Демяшкиной, резчиков по дереву из села Подлесная Тавла, выполненные на основе мордовских народных традиций.

Одной из наиболее интересных и многообразных частей собрания декоративно-прикладного искусства является коллекция произведений народных промыслов России. В ее состав входят художественные изделия знаменитых мастеров Палеха, Мстеры и Холуя, жостовские подносы, резьба по камню тувинских мастеров, чукотская и якутская резная кость, болхарская керамика, павлово-посадские шали, хохломская роспись по дереву, вятская, филимоновская, каргопольская игрушка и т.д.

Профессиональное советское декоративно-прикладное искусство представлено произведениями , созданными в основном в 60-70-е годы: художественное стекло и хрусталь ведущих мастеров центральных стекольных заводов М.В. Грабаря, Л.Д. Смирновой, росписной фарфор художников С.-Петербургского, Дулевского, Дмитровского фарфоровых заводов, гобеленами и панно З.А. Борхман и С.А. Заславской и т.п.

Помимо этого в музее имеется коллекция русских самоваров (более 60 единиц), подаренная художником Валентином Алексеевичем Попковым, нумизматическая коллекция, подаренная доцентом Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева Анной Еремеевной Райк, а также археологическая коллекция материалов раскопок древнемордовских могильников, датируемых VI-IX вв., переданная Мордовским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики.

Мордовский республиканский музей изобразительных искусств имени С.Д. Эрьзи является не только хранилищем уникальных экспонатов. На сегодняшний день это научное учреждение. Здесь ведутся исследования в области изобразительного искусства и музейной работы, проходят зональные и республиканские конференции. Научные сотрудники музея являются авторами многих публикаций: научных статей, выставочных каталогов, буклетов, альбомов, монографий. Занимаясь собирательской, хранительской и научно-исследовательской деятельностью музей ведет большую работу по эстетическому воспитанию населения.

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Татьяна Минниахметова
Уфа

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
(на материале коллекций Музея археологии и этнографии)

Южный Урал занимает особое положение, как в геополитическом, так и историческом плане. С одной стороны, этот регион является центром Евразийского континента, с другой - богат своими историческими событиями. С незапамятных времен здесь возникали и исчезали многочисленные цивилизации, сменяли друг друга народы и культуры. Обильный фактический материал по древней и современной истории региона имеет принципиальное значение для решения ряда спорных вопросов археологии и этнографии Урала.

Значительную часть южноуральской территории занимает Республика Башкортостан, представляющая чрезвычайный интерес в научном и политическом отношениях. Этнический состав населения республики сложен, различна его конфессиональная принадлежность, соответственно богата и разнообразна местная культура.

В конце 1950-х годов по инициативе начинающего тогда свой творческий путь ученого Р.Л. Кузеева и при поддержке его коллег Г.В. Юсупова, Н.А. Мажитова, Т.А. Троицкой был создан сектор истории, археологии и этнографии при Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, который возглавил работу по изучению народов края. В 1959 году сектор несколько изменил направление своей деятельности и свое название - сектор археологии, этнографии и искусства. Им стал заведовать видный археолог Южного Урала К.В. Сальников. В процесс этнографического изучения народов активно включились молодые ученые Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова и др. Постепенно школа уфимских этнографов расширялась, пополняясь новыми кадрами, и в 1973 году появилась возможность организовать самостоятельные сектора как по археологии, так и по этнографии (заведовали соответственно А.Х. Пшеничнюк и Н.В. Бикбулатов).

Этнографические исследования в первую очередь были направлены на всестороннее изучение культуры башкирского народа. В то же время организовывались полевые выезды к представителям других национальностей. Таким образом, со временем накапчивался как информативный, так и вещественный материал.

Еще первые инициаторы по собиранию материала планировали в перспективе создать свой музей, отвечающий требованиям академической науки. Благодаря большим усилиям и стараниям, под него была выделена необходимая площадь. И вот в середине 1970-х годов началась совместная деятельность этнографов и археологов по созданию этнографического и археологического музея. Одновременно велась работа по организации хранения имеющихся экспонатов, организации и построению экспозиции.

Музей археологии и этнографии Уфимского научного центра Российское Академии наук создавался видными этнографами Южного Урала (Р.Г. Кузеев, Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова, С..Х. Долотказина, Н.Н. Моисеева, Ф.Ф. Фаттыхова, Л.И. Нагаева, М.Г. Муллагулов, В.Я. Бабенко), археологами (А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов, Н.А. Мажитов, Ю.А. Морозов, В.Б. Агеев, Н.Г. Рутто, Т.И. Щербакова, И.М. Акбулатов), реставратором Института истории, языка и литературы Ф.Г. Измайловой и фотографом этого же Института Т.К. Суриной, собравшими и систематизировавшими огромное количество материала во время научных экспедиций и раскопок. Археологические находки для экспозиции были переданы в музей уфимскими исследователями В.С. Горбуновым, М.Ф. Обыденновым и др. Все эти исследования велись на территории Южного Урала, поэтому наш Музей раскрывает и показывает историю и культуру народов, проживающих в этом регионе.

Музей был создан в 1976 году и первая экспозиция функционировала вплоть до конца 80-х годов. Новые археологические и этнографические материалы требовали обновления выставок, поэтому в начале текущего десятилетия была начата работа по реконструкции экспозиции, куда активно включились аспиранты и молодые ученые.

В экспозиционных залах музея демонстрируются археологические коллекции, отражающие развитие человеческой цивилизации Южного Урала от палеолита до позднего средневековья. Дополнительные материалы по прилегающим к Южному Уралу территориям представляют археологические культуры обитателей как Зауралья, так и Приуралья. Археологическую экспозицию создавали известные уфимские археологи Ю.А. Морозов (каменный и бронзовый века), А.Х. Пшеничнюк и Р.Р. Агеев (железный век), В.В. Иванов (средневековье) и Н.Г. Рутто.

В этнографических залах представлена история формирования современных народов Башкортостана, их культурное развитие в XVI-XX ве-

ках. В настоящее время в республике проживают народы, отличающиеся культурой, языком, религией: из относящихся к тюркской группе алтайской языковой семьи это - башкиры, татары, чуваши, казахи, к финно-угорской группе уральской языковой семьи относятся марийцы, удмурты, мордва, эстонцы, к славянской группе индоевропейцев - русские, украинцы, белорусы. Кроме того, здесь расселены немногочисленные этнические группы латышей, немцев, евреев, армян.

Этнографические залы, в основном, показывают памятники традиционной культуры башкирского народа - хозяйственные занятия кочевников-скотоводов: земледелие, бортничество, охоту, рыболовство, лесные промыслы. Большой интерес представляет башкирская белая войлочная юрта с внутренним убранством, некогда принадлежащая состоятельному и влиятельному башкиру. Далее экспозиция музея знакомит с разнообразными (текстильными, деревянными, металлическими, стеклянными, из драгоценных камней) предметами декоративно-прикладного искусства башкир и их музыкальными инструментами.

Последний зал посвящен народам Башкортостана. Здесь представлены наиболее распространенные типы костюмных комплексов башкирских женщин разных административных районов, а также русская, татарская, чувашская, марийская, удмуртская народная одежда. Впервые представлена экспозиция о религии народов Башкортостана. В республике у некоторых групп населения еще сохраняется язычество, в последние годы начался процесс возрождения ислама и православного христианства.

Большой вклад в создание этнографической части экспозиции внесло молодое поколение ученых - И.Г. Петров, Р.И. Якупов, И.М. Габдрафиков, С.В. Ковязин, Ф.Г. Ахатова, А.Р. Ганеева, Р.С. Рашитова, Т.Г. Миннияхметова. В то время реставраторами работали М.Г. Пырялина (Яковлева) и З.Р. Утябаева (Фатхуллина). Научное руководство работой осуществлялось заведующим отделом народов Южного Урала, видным российским этнографом профессором Р.Г. Кузеевым.

Наш музей, несмотря на свою молодость, имеет богатое собрание археологического материала: 877 коллекций, насчитывающих 187 тысяч предметов. Наряду с ними, очень ценными являются и этнографические экспонаты фондохранилища: 63 коллекции включают 1732 предмета.

В настоящей статье вниманию читателей предлагаются предметы, собранные у представителей финно-угорских народов, проживающих на территории Республики Башкортостан и частично - в южных районах Свердловской области.

Первыми из финно-угорских коллекций стали марийские вещи: две рубахи *тувыр*, головной убор *äкäй* и пояс, сплетенный в виде веревки из

синтетического шелка. Приобретения были произведены С.Н. Шитовой в Нуримановском районе в 1982 г.

В том же году Л.И. Нагаева собрала большое число марийских же предметов в Мишкинском районе. Среди них из одежды - по пять рубах *тувыр,* кафтанов *шовыр,* фартуков, платьев и одно детское платье *тувыр.* Два женских головных убора *äкäй,* девичий головной убор *такия,* нагрудное украшение *сога,* сплетенная из разноцветных ниток "коса" - *кез.* Кроме того, тогда были приобретены детали ткацкого стана, бытовые предметы, утварь, инструменты.

Коллекцию марийских вещей дополнила С.Н. Шитова в 1984 г. Во время этнографической экспедиции в Янаульском районе она собрала несколько предметов женской одежды. Интерес представляет впервые появившийся в музее головной убор *äкäй,* а также верхняя одежда *йылан* наподобие башкирской. Уникальными являются приобретения С..Н. Шитовой в Красноуфимском районе Свердловской области: летняя белая вышитая женская рубаха с верхним кафтаном, фартук *запон* и великолепные головные уборы *шынашовычо,* вышитые разноцветными нитками и украшенные бисером, серебряными монетами, металлическими бляшками, пуговицами и бусами из стекла и драгоценных камней.

В 1990 г. в составе комплексной экспедиции музея участвовала Р.С. Рашидова. В Балтачевском районе она приобрела 6 предметов женской одежды, среди них, помимо обычных, уже имеющихся в музее, была верхняя женская одежда *бишмет,* распространенный в регионе короткий жакет с подкладом из тонкого материала.

В 1991 г. этнографическую экспедицию возглавил молодей сотрудник музея И.Г. Петров. В Янаульском и Краснокамском районах им было собрано 14 предметов женской одежды.

Спустя 9 лет, в 1993 г., снова была организована экспедиция в Свердловскую область. Теперь руководил ею Р.И. Якупов. В Красноуфимском и Артинском районах приобрели 20 предметов. Необычны среди них поясное украшение, платья из самотканины, украшение в виде воротника из бисера. Впервые сотрудники побывали у марийцев Мечетлинского района (на северо-востоке Башкирии) и приобрели там традиционную женскую рубашку.

В 1995 г. была организована экспедиция по сбору вещевого материала в северо-западные районы республики. В результате полевых работ И.М. Габдрафиков привез 5 вещей из Дюртюлинского района. Тогда же большую коллекцию из марийских вещей собрала Л.Г. Кузнецова в Чекмагушевском, Шаранском и Илишевском районах. В настоящее время она продолжает сбор экспонатов среди марийского населения демско-бельского бассейна.

На сегодняшний день в музее насчитываются 218 марийских вещей.

Одновременно с марийскими предметами приобретались и удмуртские вещи. Так, первые приобретения поступили в 1985 г. из самого южного района Башкортостана, Зилаирского. К настоящему времени здесь удмурты уже не проживают компактно, а расселены лишь отдельными семьями. Коллекцию составляют фартук, платье, самотканые скатерть и полотенце, занавес и вышитая наволочка.

В том же году состоялась поездка к удмуртам Ермекеевского района, где они живут только в одной деревне и по своей культуре близки с бавлинскими удмуртами Татарстана. Фартук из фабричной ткани со специфичной выкройкой *ашет,* самотканый ковер и лапти *кут* приобрела в д. Купченеево С.Х. Долотказина.

В упомянутой выше экспедиции И.Г. Петрова в Янаульском районе были приобретены два передника *ашшет,* женское платье *дэрем,* верхний безрукавный кафтан *камзол* и женские сапоги *читук* у удмуртского населения.

В 1992 г. музей получил в дар праздничные белые шерстяные носки *ныpос*, связанные гребенчатым узором, от жительницы д. Уразгильды Татышлинского района.

Самая значительная часть удмуртских коллекций была собрана Т.Г. Минниахметовой в 1994 г. Одна экспедиция состоялась в дер. Асавка Балтачевского района. Различные платья из самотканины *дэрем,* множество фартуков *ашшет,* женская шапочка *манлай,* головная повязка *зыркерттэт,* пояс *кыскерттон,* верхний безрукавный кафтан из плюша *камзол,* штаны *шалбар,* скатерти *жӧккышет,* полотенца *бамкышет,* паласы, занавески, коврик. Другой выезд осуществился в Ермекеевский район, где были собраны предметы женской одежды, вышитые полотенца, занавески, подзоры, детали ткацкого станка, холсты. В итоге удмуртских экспонатов в музее стало 97.

В ходе этой же экспедиции производились видеосъемки традиционных обрядов и молений *Мӧр вӧсь.* На съемках принимали участие Р.И. Якупов, Л.Г. Кузнецова, Б.Р. Кузеев и Т.Г. Минниахметова.

В 1997 году проходила научная экспедиция в удмуртские населенные пункты Янаульского, Бураевского, Балтачевского и Татышлинского районов Республики Башкортостан, где аспирантом Р.Р. Садиковым были выполнены зарисовки традиционных хозяйственных построек.

В 1994 году музеем впервые была организована комплексная экспедиция, задачами которой стало изучение и сбор материала мордовского (эрзянско-мокшанского) населения республики. Несмотря на скромные результаты, сотрудником музея З.И. Минибаевой были привезены мужская рубашка, головное и нагрудное женские украшения из дер. Суккулово Ермекеевского района.

Фотоматериалом и фонозаписью народных песен представлены эстонцы Стерлибашевского района республики. Выезды к ним проводились в 1994 и 1995 гг. при участии Т.Г. Миннияхметовой и И.Г. Петрова. В последние годы в ходе экспедиций велись фотосъемки, а в некоторых случаях - и видеосъемки. Все собранные материалы хранятся в музее.

Сбор материала продолжается, ежегодно музейное фондохранилище пополняется новыми экспонатами.

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Н. Волокославская, О. Даншова, И. Павлова
Олонец

ОЛОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

Карелы – древнейший финно-угорский этнос, населяющий северо-запад России. Наряду с общим названием – "карьялани", этнические группы карел сохраняют свои самоназвания, так, приладожские и олонецкие карелы называют себя "ливвилёй", "ливгиляйне".

В январе 1959 г. в Олонце – в одном из древнейших городов Карелии, бывшем административном центре края, был открыт краеведческий музей. Основу его коллекции составили этнографические памятники карелов-ливвиков Олонецкого края. Первая коллекция насчитывала 1140 единиц хранения.

Инициатором создания, а затем первым директором был Н.Г. Прилукин, внесший огромный вклад в изучение родного края. Первая выставка размещалась в бывшем доме купца Куттуева.

В 1974 г. была открыта первая стационарная экспозиция в здании Собора Смоленской Божьей Матери, построенного в середине XVIII в. В 1992 году Собор был возвращен верующим, а музею предоставлены помещения в современном административном здании.

Открытая в 1992 году музейная экспозиция "Хозяйство и быт провинциального города XIX - нач. XX вв.", созданная на этнографическом материале, знакомит посетителей с хозяйством, бытовым укладом, с особенностями культурного наследия карел-ливвиков, а также с историей Олонецкого уезда. Экспозиция включает в себя несколько разделов. Такие, как интерьер (реконструкция внутреннего помещения городского дома), хозяйственная деятельность местного населения, развитие промыслов, транспорт и торговля, духовная культура карел. Уникальные по своему содержанию фонды музея, подлинные исторические памятники позволяли создать специально организованную предметно-пространственную среду, способную формировать у посетителей личное эмоциональное отношение к истории своего народа, к его языку и культуре, традициям и религиозным убеждениям.

Так как экспозиционная площадь невелика, всего 120 м², музей регулярно организует выставки вне своих стен, где открывает временные, передвижные выставки, экспресс-экспозиции и т.д. Так, за последние 2 года созданы:

1. "Калевала" – книга мудрости народной" (к 160-летию национального эпоса).
2. "Я не успел свою осень закончить" (к 65-летию карельского поэта В.К. Брендоева).
3. "Карельский этнос - перспективы развития".
4. "Как рубашка в поле выросла" (обработка льна).
5. "Животный мир Олонии и его охрана".
6. "Олонец глазами фотографа".

Не замыкаясь на этнографических темах, были открыты выставки по интересным и трагическим страницам современной истории края. Это:

1. "Олонецкой больнице - 100 лет".
2. "Живи и помни" (посвящена войне 1941-45 гг.).
3. "Без вины убиенные - немы" (о репрессиях 30-50-х гг.).

Кроме экспозиционно-выставочной, музей сегодня ведет большую научно-исследовательскую, фондово-хранительскую, собирательскую и научно-просветительскую работу. Основное направление в исследовательской деятельности - история и культура народа, населяющего территорию Олонии. В соответствии с этим ведутся собирательская работа, полевые изыскания.

Музейная коллекция насчитывает около 17,5 тыс. ед. основного и научно-вспомогательного фондов. Наиболее многочисленными и уникальными являются: предметы домашнего обихода - 640 ед. хран.; бытовой текстиль - 160 ед. хран.; одежда, обувь, головные уборы- 140 ед. хран.; орудия труда основных ремесел и промыслов олончан - 810 ед. хран.; предметы духовной культуры - 325 ед. хран.; археологические памятники - 1316 ед. хран.; нумизматика – 3082 ед. хран.; фотоматериалы - 2820 ед. хран.; документы - 2300 ед. хран.

Этнографическая коллекция заслуживает того, чтобы с нее начать обзор памятников Олонецкого национального музея. Ее формирование началось с момента создания музея. Большинство вещественных памятников, входящих в состав этой коллекции, характеризуют домашний уклад, быт, занятия, обряды и верования карел-ливвиков Олонецкого уезда конца XIX – начала XX вв.

Первый директор нашего музея Прилукин Николай Григорьевич проводил целенаправленную работу по сбору предметов этнографии. Благодаря ему в музее появились орудия земледелия, льнообработки, ткачества, инструменты столяра, бондаря, сапожника, изготовленные кустарным способом - руками самих мастеров.

Последователи Николая Григорьевича Прилукина продолжили эту работу, в результате почти за 40 лет существования музея собрана коллекция (около 4000 ед. хран.), позволяющая в полной мере судить об основных занятиях, жилище, его убранстве, кухонной утвари, национальной одежде, верованиях карелов. Эта коллекция представляет большую ценность не только из-за широкого и полного освещения жизни коренного населения Олонии, но и благодаря наличию уникальных предметов.

Древнейшими промыслами местных жителей являлись охота и рыболовство. О них можно судить по имеющимся в музее охотничьим и рыболовным принадлежностям: рогатины (*канги*) и капканы на медведя (*равват*), пояса с пороховницами, мерками и мешочками для дроби, пулелейки, берестяные поплавки (*пулло*), камни-грузила, оплетенные берестяною лентой (*кивексет*), остроги (*азраин*) - все это умел делать каждый мужчина в карельской семье.

Наряду с охотой и рыболовством традиционными для олончан были занятия подсечным земледелием и скотоводством. В музее хранятся характерные для этих работ орудия и инвентарь. Не обойтись было на подсеке без сучкорезных ножей (*кассари*). Соха (*адру*) справлялась с самой неудобной почвой. Наиболее архаичным из орудий рыхления почвы является борона-суковатка из ели (*кувзиине астув*). Коса-горбуша (*викатех*) незаменима при покосе травы вокруг камней, между кустами, интересны ребристый деревянный каток для прикатки почвы, агрегат для измельчения листьев табака, соломорезки. Но и заурядные, казалось, вилы (*пууханго*), грабли (*харав*), цепы (*чиеппи*), порой неказистые на вид, удивляют тем, что каждый природный изгиб дерева, сучок, ответвление были практично приспособлены мастерами именно для этого предмета.

По воспоминаниям исследователей, карелы были наиболее удачливы в промыслах, но, следует отметить, что и ремесленниками они были искусными. Чтобы в этом убедиться, стоит посмотреть на музейные коллекции деревянной и берестяной посуды и утвари.

Из-под рук бондаря выходили прямо-таки звенящие бочонки (*пуччийне*), подойники (*люпсинренгайне*), ушаты (*корвой*), кадушки (*райендо*), квашни (*тайгин*), маслобойки. Олонецкие ложкари получали заказы от близлежащих монастырей на изготовление партий ложек по 200-300 штук. Поражают своей оригинальностью, красотой и долговечностью изделия из капа: вазочки, поварешки, миски.

А как изящны точеные солонки из карельской березы! Настоящим произведением искусства можно назвать сделанные на токарном станке тарелки под хлеб. Резьба по борту: “Чемъ хата богата, тем и рада” - говорит о хлебосольстве и радушии карел.

По имеющимся в музее предметам убранства жилища можно соста-

вить довольно полную характеристику интерьера карельской избы. В каждом доме, кроме встроенных лавок и полок, обязательно были столы с огромными столешницами, посудники (*рундугу*), сундуки различных размеров, люльки из луба (*кяткют*). Очень интересными являются детские "ходульки" на полозьях для передвижения. Многие олончане занимались торговлей, хотя по переписи числились не купцами, а крестьянами. В их домах можно было увидеть покупные предметы: шкафы-бюро, раздвижные кровати, зеркала в резных рамах, бронзовые канделябры.

Разнообразно в музее представлены осветительные приборы: кованные светцы, дворовые фонари, медные подсвечники, металлические и фарфоровые керосиновые лампы. Ни одно крестьянское хозяйство не обходилось без берестяных изделий. Береста славилась своей прочностью, долговечностью, дешевизной и простотой в изготовлении. В нашем музее более 200 изделий из бересты. Спектр их применения самый разнообразный: лукошки (*комшу*), кошели (*кашшали*), туеса (*пузу*), коробы (*липас*), севни, бутыли, сундуки, солонки-"уточки", поплавки, грузила, обувь, чехлы для ножен и точильных брусков, женские сумочки, шкатулки, рамки для фото, "запелёнутые" берестяной лентой глиняные горшки.

Кузнечное дело было одним из самых распространенных в нашем крае, так как олончане с древности умели добывать руду из болот и рек, выплавлять из нее железо и делать различные металлические изделия, необходимые в хозяйстве. В музее хранятся кованые серпы, подковы, печные крюки, замки, ключи. К концу XIX века в уезде появились железоковательные заводы. В коллекции металлических изделий имеются топоры, лопаты, шины для колес, якоря с марками местных заводов.

В Карелии только в нескольких деревнях Олонецкого уезда жили умельцы по соломоплетению. Шляпы, сумочки, коврики, сделанные их руками, быстро раскупались на ярмарках Тихвина, Санкт-Петербурга и Одессы. Музей гордится своей коллекцией меди. Изделия местных медников просты по форме [кастрюли, котлы (*каттыл*), ковши (*кауху*) из красной меди], но так же красивы как и ендовы, братины, формы для желе, полоскательницы, рукомойники, чайники. Особо хочется сказать о самоварах. Их немного, но сияют золотом самовары - "репки", "банки", "желуди", "вазы", самовары-чайники. Удивительно не только разнообразие форм, но и красота прорезных конфорок, носиков, кранов.

Коллекция инструментов и орудий труда позволяет проследить от начала до конца многие хозяйственные процессы. Так, например, расставив в определенной последовательности орудия льнообработки и ткачества, мы узнаем, "как рубашка в поле выросла". Из этой коллекции особенно хочется отметить олонецкие прялки (*куожали*). Их веслообразные лопасти украшены растительным орнаментом в коричнево-зеленых тонах или

резьбой. Прялка была обязательна в составе приданого невесты, считалась дорогим подарком отца - дочери, брата – сестре. Проходил год с момента засева поля льном до получения готового изделия. В музейной коллекции тканей более половины составляют домотканые вещи. Наиболее широко представлены полотенца (*кязипайкку*) и скатерти (*пюхкин*) с различной техникой вышивки, присущей именно мастерицам-карелкам. Браные геометрические орнаменты и пышные цветы, вышитые гладью петухи, изображенные на тканой сетке "белым по белому" трехглавые змеи, жар-птицы, барсы - все эти произведения искусства олонецких мастериц были высоко оценены еще в начале XIX века на Парижской выставке.

Из одежды карел конца XIX века наиболее полно представлен женский комплекс: сарафаны прямые и косоклинные, рубахи-"ряччины", кофты-казачки, шерстяные с орнаментом и льняные пестрядные юбки.

Одежду дополняют уникальные головные уборы и украшения: жемчужные кокошники, бархатные повойники, серьги-"бабочки" из жемчуга, наплечный стеклярус.

В музее хранятся редчайшие предметы христианского и языческого культа карел: старопечатные книги, резные деревянные, медные, живописные иконы и кресты, посохи (*балюгу*) знахарей (*тиедоиниэкку*) и обереги.

Мастера-карелы славились изготовлением добротных и красивых средств передвижения и конской упряжи. Олонецкий музей располагает образцами легковых и грузовых повозок, саней, расписных дуг и конской сбруи. Шорники искусно выделывали кожу, украшая ее медными заклепками и бляшками.

Невелика по количеству коллекция музыкальных инструментов, но в ней особое место занимает кантеле - древний карельский струнный инструмент, под звуки которого на посиделках рассказывались сказки, былички, занимались рукоделием.

Несмотря на свою "молодость", интересна коллекция предметов декоративно-прикладного искусства, где использована различная технология: инкрустация деревом, резьба, выжигание. Глядя на эти шкатулки, туеса, вазы, убеждаешься, что древние народные ремесла и традиции живы и продолжатся в новых поколениях.

Археологическая коллекция музея представлена, в основном, памятниками II-III тыс. до н.э. Это многочисленные фрагменты лепных глиняных сосудов, каменные орудия труда из курганов, обнаруженных в нескольких километрах от Олонца. В нашем крае раскопками занимались известные зарубежные и отечественные археологи Д. Европеус, В.И. Равдоникас, Э. Кивикоски, А.М. Линевский и С.И. Кочкуркина. Доктор исторических наук С.И. Кочкуркина на протяжении более 20 лет целенаправленно занимается раскопками на территории древней Олонецкой крепости.

Ею переданы в музей великолепные коллекции предметов XVII-XVIII вв.: фрагменты гончарной и стеклянной посуды, изделия из металла, свинцовые пули, глиняные шахматные фигурки и курительные трубки, монеты и многое другое. Благодаря стараниям ученых, открыты новые страницы в истории нашего города.

Документальный и фото- фонофонд музея является самым большим по численности. На фотографиях и негативах зафиксированы памятники деревянного зодчества карел, исторические события и хроника повседневной жизни олончан. Всего экспонаты этого фонда в той или иной степени отражают биографии более 300 личностей и историю более 150 учреждений, предприятий, организаций, политических течений. Особенно широко освещен через документы и фото период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В начале 90-х годов документальный фонд пополнялся материалами по возрождению карельской нации: съезды карел, общество карельской культуры, национальный конгресс. Музей активно собирает материалы о земляках, кто внес большой вклад в дело возрождения, развития и пропаганды карельского языка. Сегодня мы имеем прекрасные коллекции документов и фотоматериалов, рассказывающих о жизни и творчестве карельского поэта Брендоева В.Е, лингвиста Макарова Г.Н.

В нумизматическом фонде на особом счету находятся коллекции личных наград: ордена, медали, памятные знаки, заслуженные олончанами за трудовые и ратные дела. Здесь рядом и царские медали "За усердие", "Георгиевские кресты", "За взятие Геог-Тепе" и ордена Славы, Трудового Красного Знамени, Ленина. Они нам одинаково дороги.

Монеты и денежные знаки этой коллекции охватывают период с XVI века до наших дней. Большую музейную ценность представляет клад серебряных монет-"чешуек" XVI-XVII веков (772 ед. хран.). Нумизматическая коллекция постоянно дополняется: это и значки, отражающие историю нашего государства с 1917 г., до распада СССР; часто меняющиеся современные денежные знаки.

Олонецкий национальный музей имеет также памятники по другим народам, населяющим территорию района: русским, финнам, вепсам, украинцам, белорусам и др.

Даже в таком объемном обзоре невозможно дать подробную характеристику музейным коллекциям по темам и материалам, тем более, что они пополняются практически ежедневно.

Богатые фонды позволили на базе Олонецкого национального музея создать социально- культурный центр с функциями образования, воспитания и организации свободного времени разных категорий населения. При музее работают две театральные студии, детское экскурсионное бюро. Сотрудниками музея разработаны авторские музейнообразовательные

программы: "Предметный быт национальной культуры", "Культура карел", "История Карелии", "Юные экскурсоводы" для учащихся школ города и района.

Каждые три года в музее проводятся научно-практические конференции. Регулярно организуются семинары, методические объединения, педсоветы для учителей, воспитателей детских садов. Массовые мероприятия, проводимые музеем, пользуются большой популярностью и спросом среди населения.

Музеем была разработана концепция развития, которая предполагает преобразование его в более открытую форму – музейный комплекс (музей-район). В процессе работы над концепцией пришло понимание того, что необходимо охранять не только памятники, находящиеся в фондах, но и все историко-культурное наследие, охватывающее недвижимые памятники архитектуры, природную среду, в которой они существуют. Историко-культурное наследие включает в себя также и обычаи, традиции, технологии, методы хозяйствования, фольклор, язык.

Мы считаем, что создание комплекса "музей-район" позволит в более полном объеме сохранять, изучать и экспонировать все, что характеризует материальную и духовную культуру карел-ливвиков.

В 1994 году музей получил статус "национального". С этого же года он является членом Ассоциации музеев России. С 1996 года - коллективным членом Международной Академии Информатизации (общественно-научной неправительственной организации 1 категории при экономическом и социальном совете ООН).

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Хено Сарв
Тарту

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ И ИСТОРИИ ИХ РАССЕЛЕНИЯ В ВЫСТАВКАХ ЭСТОНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ

Профессор Мордовского государственного университета Николай Заварюхин отметил в лекции об истории мордвы, прочитанной на историческом факультете Тартуского университета в 1995 году, что используемое в древнерусских хрониках понятие *украинская* "пограничная зона" относится не к сегодняшним малороссам, а к финно-угорским народам Поволжья (1). Только позже, после переноса столиц Русского государства из Киева и Новгорода в Москву, изменилось и географическое значение *Украины.* Хотя это изменение и произошло только в сознании русских. Для всей Европы, а через нее и для остальной мировой культуры, Волго-Камский регион остается по сегодняшний день зоной, где, по мнению специалистов, проживают последние язычники Европы (кроме саамов) (2). Обыватель же вообще не может решить для себя: Европа это или Азия, христианский или мусульманский мир.

Таким образом, эти народы - коми, удмурты, марийцы и мордва - могли жить столетиями в замкнутом мире, не представляя значительного интереса для этнологов – *Völkerkunde,* ищущих экзотику, и не являясь достаточно своеобразными для *Volkskunde* - этнологов-стоиков. Только зародившиеся в конце 19 века идеи родственности народов обратили внимание ищущих свои корни финнов (3; 4; 5), а спустя десятилетия венгров и эстонцев на родственные народы, проживающие в Волго-Камском регионе.

В последние годы в эстонской музеологии, а также некоторым образом в финской и шведской, возник своеобразный кризис в осмыслении функции сбора экспонатов. Существует упрощенная трактовка вплоть до того, что музейный экспонат живет или существует лишь до тех пор, пока он находится в экспозиции (6, s. 37-38; 7). Но такие исследователи первой половины нашего века, как Илмари Маннинен, Фердинанд Линнус, Гус-

тав Рянк и Ээрик Лайд, сделали обширные выводы по сравнительной этнологии на базе экспонатов, хранящихся в фондах и описанных в научной литературе.

Области моих научных интересов были на протяжении многих лет связаны с мировоззрением и историей расселения финно-угорских народов. При тривиальном рассмотрении эти интересы отстоят достаточно далеко от практического изучения предметов. Несмотря на это, экспедиционные работы, связанные с моей темой, не ограничивались опросами, фотографированием и архивной работой. В качестве сотрудника музея я активно участвовал в пополнении финно-угорских фондов Эстонского национального музея. Из этого и вытекает мое мнение - если в этнологии первой половины века доминировало научное направление, при котором шли от исследования предмета к этнической истории (по аналогии с археологией), то сегодня, когда перед нами открылись возможности обработки обширного материала первоисточников при помощи компьютерных технологий, на первое место могло бы выдвинуться противоположное направление исследований. Музейные фонды не являются больше единственным документом для выяснения вопросов этнической истории. В то же время сохранилось значение фондов как ощутимого аутентного документа, который подтверждает пути развития этнической истории, построенные на архивных источниках и лингвистических гипотезах.

Почему столь важным является исследование этнической истории финно-угорских народов? История расселения финно-угров Волго-Камского региона показывает, что, несмотря на тесные связи их деятельности, необходимой для жизнеобеспечения, с окружающей средой - обработка земли, пчеловодство и охота, для сохранения своего мировоззрения (древних языческих верований) – в XVI-XVIII вв. они должны были пережить достаточно обширные переселения. С переселениями уменьшилась компактность мест проживания, основными местами расселения стали приграничные районы губерний, где было больше возможностей избегать насильственного внедрения православия и сохранять сложившиеся традиции веры в природу. Таким образом, эти народы в ходе исторического зарождения проявлялись как пограничные в нескольких смыслах: географически - на границе Европы и Азии, конфессионально - на границе христианства и ислама, административно - на границах российских губерний. Советские национальные автономии не ввели в местах расселения этих народов национальных государственных культурно-экологических систем, эти регионы остались по-прежнему неизвестными далекими землями, удобными для размещения военных предприятий и лагерей для заключенных (8, s. 830-839). Политическая жизнь этих народов имела для самостоятельного развития очень маленький отрезок времени - 1917-18 гг. и очень спрес-

сованно в последнее десятилетие. Поэтому эти народы являются, с одной стороны, крайне интересным исследовательским материалом для этнологов, так как отсутствие национальной политической и экономической жизни, особенно в деревнях, свело к минимуму культурные заимствования и приспособления. С другой - с точки зрения политологии - интересно проследить зарождение политической жизни в пустом пространстве и проблемы, возникающие в связи с этим. В историческом аспекте особенно интересно наблюдать быстрое зарождение политической жизни у марийцев в начале XX века, ее подавление сталинским режимом и сопровождающееся многочисленными проблемами возрождение сегодня.

В фондах Эстонского национального музея волго-камские финно-угры представлены вполне удовлетворительно, наиболее полно представлены удмурты, марийцы и мордва. Несколько скромнее коллекция предметов коми, но здесь региональные различия не настолько велики, как у трех вышеназванных народов. Самой малочисленной является коллекция предметов, принадлежащих коми-пермякам.

Первая попытка представить мировоззрение финно-угорских народов через музейные экспонаты была предпринята мною в 1985 году, когда на площади в 100 кв. м в здании ЭНМ на Вески 32 была организована выставка "Этнокультура финно-угров". Поскольку проведение выставки совпало с юбилейной годовщиной выхода в свет эпоса "Калевала", и в сюжетных песнях эпоса можно отыскать множество параллелей с фольклором большинства финно-угорских народов, то экспозиция каждого народа была проиллюстрирована отрывком из "Калевалы".

На пополнение представлений об истории расселения финно-угорских народов Волго-Камского региона в последние годы оказали влияние такие факторы, как демократизация научной жизни России, освобождение эстонской науки из-под жесткого контроля со стороны Москвы, а также возросший интерес западных ученых к коренному населению России. В то же время возродили свою активность и исследователи народного искусства.

По поводу выставки "Традиции и современность мордовского народного искусства" (7.10.1994 - 26.03.1995; соавтор Марика Миккор, последняя выставка в здании ЭНМ на Вески 32) многие коллеги высказали мнение, что она в большей степени знакомит с историей расселения мордовского народа, а не с народным искусством. Представленные материалы - комплекты и отдельные предметы народной одежды, предметы обихода, украшенные деревянной резьбой, металлические украшения и вышивка – характерны для типичной выставки народного творчества. Тексты, картографический материал, фотографии и диаграммы, дополнявшие выставку, поясняли этническую историю мордовского народа, субэтносы и этно-

графические группы и историю расселения народа (9, s. 26-28). Таким образом, эта выставка несколько отличалась от традиционной выставки народного творчества, где пояснительные тексты или отсутствуют вообще, или описывают технологию изготовления того или иного предмета.

Соединение истории расселения с экспозицией народного искусства предоставило возможности для интересных выводов. Характерным оказалось то, что народная традиция мордвы-мокша, проживающих достаточно долгое время на теперешних местах своего расселения, имеет достаточно региональных различий, и, напротив, в комплектах народного костюма мордвы-эрзя, переживших достаточно обширные переселения, много общих элементов, таких как, например, набедренный передник, формы головных уборов, пояса, верхняя одежда. Таким образом, при сохранении в течение продолжительного времени оседлого образа жизни, возникает необходимость в подчеркивании локального идентитета. Комплекты народной одежды мордвы-мокша, проживающих всего в десятке километрах друг от друга, могут быть настолько различными, что по ним было бы достаточно сложно отнести владельца к представителям того же субэтноса. Я сталкивался в деревнях мордвы-мокша с такой ситуацией, что рубашка, украшенная вышивкой (часто более красивой и сложной), из соседней деревни не подходила в качестве праздничной одежды, а могла быть использована в данной деревне как повседневная рабочая одежда. При переселении в чужую этническую среду на первый план вместо локального идентитета выходит этнический идентитет и, поэтому, во всех комплектах национального костюма эрзя, проживающих сегодня на территории от Рязани до Южного Урала, прослеживаются общие элементы. В таких случаях для подчеркивания локального своеобразия используются детали - вышивка, покрой набедренного передника или головного убора и т. д.

Насколько удалось через эту выставку представить мировоззрение мордвы? Уже в XIX веке мордва была полностью обращена в христианство. Несмотря на это, в отдельных местах по сегодняшний день сохраняются языческие обряды. Одновременно с открытием выставки в газете "Постимеэс" были опубликованы комментарии сотрудника Мордовского краеведческого музея Петра Бочкина "Источники народной культуры эрзя из Тавлы" к работам учащихся художественной школы Подлесная Тавла, которые были представлены на выставке. Там, среди прочего, был описан ритуал жертвоприношения быка в конце XIX века, и попытка его восстановления летом 1992 года. Первоначально в плане было найти параллели народному творчеству в лиро-эпических песнях мордовского фольклора, как это было сделано на выставке "Этнокультура финно-угров". Но эту идею пришлось отложить на будущее по причине отсутствия хороших поэтических переводов на эстонский язык. Для претворения в жизнь этой

идеи представляет теперь отличную возможность антология "The Great Bear" (10), изданная Финским Литературным Обществом (*Suomalaisen Kirjallisuuden Seura*).

С той же целью - познакомить посетителей эстонских музеев с внутренними различиями родственных народов - мы, вместе с Артом Леэте, подготовили в 1995 году выставку "Предметы саамов в фондах Эстонского национального музея", которая проходила с 18 мая по 4 июня в Таллиннском историческом музее. У саамов, проживающих в различных регионах, как и у волго-камских финно-угров, явно выражены различия в языке и культуре. Всего различных саамских этнических групп насчитывается около дюжины (вместе с исчезнувшими). Эстонский национальный музей представил на выставке предметы, принадлежащие следующим группам - северные саами, инарские саами, кильдинские, терские, бабинские и южные саами.

Знакомство с волго-камскими финно-угорскими народами было продолжено в конце 1995 года, когда в Выставочном доме Эстонского национального музея была организована выставка "Марийское народное искусство" (соавтор Эдгар Саар). Так как для проведения выставки была предоставлена небольшая площадь, пришлось ограничиться показом культурного своеобразия трех основных этнических групп марийцев – горных, луговых и восточных. Фотографии Тии Пеэдумяе позволяли посетителям выставки убедиться в том, что природные верования и обряды у восточных марийцев сохранились по сегодняшний день. В то же время, в национальном комплекте одежды горных марийцев к концу XIX века льняная и пеньковая ткань была заменена на фабричный ситец. Причиной большого голода в 1920-1921 гг. горные марийцы посчитали то, что вместо домотканых тканей стали носить фабричные, и попытались уничтожить эту одежду; позже перешли на ставшую привычной бесспорно этноспецифическую одежду (виртуальная версия выставки в интернете: http://www.erm.ee/naitus/ marid/index.html).

Чтобы объяснить историческое появление как мордовских субэтносов, так и марийских этнических групп, недостаточно обзора ни сегодняшней ситуации, ни истории последнего века, а следует принять во внимание, насколько это позволяют материалы источников, историю всего последнего тысячелетия. В народном искусстве есть элементы, которые сохраняются в неизменном виде на протяжении тысячелетий, например, некоторые мотивы орнаментов и мордовские украшения. Марийские подлинные украшения не сохранились, так как с XVII века марийцам было запрещено заниматься кузнечными, в том числе и ювелирными, работами.

Благодаря современным исследователям - немецкому историку Андреасу Каппелеру (11), финскому демографу Сеппо Лаллуке (12) и другим -

финно-угорские народы Волго-Камского региона потеряли в научной среде статус окраинных народов. Возрождающаяся через трудности политическая жизнь позволит в ближайшее время вывести эти народы и с политической окраины. Для этого народы должны сами своими силами определить и начать строить свою историю. Для познания и понимания этого ценной поддержкой могут послужить оригинальные предметы из коллекции Эстонского национального музея, которые можно использовать в качестве символов истории расселения и картины мира этих народов при работе в исследовательском направлении от этнической истории к предмету.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Заварюхин Н.* Очерки по истории Мордовского края периода феодализма. Саранск: Издательство Мордовского университета, 1993.

2. *Taagepera, Rein.* The Finno-Ugric Republics in Russia. London. (In print.), 1997.

3. *Itkonen, Toivo Immanuel.* Suomensukuiset kansat. Helsinki, 1921.

4. Suomen suku I-III. Toimittanut A. Kannisto, E. Setälä, U.T. Sirelius, ja Y. Wichmann. Helsinki, 1926-1934.

5. *Manninen, Ilmari.* Soome sugu rahvaste etnograafia. Tartu. 1929.

6. *Vilkuna, Janne.* Esinetutkimus: esinekeskeisestä ilmiökeskeiseen. Esemeuurimus: esemekesksest nähtusekeskseks / Suomen ja Viron kansantieteen ajankohtaisia kysymyksiä. Analecta ethnologica 1. Jyväskylän yliopiston etnologian laitoksen julkaisuja. Jyväskylä, 1992.

7. *Pärdi, Heiki.* Muuseum – kultuurinahtus ja kultuuriuurimise allikas. (Рукопись диссертации на соискание ученой степени магистра по музееведению). Tartu Ülikool. 1996.

8. *Sarv, Heno.* Soome-ugri rahvusautonoomiad Venemaal. Akadeemia 4, 1994.

9. *Sarv, Heno.* Mordva rahvakunst Eesti Rahva Muuseumis. Muuseum 2, 1996.

10. *The Great Bear. A Thematic Anthology of Oral Poetry in the Finno-Ugrian Languages.* Finnish Literature Society Editions 533. Pieksamäki. 1993.

11. *Kappeler Andreas.* Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Böhlau Verlag. Köln. Wien. 1982.

12. *Lallukka, Seppo.* The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends / Suomalaisen Tiedeakatemian Toimituksia B252. Helsinki, 1990.

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Илдико Лехтинен
Хельсинки

НАУЧНЫЕ КУРСЫ ФИНСКОГО ЯЗЫКА И ЭТНОГРАФИИ

В Национальном музее Финляндии изучение финно-угорских народов традиционно. Интерес к материальной и духовной культуре родственных финнам народов появился одновременно с изучением истории финского народа. Но в начале века Национальный музей Финляндии и Финно-угорское общество старались поддерживать деятельность финноязычных собирателей. Так, в 1927 году в Хельсинки заведующий Марийским музем Т. Евсевьев познакомился с организацией Национального музея Финляндии и также с принципами полевой работы с помощью профессора этнографии У.Т. Сирелиуса.

Музейное Ведомство Финляндии представляет научное исследование так называемых музейных наук, в том числе в области этнографии и музейного дела. Ведомство наладило связи с Марийским научно-исследовательским институтом и с Марийским национальным музеем в 1981 году. С 1990 по 1994 годы Ведомство принимало ежегодно научного сотрудника музея или научно-исследовательского института из разных финно-угорских республик на 20 дней.

В Финляндии имеется многолетний опыт музееведения на уровне художественного оформления выставок, хранения в особых хранилищах экспонатов и научной работы. В Ведомстве возникала идея расширить проект сотрудничества и решили организовать научные курсы для директоров национальных музеев и этнографов финно-угорских республик и автономных округов с целью ознакомления с опытом работы Ведомства и музея.

Курсы были организованы в рамках "*Программы действий по поддержке родственных финнам народов России и их культур*". Курсы планировались на три года.

Целью курсов было две задачи:

- ознакомление с Национальным музеем Финляндии и его деятельностью;

- участие в начальном курсе финского языка.

На курсы выбирали всего 10 участников, которые представляли Коми национальный музей, Национальный музей Удмуртии, Марийский научно-исследовательский институт, Мордовский республиканский музей изобразительных искусств имени С.Д. Эрьзи, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий окружной музеи, Музей археологии и этнографии УНЦ РАН, Олонецкий национальный музей и Вепсский этнографический музей.

В течение этого периода лектор финского языка Паула Кокконен преподавала финский язык и участники получили свидетельство на третий год проведения курсов.

В 1995 году участники познакомились с выставками Национального музея и его деятельностью в форме докладов, прочитанных разными специалистами музея, в том числе главным директором Ведомства и директором Национального музея. Ознакомление с хранилищем музейных предметов в городе Ориматтила также включили в программу. Этнографическим аспектам был посвящен доклад профессора финно-угорской этнографии, а также выступление председателя Финского этнографического общества.

3-5 июня 1996 года в Национальном музее Коми республики был организован международный семинар "*Проблемы взаимодействия и сотрудничества библиотек и музеев финно-угорских регионов Российской Федерации, Эстонии и Финляндии*", в котором представителями финских музеев были главный директор Музейного Ведомства Хенрик Лилиус и старший научный сотрудник Илдико Лехтинен. Осенью 1996 года Ведомство реализовало курсы с целью познакомиться с выставочными работами этнографического отдела. У участников была возможность принять участие и в научном семинаре, организованном Хельсинкским университетом, Финно-угорским обществом и Обществом М.А. Кастрена "*Языки малых народов в многокультурном мире*".

В августе 1997 года курсы проводились в Хельсинки. Научные курсы проходили в Музейном Ведомстве, которому принадлежат Национальный музей Финляндии и другие музеи различных статусов и в различных местах Финляндии. Участникам показали наши специальные музеи, а именно: Дом-музей Урхо Кекконена, музей под открытым небом на острове Сеурасаари и Морской музей в Хельсинки, хутор-музей им. Люютиккелье в Средней Финляндии.

По программе курсов решили издать справочник о финно-угорских музеях России на английском и финском языках. Вторым издательским проектом является публикация в научном журнале "Финно-угроведение" особого музейного номера о финно-угорских коллекциях. В будущем планируется создать словарь музейных терминов на финно-угорских языках.

Приложение

Научные курсы финского языка и этнографии с 16 по 31 августа 1995 года в г. Хельсинки

17.8. четверг	
10.00-13.30	Курсы финского языка.
18.8. пятница	
9.00-12.30	Курсы финского языка.
19.8. суббота	
8.00	Осмотр городов Хельсинки и Эспоо.
13.00	Осмотр галереи Сугнэуса.
20.8. воскресенье	
11.00	Музей под открытом небом, Сэурасаари.
21.8. понедельник	
9.00-12.30	Курсы финского языка.
14.00-16.00	Образование и изучение ураловедения в Финляндии.
22.8. вторник	
9.00-12.30	Курсы финского языка.
14.00	Осмотр библиотеки Музейного Ведомства.
23.8. среда	
9.00-12.30	Курсы финского языка.
14.00	Осмотр библиотеки Общества финской литературы.

Научные курсы этнографии и музеологии в Национальном музее Финляндии

24.8. четверг	
9.00-9.45	Задачи и законная деятельность Музейного Ведомства, *главный директор.*
10.00-10.45	История Национального музея Финляндии и планы на будущее, *директор.*
11.00-11.45	Возникновение коллекций Национального музея Финляндии.
13.00-13,45	Этнографический архив.
13.45-15.00	Одежда в Финляндии: содержание, подготовка и техническое оформление выставки.
15.00-15.45	Деятельность с обучением и службой общественной информации.
25.8. пятница	
9.00-9.45	Этнография в Финляндии.
10.00-10.45	Этнографическое изучение рабочих.
11.00-11.45	Финские музеи при Национальном музее Финляндии.
13.00-13.45	Охрана культурного наследия.
14.00-16.00	Осмотр Городского музея.
28.8. понедельник	
8.00	Отъезд в главное хранилище Национального музея, находящееся в городе Ориматтила.
14.30-15.30	Музей стекла в городе Риихимяки.
15.30-16.00	Музей охоты в городе Риихимяки.
17.00	Приезд в Хельсинки.
29.8. вторник	
9.00-10.00	Археологический отдел.
10.00-12.00	Археологическая выставка.
14.00-16.00	Дом-музей художника Аксели Галлен-Каллела.
30.8 .среда	
9.00-11.00	Реставрационная лаборатория.

12.30-14.00	Фотоархив.
14.00-14.45	Финноугорские коллекции в Национальном музее Финляндии.
15.00-16.30	Краеведческое общество.

Научные курсы финского языка и этнографии с 14 по 21 октября 1996 года
Программа

15.10. вторник	
10.00-11.00	Музейное Ведомство.
11.00-13.00	Национальный Музей Финляндии.
14.00-17.00	Курсы финского языка.
16.10. среда	
9.00-16.00	Курсы финского языка.
17.10. четверг	
8.00-16.0	Осмотр крепости. Этнографическая выставка Национального музея Финляндии в городе *Хэмеенлинна.*
18.10. пятница	
8.00-11.00	Курсы финского языка.
11.00-12.0	Кафедра финно-угорской этнографии.
15.00-17.00	*Финно-угроведение в будущем.* Семинар Университета Хельсинки
19.10. суббота	
10.00-16.00	*Языки малых народов в многокультурном мире.* Семинар.
19.00	*Медвежий праздник.* Выступление хантыйской группы.
20.10. воскресенье	
10.30-15.00	*Языки малых народов в многокультурном мире*. Семинар.

Научные курсы финского языка и этнографии с 25 августа по 3 сентября 1997 года
Программа

26.8. вторник	
9.15-13.00	Курсы финского языка.
13.00-15.00	Дом-музей Урхо Кекконена.
15.15-17.00	Музей под открытым небом.
27.8. среда	
9.00-14.00	Курсы финского языка.
15.00-16.00	Показ этнографических фильмов “Традиционная жизнь в деревне”.
17.00	“Сохранение культурного наследства”, круглый стол.
28.8. четверг	
8.00-19.00	Отъезд в хутор-музей им. Люютиккелъе.
29.8. пятница	
9.00-12.00	Ассоциация музеев Финляндии.
14.00-15.30	Курсы финского языка.
31.8. воскресенье	
10.10	Отъезд с рыночной площади на пароме на остров Суоменлинна.
10.25-11.45	Осмотр крепости Суоменлинна.
1.9 понедельник	
9.00-13.00	Курсы финского языка.
13.00-16,00	Музейное Ведомство. Проект издания “Финно-угорские коллекции в музеях России”.
2.9 вторник	
9.00-11.00	Курсы финского языка.
11.00-15.00	Морской музей.

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

ПЕРСОНАЛИИ

Кузьма Куликов
Ижевск

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ТАРАКАНОВ – ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

Когда человек совершает жизненный подвиг или достигает неординарных высот, невольно начинаешь интересоваться его корнями. Откуда все взялось?

Зная его корни, прошлое и настоящее, недюжинные способности к творческому труду, неукротимую волю к достижению цели, могу однозначно делать вывод о том, что Иван Васильевич Тараканов из особой породы людей.

Иван Васильевич Тараканов, один из тех, кто привлекает к себе повышенное внимание. Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, - не каждому дается такая высокая оценка. Родился он 2 июля 1928 г. в большом удмуртском селе Покровский Урустамак (Урсы), расположенном на самом юге Бавлинского района Татарстана. Деревня находится на границе четырех административных территорий: Татарстана, Башкорто-

стана, Самарской и Оренбургской областей. Ей уже более 300 лет. Она создавалась по призыву русского царя как своеобразный форпост на окраине России на Восток одновременно со строительством таких крепостей, как Бугульма и Бугуруслан, Белебей, Оренбург и Черемшанск. В отличие от других народов удмуртские казаки не захотели селиться в городе, проявив таким образом особый характер земледельцев. Но постоять за себя от набегов охочих до чужого добра или охотников за женщинами пришельцев-степняков или даже соседских племен они могли.

Очевидно, лесные люди были очарованы богатством и красотой природы этого необжитого края, границы двух природно-климатических зон: лесостепной и степной. Поселились они невдалеке от быстроходной речки Ик, рядом с вековой дубравой, под высокой трехглавой горой, среднюю из которых назвали Айкай. На вершине этой горы проводили все праздники и гуляния с песнопениями, хороводами. Каждый житель деревни сохраняет в своей памяти эту гору как место, где он впервые ощутил сердцебиение от внезапно вспыхнувшей любви.

Деревня до сих пор сохраняет прежнюю планировку и древний ландшафт. Серебристые ивы в три-четыре обхвата могучими исполинами стоят вдоль говорливой речки Урсы, к которой притулилась сама деревня со своей двухрядной улицей. Шумит, качается, переливаясь серебристо-зеленым цветом под знойным солнцем эта ивовая громада, заслоняя деревню от злых степных ветров и полуденного знойного солнца. В густых тенистых кронах ее соловьи поют даже днем.

Едешь по степи или угористым перевалам и нередко до слуха доносится пронзительный свист. Оглянувшись, замечаешь пушистый столбушек. Рядом с ним еще несколько маленьких комочков - семья сусликов вышла греться на солнце. Мать, заметив путников, подала сигнал тревоги, засуетилась, побегала около норки. Семейка вмиг скрылась в своем подземном лабиринте. А в те далекие времена, когда переселились сюда удмуртские казаки, в степях, где лежал нетронутый плугом полуметровый чернозем и было буйство трав, водились многочисленные звери и животные и даже тарпаны - дикие лошади. Их табуны проносились мимо деревни, поднимая пыльные облака, на одних наводя ужас, а у других вызывая трепетное восхищение.

Поселились здесь в основном воршудные группы южных удмуртов: Можга, Порга, Кибья, Читырь. Большинство было представлено Кибьинским родом - основная часть деревни и ныне называется Кибьяпал. Вокруг Покровского Урустамака поселились и другие общины. Так родились Потап Тумбарла, Удмурт Ташлы, Пыкет, Купченей. Сам Урустамак дал жизнь новым деревням: Ваёшур, Ямаш, Мекей поселка. За несколько столетий совместной жизни создалась особая общность со своими нрава-

ми, обычаями и даже диалектом. Близость к тюркам-степнякам наложила отпечаток не только на внешность, но и характер бавлинских удмуртов. Они не робкие, настойчивые в достижении своих целей, крепко стоят на земле и гордо несут по ней свое существо.

Нигде я не видел столь гордых женщин. Идет она по улице, высоко подняв красивую голову, и это вовсе не женщина, а царица-лебедь плывет по земле с полным осознанием своего достоинства и вселенского предназначения - рожать истинных мужчин и женщин - хранителей и продолжателей древнейшего человеческого рода. Дыхание спирает и язык немеет от этого видения. А как они поют! Самой популярной песней является Айкай - песня-сказ, поражающая своей эпической многовариантностью и повторяемостью, многоцветьем и многозвучьем. Не случайно наш популярный ансамбль принял такое звучно-мелодичное имя "Айкай".

Одной из отличительных черт характера мужчин является упорство, порой доходящее до гипертрофированного выражения. Иван Васильевич, например, даже заблудившись в лесу, или заехав на своей машине не туда, куда было надобно, не возвращается назад, а ищет новую дорогу, хотя она его приводит к новым потерям времени и сил. Не меньшим упорством отличался и другой урустамаковец, знаменитый во всем финно-угорском мире Алатырев Василий Иванович. Очевидно, это качество выработалось у этих удмуртских казаков в борьбе за выживание в условиях иноэтнического окружения, когда даже на покосах нередко приходилось применять косу как оружие. Здесь могут рассказать ряд случаев, когда подобные стычки заканчивались трагически для тех, кто поднимал руку на урустамаковцев. Отступление здесь было равносильно не только поражению, но и смерти. Переселенцы наверняка знали, на что шли, что их ждет. И готовились заранее к подобному образу жизни. К тому же их привели сюда солдаты царской армии из удмуртов, прошедшие жестокую жизненную школу на службе, наученные никогда не отступать. Этот принцип передавался из поколения в поколение. Его придерживается и Иван Васильевич. Однажды он попал в переделку: шел домой поздно ночью. Встретили его трое дюжих подростков. Классическое "дай закурить", затем удар чем-то тяжелым по голове. Иван упал, стремительно поднялся и ударил кулаком одного из них. Тот мешком свалился у его ног. Другие налетчики предпочли ретироваться.

Особой статью отличаются здешние всадники. Хотя ездят верхом в основном без седла, сидят на лошади, как влитые. Лошадей любят почище, чем цыгане. Умеют их выхаживать и обучать. С юмором рассказывают, как однажды молодой Иван скакал по деревне совершенно голый. Оказалось, после работы он решил в реке искупать коня. Полностью разделся, завел жеребца в глубь реки, разнуздал, чтобы тот смог напиться. Но

тут жеребец понял, что настал его час: рванулся и поскакал назад. Иван вцепился в поводья, протащился за жеребцом по воде, но как только он вынес его на твердую землю, схватившись за гриву, взмыл птицей и взобрался на ретивого скакуна. Но повернуть его назад, поскольку удила были вынуты, было невозможно. Битых два часа противоборствовали два упрямца. В конце концов жеребец сдался и взмыленный, вернулся к реке, дал себя спокойно помыть, а Ивану - одеться.

Иван, как и многие урустамаковцы, не упускал случая бороться за призы на праздниках "гырон быдтон". Эти праздники здесь являются самыми любимыми. Молодежь и мальчишки скачут верхом, демонстрируют свою удаль в различных видах спорта.

А как они умеют работать! В Бавлинском районе до сих пор ежегодно подводят итоги социалистического соревнования. Колхоз "Колос" ежегодно забирает половину всех призов и главный районный приз. Председателю ежегодно дарят автомашину "Жигули", колхозу - грузовую автомашину - "Камаз", механизаторам – мотоциклы "Урал", дояркам - бытовые машины, ковры. Живут они богато и сытно. В одной только деревне насчитывается около 50 автомобилей "Жигули", несколько десятков мотоциклов, есть трактора. Во дворах по 2-3 коровы, около десятка откормочных свиней, у каждого полон двор птицы. Выращивают рожь, овес, горох, пшеницу, картофель, сахарную свеклу... И дыни.

Колхоз сохраняет прежние принципы социальной защиты. Дети учатся в 10-летней школе, которая выстроена на его средства и ныне обеспечивается всем необходимым. Посредине деревни высится прекрасное здание Дома культуры, есть электрическая мельница, полностью обеспечивающая потребности населения, водопровод, газ. Колхозникам сверх заработанного в 1997 г. выдали по 2 тонны, пенсионерам - по 2 центнера зерна. К инвалидам прикрепляют однодеревенцев и платят им за уход. Особая община, где главным принципом были и остаются взаимоподдержка, взаимопомощь, живет и здравствует даже в тяжелейших условиях кризиса в стране.

Они помнят стародавние столыпинские времена, когда часть людей из их общества отделилась, образовав починки Казбай, Блакйыл, Анданпоселка, Урсыйыл. Но где они теперь? Остались одни воспоминания с предостережением: "Вы сильны только единством и общиной!"

Род Тараканових здесь был самый многочисленный. Основал его Варлаам – отец семерых сыновей: Семена, Петра, Ивана, Моисея, Иуды, Якова, Самсона. Семен имел сыновней (Василия и Федора) и трех дочерей. Петр родил четырех сыновей, Иван - трех, Яков - четырех, Моисей - трех. Иуда - двух, Самсон - двух. Все они основали свои семьи и по традиции больше всего рожали сыновей. Мужское начало в роду всегда было ведущим.

Легенды повествуют о том, что родоначальник Таракановых был коренаст, крепко сбит, обладал стремительной походкой и недюжинной силой. На праздниках "Гырон быдтон" или сабантуй (праздник плуга) никто не мог сравниться с ним в единоборстве: всех клал на лопатки. За плодовитость, сноровистость и стремительность его назвали Тараканом. Не обиделся, прозвище сделал фамилией.

Отец Ивана Васильевича - Василий Семенович родился в 1887 г. и был достойным продолжателем рода своего отца. Невысок, кряжист как березовый пень, сноровист во всем. Своими руками построил немало домов. Во время столыпинской реформы попробовал отделиться от общины, на речке Урсы построил плотину и мельницу, но предпринимателем не стал. Непреходящим увлечением его был крезь. Более сотни музыкальных струнных инструментов он сотворил своими руками, последний инструмент - когда ему было уже 90 лет. Даже, будучи на царской службе во Владивостоке, он умудрился сделать этот старинный музыкальный инструмент. Крезь помогал ему преодолевать тяготы царской службы, доносил своими звуками тепло домашнего очага и мелодии небесной росы с горы Айкай. Крезь был его божеством и пламенной страстью... "Выйдем, бывало, на улицу, сядем рядком все двадцать крезьчи, ударим враз по струнам - улица раздвигалась вширь", - рассказывал он мне о давних и дивных временах своей молодости. Иван унаследовал музыкальный слух отца, виртуозно играет на струнных инструментах, любит русскую балалайку. Любовь к песням и песенницам определила его судьбу. Из братьев и сестер, как мне кажется, в наибольшей степени качества отца унаследовал именно Иван Васильевич.

Помню свое ошеломление, в которое поверг меня ровно 11 лет тому назад Василий Семенович. Мы с Иваном Васильевичем приехали в Урустамак к 90-летию со дня рождения его отца. Старик спокойно выпил с нами 200 граммов водки, заметно повеселел, щеки порозовели. Я предполагал, что он уляжется спать. Мы вышли с Иваном во двор, сидим на скамейке беседуем. И вдруг в дверном проеме крыльца появляется кряжистый богатырь, поднятыми до плеч руками упирается о косяки и начинает петь про Фараона - гонителя иудеев.

Перед нами стоял Великий Понтифик - Верховный жрец!

Прожил Василий Семенович Тараканов внук Варлаама 100 лет. Его сестра дожила до 96. Особая порода.

У четы Таракановых было пятеро детей, но воспитали они 11. Умер брат матери. От него осталось двое малолетних дочерей. Через некоторое время сестра матери оставила сиротами своих четырех тоже малолетних детей. Все они были приняты в семью Таракановых. Надо ли говорить, какую школу взаимоподдержки, участия в судьбе других людей получил

при этом Иван Васильевич Тараканов. И сегодня мы можем нередко услышать от людей даже не близких в родственном и служебном отношении к нему, какое деятельное участие принял Иван Васильевич в их судьбе, как он готов прийти к людям на помощь в любое время. Иван Васильевич помогал своим землякам поступать в Удмуртский и Глазовский пединституты, затем в Удмуртский университет. Притом давал им приют в собственном доме, кормил их. Десятки молодых людей прошли через его квартиру, выпестованные четой Тараканових, словно птенцы из гнезда, разлетелись по миру. И разве можно без удивления и восхищения смотреть на терпеливую и многомудрую хозяйку этого дома Люцию Васильевну!?

Блестящим примером для Ивана Васильевича был и его старший брат Петр 1918 г. рождения, человек также незаурядный по силе, смелости и сноровистости. В неполных 16 лет, обманув официальные власти (документы о рождении сгорели при пожаре), Петр получил другие, прибавив себе 2 года, и завербовался на шахты Донбасса. Проработав 2 года, вернулся, выучился на тракториста и заработал гору зерна. В 1938 году его призвали в армию, служил артиллеристом. На Днепре попал в окружение. Плен, Польша, Германия. Побег, концлагерь, где ему молотком отшибли пятки, после чего Петр ползал на коленях около трех месяцев. Но едва вылечился, снова побег, - теперь двинулся в сторону Франции, вступил во французское сопротивление и был даже в личной охране Де Голля. Все это кажется фантастикой, но это реальность, подтвержденная документами и наградами. Об этом я писал в своей книге "Версты мужества".

Покровский Урустамак - это своеобразный культурный центр, играющий немалую просветительную роль не только среди бавлинских удмуртов, но и всего нашего народа. Здесь учительствовал малоизвестный в удмуртском мире просветитель Кирилл Алпутов. Все пять его детей стали учителями, построили школы в окрестных удмуртских деревнях в основном на свои деньги. Есть легенда о том, что Алпутов является первым автором букваря на удмуртском языке. Здесь работал Михаил Можгин, автор первой удмуртской поэмы-баллады "Беглой", опубликованной в 1910 году. Отсюда вышел в науку Василий Иванович Алатырев, создавший первый этимологический словарь удмуртского языка. Покровский Урустамак воспитал самого лирического поэта и прозаика Евгения Самсонова - друга и соратника Ивана Тараканова. Все это окружение влияло не только на воспитание Ивана Васильевича, но и будоражило его здоровое честолюбие.

Но классическую среднюю школу окончить ему не пришлось. После 8 класса, как одного из лучших учеников, его рекомендовали на учительскую работу в начальных классах. Далее он учился в Бугульминском педагогическом училище. Друг Е. Самсонов, окончивший на отлично Потап-

Тумбарлинскую среднюю школу, поехал в Удмуртский пединститут. Иван не мог позволить себе это, т. к. ввиду отсутствия преподавателя не обучался иностранному языку. И вот неожиданно на октябрьских праздниках от Евгения Самсонова пришла телеграмма, которая может ошеломить даже видавшего виды человека: "Приезжай в Ижевск. Ты принят на первый курс пединститута". Урустамак воспитывал и самоуверенных авантюристов, но подобного до сих пор в нем не встречалось. Оказывается, в Пединституте только что открылось новое удмуртское отделение и, вместо 25 положенных, сумели набрать всего 13 студентов. Иван Тараканов приехал после октябрьских праздников и стал четырнадцатым. Через полгода он догнал однокурсников.

Со студенчеством наступала пора зрелости. Характер Ивана не позволял жить по чужому сценарию, он стремился написать свой с чистого листа. Очевидно, это качество привлекло к нему сокурсницу Люцию, красавицу и певунью. Именно эти качества привязали Ивана к девушке. Он заметил у нее уникальный дар прекрасного голоса в сочетании со способностью переживать песню. К тому же в ней была естественная органическая народность, одинаково блестяще проявляющаяся как при исполнении удмуртских, так и русских песен. Они связали свою судьбу, и эти узы, хотя с годами претерпели жесточайшие испытания, крепли и закалялись.

После окончания института чета Таракановых поехала на родину Ивана. Оба преподавали в Бавлинской средней школе. Но через год пришло письмо директора Удмуртского института истории, языка и литературы Агафона Николаевича Вахрушева с приглашением на работу. Две недели бился молодой педагог со своим начальством, пытаясь уволиться с работы, но добился своего. Отпустили.

После нескольких минут разговора заведующий сектором языка УдНИИ Перевозчиков Петр Николаевич посадил Ивана за стол и сказал: "Переведи на удмуртский язык один из разделов русско-удмуртского словаря". Иван справился с задачей, которая для обычных сотрудников давалась на полгода, всего лишь за месяц. В 1956 г. словарь вышел из печати. Это пока единственный русско-удмуртский словарь. Через некоторое время молодой сотрудник института был включен в состав коллектива, работавшего над созданием научной грамматики удмуртского языка, которая вышла в свет в 1962 г. Четыре раздела ее - "местоимения", "модальные слова", "дополнения", "неполные предложения" - написаны И.В. Таракановым. Далее он приступил к разработке орфографических правил и орфографического словаря.

Хотя работа шла успешно, он чувствовал, что теоретической подготовки пока мало. В 1955 году решил поступить в аспирантуру. Заведующий сектором П.Н. Перевозчиков не хотел лишаться способного и плодо-

творного сотрудника. "Молод еще!" - ворчал он по-стариковски, скрывая истинные причины несогласия. Ивану снова пришлось проявить свой таракановский характер. Он уехал к всемирно известному лингвисту академику Паулю Аристэ. Сам же выбрал тему диссертации: "Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка".

Тартуский период жизни был золотым. Перед молодым ученым были раскрыты богатейшие фонды академической библиотеки. Оказалось, что здесь собраны все удмуртские издания с 1917 по 1945 годы. Тихий, скромный, маленький университетский городок для Ивана Васильевича стал своеобразной Меккой и центром притяжения. Он запоем читал ту удмуртскую литературу, о которой совершенно не знала студенческая молодежь Ижевска: произведения К.Герда, А.Оки, К.Митрея, М. Коновалова, М. Тимашева и других репрессированных удмуртских литераторов.

Уровень подготовки молодых ученых в Тарту был невероятно высоким. Аспирантам давалась возможность надолго выезжать в другие научные центры для сбора диссертационного материала. Иван Васильевич изучил фонды Архива Географического общества (Ленинград), работал в библиотеках им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) и им. Ленина (Москва). Все это помогло ему подготовить свой труд, который через год после окончания аспирантуры был защищен.

Но когда он возвратился в Ижевск, оказалось, что в УдНИИ места нет. К счастью, появилась вакансия в Педагогическом институте. Глафира Николаевна Никольская - известная удмуртская ученая-педагог была приглашена работать в Москву. И с тех пор, на протяжении 38 лет, Иван Васильевич преподает здесь. Из его учеников уже выросли два доктора наук, два профессора, 15 кандидатов наук. Сам Иван Васильевич разработал одну из важнейших проблем исторической лингвистики "Тюрко-удмуртские взаимосвязи", которая стала его докторской диссертацией. Это его открытие. В разработке проблемы большую помощь оказало то, что он блестяще знает татарский язык. В изучении проблем исторической лингвистики помогало и знание эстонского языка. Иван Васильевич относится к новому поколению удмуртских ученых, которые уже разрабатывали свои научные темы на основе знания многих языков.

Пройден долгий плодотворный путь. Издано 7 монографий, 142 названия научных работ, разработан в соавторстве и издан в 1975 г. учебник удмуртского языка. Второе издание его осуществлено в 1992 г. До него в удмуртском языкознании не было раздела лексикологии. Проведена огромная научно-организационная работа. Когда Иван Васильевич Тараканов пришел в УГПИ, там работало всего три языковеда: Апполинария Александровна Поздеева, Апполинария Ивановна Малых, Ева Ивановна Никитина. В 1959 г. пришел Даниил Александрович Яшин. С 1967 г. Иван

Васильевич стал заведовать кафедрой удмуртского языка и литературы, которая по сути выполняла роль факультета удмуртского отделения.

При организации университета на базе УГПИ в 1972 г. был создан факультет, который принимал на дневное отделение 50 чел., на заочное - 25. Этот факультет фактически вырос на плечах И.В.Тараканова. Он подобрал кадры на обе кафедры: языка и литературы.

В 1970 - 1972 гг. пришли Валей Кельмакович Кельмаков и Серафим Васильевич Соколов, тоже воспитанники Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Далее - Геннадий Афанасьевич Ушаков, Роза Ивановна Яшина, Александр Григорьевич Шкляев. В 1987 г. на факультете работало уже 12 преподавателей с научными степенями. Долгое время не удавалось защититься Серафиму Соколову. Его научный руководитель, по сути дела, совсем отстранился от своего аспиранта. И тут Иван Васильевич, несмотря на то, что этот руководитель был его земляком, настоял на том, чтобы отстранить его и назначить нового руководителя - Василия Ильича Лыткина. С.В. Соколов вскоре вышел на защиту. Все это создало возможность открыть две кафедры: удмуртского и финно-угорского языкознания и кафедру удмуртской литературы и литературы народов СССР. Первой кафедрой стал заведовать известный литературовед Александр Григорьевич Шкляев, другой – Иван Васильевич Тараканов. Позднее он оставил ее Валею Кельмаковичу Кельмакову.

За годы работы в университете Иван Васильевич обновил все учебные программы, составил учебные планы, которые получали одобрение в Институте языкознания (Москва). В настоящее время по этим планам идет обучение языкам в Сыктывкаре, Йошкар-Оле и Ижевске. Именно благодаря этой деятельности, преподавание языков в университете было поднято на европейский уровень. Студенты ныне получают столько знаний, сколько их не давали раньше в аспирантуре.

Ивану Васильевичу удалось в 1992 году впервые в истории УдГУ открыть Совет по защите диссертаций. Он имеет свою аспирантуру, в которой готовятся не только удмурты, но и коми-пермяки. Кроме того, он является членом Совета по защите докторских диссертаций Марийского государственного университета. Как член Ученого совета оппонировал докторские и кандидатские диссертации по марийскому, мордовскому и коми языкам. Неоднократно выступал в качестве оппонента при защите диссертаций на Ученом совете Тартуского университета (Эстония).

В свои 70 лет Иван Васильевич Тараканов полон сил, энергии, творческих замыслов. По-прежнему ведет научную работу, готовит учебники для студентов. Находит время поработать на своем огородном участке, где он совсем недавно своими руками выстроил срубный дом, нередко выезжает на охоту и рыбалку. Одним словом, потомок Варлаама верен принципам своих предков. Пожелаем ему всяческих успехов!

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Владимир Рыбалка
Йошкар-Ола

ГАБОРУ БЕРЕЦКИ - 70 ЛЕТ

Известный венгерский ученый-языковед Габор Берецки родился 24 марта 1928 года в Юго-Восточной Венгрии в деревне Бекеш в семье потомственных крестьян. Здесь же он с отличием окончил в 1948 году реформаторскую гимназию. Уже в гимназии интересовался языком и историей родственных финно-угорских народов. В том же году Габор Берецки поступил на кафедру венгеро-румынских языков в Будапештский университет имени Петера Пазманя, но здесь проучился всего один год. В 1949 году его направили с государственной стипендией на учебу в Бухарест, где в 1952 году он получил высшее образование и диплом учителя.

С осени 1952 года Габор Берецки начал работать сотрудником в научно-исследовательском институте языка Венгерской Академии наук. Через год он был направлен в аспирантуру Ленинградского государственного университета на кафедру финно-угорских языков, после окончания которой (1957 г.) он возвратился в научно-исследовательский институт языка ВАН и работал там ассистентом. В 1958 году Габор Берецки в Тарту защитил кандидатскую диссертацию на тему: "Финно-угорские элементы в лексике марийского языка", где в результате сравнительно-исторического исследования лексики марийского языка с учетом опубликованных материалов выявил около 700 марийских слов, имеющих соответствия в различных финно-угорских языках. Впоследствии Г. Берецки опубликовал в различных финно-угорских лингвистических журналах множество этимологических этюдов, написал немало теоретических работ.

С 1959 года Габор Берецки работает старшим преподавателем, затем доцентом кафедры финно-угорских языков Будапештского университета имени Лоранда Этвеша. С 1973 года - заведующий кафедрой. В 1979 году получил звание профессора. В октябре 1987 года защитил докторскую диссертацию на тему: "Основы истории марийского языка". Эта работа вносит значительный вклад в решение проблем исторической лексикологии

марийского языка. С ноября 1986 года по октябрь 1995 года Габор Берецки работал заведующим кафедрой финно-угорских языков в университете Удинэ (Италия). С 1998 года – почетный профессор Будапештского университета имени Лоранда Этвеша.

Габор Берецки известен среди финно-угроведов в первую очередь как исследователь марийского языка. Будучи еще аспирантом, он в качестве своей специальности избрал марийский язык. В 1953 году впервые приехал в Марийскую республику. С тех пор он побывал у марийцев около 10 раз, посетил почти все районы. Собрал богатейший лингвистический и фольклорный материал. Круг его интересов широк. В своих трудах он рассматривает теоретические вопросы фонетики, у него имеются работы морфологического и синтаксического плана. Не остались вне поля его зрения и проблемы марийских диалектов. Но все же самым значительным вкладом являются его исследования в области лексики. Его творческая деятельность, как и у ряда других представителей сравнительно-исторического языкознания, шла по закономерной линии: началась она с этимологических изысканий и постепенно эта дорога привела его к сравнительно-исторической фонетике.

Габор Берецки хорошо владеет марийским языком, преподавал его в Будапештском университете. Написал учебник марийского языка для студентов, куда наряду с устным народным творчеством включил в качестве материала для чтения отрывки из произведений марийских писателей О. Шабдара, М. Казакова, С. Чавайна и др. В его переводе вышли стихи марийских поэтов Н. Мухина, Й. Кырли, Г. Матюковского и В. Колумба, включенные в антологию финно-угорской литературы, изданную в 1974 году в издательстве “Европа”.

Габор Берецки известен не только как языковед, но и как неутомимый собиратель песенного творчества. По инициативе и при поддержке Золтана Кодая Габор Берецки вместе со своим коллегой, музыковедом и этнографом Ласло Викаром с 1958 года начал сбор материала по языку, фольклору, народной музыке в Волго-Камском регионе. Это был очень дружный и работоспособный дуэт энтузиастов-ученых двух профилей. За двадцать один год совместной работы они посетили 350 марийских, мордовских, удмуртских, татарских, башкирских и чувашских деревень. Собранные материалы были опубликованы в трех солидных изданиях - “Черемисские народные песни” (1971 г.), “Чувашские народные песни” (1979 г.), “Вотякские народные песни” (1989 г.). В настоящее время Г. Берецки готовит к изданию четвертый том - “Татарские народные песни”.

Во время экспедиций к народам Поволжья и Урала Ласло Викар записывал народные мелодии, а Габор Берецки фиксировал тексты. Результаты их совместной работы можно охарактеризовать на примере сборни-

ка "Марийские народные песни". В него включено 320 произведений, собранных в 39 населенных пунктах за время экспедиций 1964, 1966, 1968 годов. Сборник является серьезным вкладом в изучение музыки финно-угорских народов. Книга стала достоянием фольклористов, музыковедов и композиторов многих зарубежных стран, так как тексты песен даны в переводе на английский язык. В работе дано довольно обширное предисловие, в котором отражены структурные и другие особенности в построении сборника: этно-территориальные отличия в песенном творчестве мари, степень влияния соседних народов, общенародные построения, ритмические особенности и т.д. Сборник содержит биографические сведения о 55 исполнителях народных песен и подробный научный аппарат, лингвистические комментарии.

В начале 60-х годов Габор Берецки начал переводить на венгерский язык произведения родственных финно-угорских народов (в основном - эстонских и финских). Он один или совместно со своими коллегами перевел до 30 прозаических произведений и 35 сборников поэзии. За высокий уровень переводов неоднократно получал премии.

Многочисленные зарубежные учреждения и организации приняли Габора Берецки в Почетные члены: Хельсинкское Финно-угорское общество, Финское литературное общество, Общество Калевала и Общество Х.Г. Портана в Турку.

С 1990 года Габор Берецки является председателем венгеро-эстонского общества. В 1991 году избран Почетным доктором Тартуского университета, финским правительством награжден орденом Белой Розы.

Габор Берецки - талантливый ученый, обладающий неиссякаемой энергией, неутомимый труженик. Многие научные работники, прошедшие его школу, в настоящее время успешно занимаются проблемами финно-угроведения.

Мы от всей души поздравляем Габора Берецки с 70-летием со дня рождения, желаем ему крепкого здоровья, счастья, долголетия, претворения в жизнь всех его научных замыслов.

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

ВКЛАД И. ЛЕХТИНЕН В ФИННО-УГОРСКУЮ ЭТНОГРАФИЮ

Илдико Лехтинен. 1981, июнь.
Фото Г. И. Соловьевой

Илдико Лехтинен – старший научный сотрудник Главного управления музеев Финляндии, доктор филологических наук, председатель Общества М.А. Кастрена, известный как в Европе, так и в России финно-угровед. Родилась 6 марта 1948 года в Будапеште в семье служащих. В 1966 году окончила женскую гимназию и в 1967 году поступила на филологический факультет Будапештского университета. В 1968 году по семейным обстоятельствам переехала в Финляндию и поступила на филологический факультет Хельсинкского университета на отделение финно-угорской этнографии и финно-угроведения. В 1973 году она закончила обучение в университете, защитив магистерскую работу на тему "Пастушеская система на пастбищах Кискунфеледьхаза". С 1971 года, будучи еще студенткой, Илдико Лехтинен приступила к работе в Национальном музее Финляндии, а после окончания университета в 1975 году продолжила там работать как научный

сотрудник. К 70-м годам нашего столетия Национальным музеем Финляндии и Финно-угорским обществом был накоплен значительный материал в виде коллекций, рукописей, фотографий, рисунков по истории и культуре финно-угорских народов. Богатые источники по этнической культуре финно-угров России в фондах Национального музея относились главным образом к периоду второй половины XIX века – 30-м годам XX столетия. Финно-угорские коллекции музея находились в ведении И. Лехтинен. Исследовательница начинает изучать это наследие, и ее внимание привлекает мещерская коллекция, собранная этнографом А. Хейкелем и языковедом Ю. Лахерма. Уже в начале своей деятельности она пишет обзорные работы по финно-уграм. Ее авторству принадлежит вступительная статья для альбома Иштвана Раца о народном искусстве финно-угорских народов, где нашли отражение экспонаты, хранящиеся в фондах Национального музея (1).

Финно-угорской теме была посвящена и другая работа И. Лехтинен "Женские украшения Центральной России и Западной Сибири", опубликованная в виде монографии в 1979 году. В этой работе рассмотрена эволюция и типология различных видов украшений удмуртов, марийцев, чувашей, мордвы, мещеры, хантов и манси с привлечением музейных материалов и опубликованных работ. Книга богато иллюстрирована фотографиями, рисунками (2). Финно-угры России были представлены и в фотоальбоме "Большая медведица" (Iso karhu), где были опубликованы старинные фотографии из фототеки Национального музея. Составителем этого интересного издания являются И. Лехтинен и Ю. Кукконен. В этом издании были представлены только народы, расселенные в России, так как авторы решили показать малоизвестные богатые фотоматериалы о финно-уграх этого региона, хранящиеся в фототеке музея (3).

Необходимо отметить, что уже в начале исследовательской деятельности диапазон ее научных интересов обширен. В ее работах культура любого финно-угорского этноса рассматривается в сравнении с другими родственными народами. В 1984 году И. Лехтинен и Пирко Сихво опубликовали солидную книгу о финском народном костюме, где проанализирован обширный материал о формах и элементах одежды, украшений, обуви различных территориальных групп этноса (4).

Как отмечает сама исследовательница, в начале научной деятельности у нее бело два направления работы: изучить украшения финно-угорских народов; издать рукописные работы талантливого марийского краеведа Т.Е. Евсевьева, которые хранятся в архивных фондах Финно-угорского общества. Идея публикации научного наследия марийского собирателя-этнографа принадлежала этнографу Нило Валонену, который считал необходимым сделать его работы о различных аспектах традиционной

культуры марийцев достоянием широкой научной известности. При исследовании работ Т.Е. Евсевьева, у Илдико Лехтинен появляется интерес и к культуре марийского народа, в частности, ее заинтересовали украшения и народная одежда. Когда она изучала марийский язык на курсах финского профессора-языковеда Алхо Алхониеми, интерес к культуре народа еще более возрос и возникло желание написать лиценсиатскую работу о марийских украшениях. В 1981 году она завершила вторую магистерскую работу "Терминология украшений в хантыйском языке" и после этого смогла вплотную заняться марийской тематикой. В том же году она впервые вместе с А. Алхониеми посетила Марийскую республику. В последние годы И. Лехтинен стала приезжать в республику в этнографические экспедиции, которые организовывала Финская Академия наук. Эти экспедиции состоялись в 1984, 1987, 1991, 1994-97 годах не только в Республике Марий Эл, но и в других районах проживания марийцев. Последние три экспедиции 1995-98 годов проводились среди восточных марийцев.

После первых этнографических экспедиций к марийцам Илдико Лехтинен опубликовала ряд статей о полевых наблюдениях и культуре этноса (5). Ее научные публикации были посвящены украшениям и народному костюму горных мари, так как первым объектом ее исследования была именно эта этническая группа (6). В этих статьях раскрываются особенности как традиционного, так и современного костюма горных мари, типологическое разнообразие украшений, их составные элементы. Автор рассмотрела функциональное назначение украшений в общем комплексе костюма, а также показала роль их в ритуалах и обрядах, их эстетическое значение. Илдико Лехтинен изучила эволюцию украшений, удачно используя как экспонаты Национального музея Финляндии, так и собственные полевые этнографические материалы, собранные среди горных мари.

В 1985 году осуществляется идея публикации этнографических материалов Т.Е. Евсевьева. И. Лехтинен была составителем этого интересного издания. Две его рукописные работы о традиционном ткачестве и народном костюме марийцев были опубликованы на немецком языке в этой книге (7). Вводная глава книги посвящается марийскому краеведу-собирателю, истории возникновения творческих связей с финскими учеными и Финно-угорским обществом. И. Лехтинен подробно охарактеризовала научно-собирательскую деятельность Т.Е. Евсевьева и дала краткую характеристику его коллекций, собранных во время экспедиций. Она уделила внимание и рукописям Т.Е. Евсевьева на разнообразные темы о традиционной культуре народа. В этой же главе приводятся письма Т.Е. Евсевьева. В конце раздела опубликован список его рукописных трудов, хранящихся в архиве Финно-угорского общества, которые отражают широту интересов собирателя.

Традиционное ткачество и костюм – один из основных элементов народной культуры марийцев, поэтому Т.Е. Евсевьев в своей собирательской деятельности уделял внимание этим важным аспектам культуры. Рукопись о ткачестве в Царевококшайском уезде, опубликованная в данном издании, относится к 1908-1909 годам. В этой работе Т.Е. Евсевьев описал все технологические процессы обработки конопли в волокно, характеризуя способы, орудия и этапы, применявшиеся на различных стадиях производства. Текст сопровождается большим количеством фотографий Т.Е. Евсевьева, иллюстрирующих процесс обработки растений в волокно, а затем в нитки, а также даются снимки простейшего ткацкого стана без заднего навоя. В этой же главе приводятся некоторые сведения о ткачестве восточных марийцев, которые краевед собрал среди этой этногруппы в 1924 году.

Последняя глава книги – рукопись о народном костюме марийцев, а также и их прическах. Рукописей о народном костюме, хранящихся в архиве Финно-угорского общества, несколько, они были написаны Т.Е. Евсевьевым в разное время: 1909, 1911, 1912, 1927, 1928 годах.

Известно, что в конце 20-х годов Т.Е. Евсевьевым было подготовлено и представлено в Общество краеведения для обсуждения и издания несколько работ. Среди них была книга-альбом с фотоиллюстрациями "Марийская одежда и материалы для ее приготовления", она не была издана и не сохранилась ее рукопись. Вероятно, что рукопись об одежде "Марий, марий вургем" 1928 года, хранящаяся в Финляндии, часть исчезнувшей работы. И очень отрадно, что одна из рукописных работ Т.Е. Евсевьева на эту тему через более чем 50 лет была опубликована в этом финском издании. Текст о народном костюме марийцев также сопровождается большим количеством фотографий автора, где наглядно демонстрируются особенности костюма и прически различных этнических групп марийцев.

После выхода этой книги Илдико Лехтинен опубликовала серию статей о марийских украшениях, о социальном значении высоких головных уборов у марийцев, а также и другие работы (8).

Именно И. Лехтинен принадлежит первенство в пропагандировании информации о традиционной и современной культуре марийского народа в различных научно-популярных и научных изданиях Финляндии. Например, одной из тем публикации Илдико Лехтинен в журнале (Elias) была марийская национальная кухня, где автор описала традиционные рецепты приготовления сыра, различных молочных, мясных и рыбных блюд (9).

В 90-е годы в Финляндии публикуется много статей о культуре и положении финно-угорских народов в России различных авторов – ученых, журналистов, творческих работников, побывавших среди этих этносов. У финской публики эти материалы вызвали большой интерес потому, что

информация о них в период с 30-х по 80-е годы была очень скудной и фрагментарной. Только после открытия "железного занавеса" стали возможны поездки финнов на коренные территории финно-угров России. До этого у финно-угорских ученых-этнографов практически не было связей с учеными Финляндии. Илдико Лехтинен одна из ведущих исследователей, развивавших связи между финскими и российскими финно-угроведами в 90-е годы.

Илдико Лехтинен плодотворно работала все эти годы и как музейный работник. Она была автором и соавтором многих выставок, проведенных в Национальном музее и в других музеях Финляндии. Ее авторству принадлежат большие выставки: "Рыболовство финно-угорских народов", "Украшения финно-угорских народов", "Венгерская культура" (10). Илдико Лехтинен также была автором выставок, посвященных финским ученым А. Алквисту и А. Хейкелю.

Исследовательница немало внимания уделяла и финно-угорской историографии. Она опубликовала несколько небольших работ о научной и экспедиционной деятельности известных финских финно-угроведов, исследовавших родственные этносы – А. Алквиста, А.О. Хейкеля, У. Сирелиуса, У. Хольмберга и других (11). Публикации были приурочены к тематическим выставкам или юбилеям.

И. Лехтинен ведет и преподавательскую работу, с 1978 года она читает лекции по этнографии в Хельсинкском университете. Одна из ее учебно-методических работ посвящена полевым экспедициям как введению в финно-угорскую этнологию (12). В 1996 году ей присвоено звание доцента финно-угорской этнографии.

Результатом многолетней деятельности исследовательницы была докторская диссертация "Марийские женские украшения", которую она защитила в феврале 1994 года. Исследование опубликовано отдельной монографией (13). В ней И. Лехтинен раскрыла эволюцию женских марийских украшений в период между 1880-1990 годами; охарактеризовала их как составную часть национального костюма; проанализировала их функциональное назначение; рассмотрела мировоззренческие и эстетические взгляды народа на данный элемент костюма.

Работа состоит из семи разделов: украшения марийцев как предмет исследования; типы украшений; материал украшений; функции украшений; изготовители и носители украшений – марийские женщины; комплексы украшений. В вводной главе монографии автор дает краткий историографический обзор работ об украшениях различных этносов, опубликованных как за рубежом, так и в России. Исследование Илдико Лехтинен базируется на обширной источниковедческой базе: фондовых и архивных материалах Национального музея и Финно-угорского общества Финлян-

дии; этнографических материалах, хранящихся в Музее антропологии и этнографии Российской Академии наук, Российского этнографического музея, Русского музея в Санкт-Петербурге, Национального музея им. Т.Е. Евсевьева в Йошкар-Оле. В качестве источника о марийском народном костюме, о положении женщин в советский период И. Лехтинен использовала публикации из марийских периодических изданий 30-40-х годов, где публиковались сообщения о жизни простых деревенских женщин, о новых явлениях послереволюционной жизни, которые нередко сопровождались фотографиями. Ценным вкладом в исследование о марийских украшениях, дополнением к другим источникам, были собственные этнографические полевые наблюдения автора во время этнографических экспедиций в Марийскую республику и в районы проживания восточных марийцев. Во время этих экспедиций Илдико Лехтинен сделала значительное количество фотоснимков, которыми богато иллюстрирована монография. Во время этих поездок она также собирала коллекцию по современному марийскому костюму, которая обогатила фонды Национального музея.

В исследовании автор на схематических картах указала ареалы распространения типов женских головных уборов, поскольку одним из основных признаков разделения на субэтнические группы у марийцев в прошлом был этот элемент народного женского костюма. Научное исследование характеризуется подробным типологизированием всех видов украшений с выделением многообразия подтипов и вариантов. Распространение типов, подтипов, вариантов головных, накосных, ушных, шейно-ушных, шейных, нагрудных, поясных, чересплечных, наручных украшений показано на картах-схемах с указанием марийского названия, источника, где оно зафиксировано. Наглядное представление об украшениях дают многочисленные фотографии и рисунки.

В разделе о материалах украшений отмечено, что после принятия указа царского правительства в 1691 году о запрете кузнечного и ювелирного ремесла у народов Поволжья основным материалом для украшений становятся серебряные монеты. И. Лехтинен провела анализ наличия монет, встречающихся в женских украшениях мариек, на основе описания музейных экспонатов, с указанием их количества, качества, датировки. Исследовательница рассмотрела и другие материалы, использовавшиеся для ювелирных изделий, такие как раковины каури, бусы, бисер, пуговицы, тесьма, позумент, кисточки и др. Илдико Лехтинен раскрывает многофункциональность украшений, которые использовались не только как этнический, социальный, эстетический элемент костюма, но и исполняли защитно-магическую, продуцирующую, эротическую функции. Исследовательница в монографии подчеркивает сходство марийских украшений с таковыми у соседних народов: мордвы, удмуртов, чуваш, татар и башкир. В

разделе о комплексах украшений она характеризует традиционный и современный их состав у различных субэтнических групп марийцев. В работе уделяется внимание старинным и современным комплексам украшений восточных марийцев. Как отмечается, эта часть марийского этноса в большей степени сохранила в украшениях старинные монеты в отличии от луговых марийцев. Работа завершается заключением, приложениями, списком источников и литературы, реестром населенных мест и резюме на марийском языке. Книга изобилует фотографиями, схемами, таблицами, картами, диаграммами, рисунками. Исследование написано в лучших традициях финской этнографической школы. Диссертационная работа Илдико Лехтинен – ценный вклад в изучение культуры финно-угорских народов.

Илдико Лехтинен продолжает активно работать, она проводит свои этнографические экспедиции. Так, в 1995-98 годах она работала среди восточных марийцев. В ее планах издание, на основе материалов Т.Е. Евсевьева и своих полевых материалов, монографии о марийском традиционном жилище. Илдико Лехтинен в настоящий период занимается женскими проблемами и выясняет роль финно-угорских женщин в сохранении традиционной культуры своих народов.

Илдико Лехтинен вот уже несколько лет возглавляет Общество М.А. Кастрена, целью которого является установление и укрепление контактов между финнами и народами России, говорящими на уральских языках. Общество проводит большую работу по пропаганде культуры этих народов в Финляндии и оказывает поддержку в развитии их национальных культур и родных языков. Огромную работу в этом плане проводит председатель этого общества Илдико Лехтинен, которая хорошо информирована об особенностях культуры финно-угорских народов России.

Под руководством Илдико Лехтинен ежегодно в октябре в Финляндии проводятся дни родственных народов. Это мероприятие стало одним из важных дел Общества М.А. Кастрена.

Несколько лет в рамках "Программы поддержки финно-угорских народов России" И. Лехтинен возглавляет научные курсы финского языка и этнографии, где принимают участие директора и научные сотрудники музеев из финно-угорских регионов России. Результатом этих курсов будет издание справочника о финно-угорских музеях России на английском и финском языках.

Марийский научно-исследовательский институт им. В.М. Васильева, Научный центр финно-угроведения, а также вся общественность Республики Марий Эл поздравляют госпожу Илдико Лехтинен со славным юбилеем, сердечно желают творческих успехов во всех делах!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Istvan R.* Finno-Ugric Folk Art. Helsinki. 1977.

2. *Lehtinen I.* Naisten korut Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa. Helsinki. 1979.

3. *Lehtinen I., Kukkonen J.* Iso Karhu. Suomalaisen kirjallisuuden seura. Lahti. 1979.

4. *Lehtinen I., Sihvo P.* Rahwaan puku. Näkökulmia Suomen kansanpukukoelmiin. Helsinki: Forssa. 1984.

5. *Lehtinen I.* Kansatietielijä marien ja tataarien mailla // Kotiseutu. Helsinki. 1982. № 1; Matkakertomus marien mailta. Suomen Museo. 1987.

6. *Lehtinen I.* Muotitietoisen vuorimarinaisen puku // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. № 183. Helsinki. 1983; Some observations on changes in the folk costumes Mountain Mari people in the 1980 s. // Ethnos-toimite 6. Helsinki. 1985.

7. *Lehtinen I.* Timofej Jevsevjevs ethnographische Sammlungen über die Tscheremissen. Museovirasto. Helsinki. 1985.

8. *Lehtinen I.* The Mari woman's jewellery. A developement on the fringe of Central Asian folk dress tradition. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. №194. Helsinki. 1986; The Social Significance of the High Headdress of the Mari // Ethnologia Scandinavica. Lund. 1988.

9. *Lehtinen I.* Marilainen keittio // Elias. Helsinki. 1993. № 3.

10. *Lehtinen I.* Unkarilaiset idän ja lännen Välissä. Museovirasto. Helsinki. 1996.

11. *Lehtinen I.* Obinnugrilaiset Aug. Ahlgvistin silmin. Näyttelyn järjes-täjät. Suomen kansallismuseo ja Kuopion Kulluurihistoriallinen museo. 1989, Museomiehen päiväkirjasta. A.O. Heikelin lehtikirjoituksia. Museovirasto 1989; Suomalais-ugrilaiset kokoelmat Suomen Kansallismuseossa. Museovirasto. 1990.

12. *Lehtinen I.* Field Expeditions as a Source of Finno-Ugrian Ethnology. Studia Fennica Ethnologica. Helsinki. 1992.

13. *Lehtinen I.* Tscheremissischer Schmuck. Ethnographische Untersuchung. Helsinki. 1994.

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Сергей Николаев, Людмила Никонова
Саранск

ЗНАКОМЬТЕСЬ – ЭТНОГРАФЫ МОРДОВИИ
(к 65-летию НИИЯЛИЭ при Правительстве Республики Мордовия)

Культура мордовского народа издавна привлекала внимание ученых и краеведов. Русскими исследователями П.С. Палласом, И.Н. Смирновым, А.А. Шахматовым, В.Н. Майновым, П.И. Мельниковым-Печерским и др., а также первым мордовским ученым М.Е. Евсевьевым был собран и опубликован довольно разнообразный материал, характеризующий многие стороны хозяйственной и культурной деятельности мордвы.

Безусловно, этими фамилиями не ограничивается достаточно широкий круг исследователей, так или иначе касающихся многих отдельных сторон жизнедеятельности этого этноса. Поэтому результаты всех их научных изысканий являются ценными источниками для исследования истории мордовского народа в дооктябрьский период.

После Великой Октябрьской революции начинается новый этап изучения культуры и быта мордовского народа. Успешно продолжил свои исследования М.Е. Евсевьев. В 1931 году была переиздана отдельной книгой его "Мордовская свадьба", а еще раньше, в 1922 году, М.Т. Маркелов опубликовал под редакцией Б.М. Соколова "Саратовский этнографический сборник", содержащий большое число текстов эрзя-мордовского фольклора.

Этнографическое изучение мордвы вели ученые Москвы, Саратова, Пензы, Нижнего Новгорода. В 20-е годы вышли работы А.А. Гераклитова, П.Д. Степанова, Н.И. Спрыгиной, М.Т. Маркелова, С.П. Толстого и др. исследователей.

С созданием Мордовского научно-исследовательского института социалистической культуры этнографические исследования стали вестись согласно его планам. В 1934 году институтом организуется комплексная экспедиция. По специально составленной анкете в 11 мокшанских и эрзян-

ских селениях было обследовано около 1500 семей. При этом фиксировалось состояние крестьянских хозяйств, бытовые, санитарно-гигиенические условия, характер семейных и общественных праздников, характер одежды и т.д.

В более широком плане этнографическое изучение мордовского народа началось с 1953 года. В этом же году институтом этнографии АН СССР и Мордовским научно-исследовательским институтом была организована Мордовская этнографическая экспедиция под руководством доктора исторических наук В.Н. Белицер.

Экспедицией собран богатейший материал о хозяйственной и духовной культуре мордовского народа, исследован антропологический состав современного мордовского, русского и татарского населения Мордовии, прослежены процессы взаимообогащения и взаимовлияния культур.

На базе большого этнографического материала, собранного экспедицией, Мордовский научно-исследовательский институт совместно с Институтом этнографии АН СССР с 1960 года приступил к серийному изданию "Трудов Мордовской этнографической экспедиции".

Первый выпуск посвящен этногенезу и этнической истории мордовского народа, второй открывает исследование М.Ф. Жиганова "Из истории хозяйства мордвы в XIII-XVI вв." Анализ широкого круга археологических, этнографических и письменных источников позволил автору опровергнуть бытовавшее до этого мнение о застойности и консервативности производительных сил у древней мордвы, хозяйство которой якобы вплоть до XV-XVI вв. базировалось на звероловстве и других лесных промыслах. Здесь же рассмотрены работы других авторов А.П. Новицкой и Т.П. Федянович, Е.И. Динес, В.Н. Белицер.

Третий выпуск "Трудов Мордовской этнографической экспедиции" посвящен комплексному изучению народной одежды мордвы, технике ее изготовления, а также украшениям.

В 1968 году Мордовским научно-исследовательским институтом и Государственным музеем этнографии народов СССР издана книга "Мордовское народное изобразительное искусство" (автор Т.А. Крюкова). Книга отличается высоким уровнем полиграфического исполнения. В 1970 году она экспонировалась на международной выставке ЭКСПО-70 в Монреале.

В том же году вышли книги Н.Ф. Мокшина "Религиозные верования мордвы", а чуть позднее "Памятники прикладного искусства мордвы" В.Н. Мартьянова (1970) и "Культура и быт мордовского села" В.А. Балашова (1975).

Для изучения современных этнических процессов в Мордовской АССР Научно-исследовательским институтом совместно с Институтом этногра-

фии АН СССР в 1973-1974 годах проведено этносоциологическое обследование сельского и городского населения по программе, разработанной доктором исторических наук В.В. Пименовым. Обследованием был охвачен 41 сельский населенный пункт во всех районах Мордовии, а также 10 поселений городского типа. Полученные материалы позволили прояснить целый ряд вопросов функционирования и развития этносов и др.

На базе НИИЯЛИЭ летом 1974 года экспедицией под руководством В.Ф. Вавилина во всех сельских районах республики проведено массовое выборочное этносоциологическое обследование современных сельских поселений и жилищ. Современные этноязыковые процессы исследовал Н.С. Шаляев. Опираясь в основном на материалы Мордовской этносоциологической экспедиции и переписей населения, он опубликовал несколько статей о языковых процессах в среде сельского населения Мордовии и о двуязычии мордвы. Материалы экспедиции используются также В.Ф. Разживиным при разработке темы по этнодемографическим процессам (Мордва: Историко-культурные очерки. Саранск, 1995).

В статьях В.Н. Куклина рассматриваются вопросы традиционного ткачества мордвы, домашнего производства и особенности современных промыслов сельского населения Мордовской АССР.

В публикациях Т.П. Федянович, А.С. Лузгина, П.М. Мезина освещаются такие интересные темы, как обряды и праздники, поселения и жилище, национальная одежда, традиционная пища, бытовые условия и культурные запросы как мордовского, так и русского населения.

Целенаправленные этнографические исследования, комплексные экспедиции последних лет позволили сектору археологии и этнографии НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР совместно с учеными Института этнографии АН СССР, Мордовского и Саратовского госуниверситетов подготовить и издать коллективную монографию "МОРДВА: этнографические очерки". Среди ее авторов лауреат Государственной премии ученый финно-угровед, доктор исторических наук, профессор В.И. Козлов, заслуженный деятель науки РСФСР Н.И. Черапкин и др.

Плодом многолетних работ этнографов и других специалистов явилась монографическая работа "Социалистический быт мордовского села", которая вышла в свет в 1986 году. На этот же год падает начало работы над коллективной монографией "Мордва Заволжья", выпуск которой состоялся в 1994 году. В книге рассматриваются вопросы расселения, современная этническая и языковая ситуация, материальная и духовная культура мордовского сельского населения Самарской и Оренбургской областей.

Немаловажной проблемой, над которой работает сегодня сектор археологии и этнографии, является изучение традиционно-бытовой культу-

ры современной мордовской семьи. С этой целью в ряде мордовских сел Мордовии и диаспоры проводились экспедиции (Г.А. Корнишина, С.Л. Николаев, Л.И. Никонова). В результате полевых работ получен первичный материал, отражающий типы населенных пунктов, жилищ, хозяйственных построек, занятий и промыслов, средств передвижения, пищи, одежды, обуви, семьи и семейных отношений, обрядовую и религиозную жизнь, а также традиционные способы сохранения здоровья мордвы, в том числе и народная медицина.

Экспедиционные материалы легли в основу коллективных монографий "Традиционно-бытовая культура современной мордовской сельской семьи", "Мордва Пензенской области", которые в данный момент подготовлены к изданию. Часть этих материалов прошли научную апробацию в "Трудах" института: "Этнические аспекты современных культурно-бытовых процессов в Мордовской АССР" (1987), "Бытовая культура мордвы" (1990), в монографии "Мордва: Историко-культурные очерки (1995) и т.д.

В научной деятельности этнологов Мордовии можно выделить определенную "специализацию" исследований, базирующихся во многом на полевых материалах.

Целенаправленные комплексные этнографические экспедиции позволили этнографам издать монографическую работу "Мордовская народная вышивка" (составитель и автор вступительной части В.Н. Мартьянов). Работа выполнена на значительном материале. Широко использованы коллекции мордовской одежды Государственного музея этнографии народов России, Мордовского республиканского краеведческого музея, нижегородского историко-архитектурного музея-заповедника, частично – Пензенского областного краеведческого музея, музеев Казани, Саратова, Самары, а также собственные полевые материалы автора. На базе этих и иных материалов вышла и другая его работа "Памятники прикладного искусства" (1971).

Известен вклад в изучение мордовского народа историка и этнографа, доктора исторических наук, профессора Николая Федоровича Мокшина. Являясь автором ряда оригинальных книг: "Религиозные верования мордвы" (Саранск, 1968), "Этническая история мордвы" (Саранск. 1977), "Мордовский этнос" (Саранск, 1989), "Мордва глазами зарубежных и российских путешественников" (Саранск, 1993), "Тайны мордовских имен" и многих научных статей и публикаций, Н.Ф. Мокшин наряду с другими источниками широко использует полевые этнографические материалы, собранные им в течение 4-х десятилетий, будучи и сегодня руководителем этнографической практики студентов-историков Мордовского государственного университета. В ряде работ им использован и поле-

вой материал, хранящийся в фондах НИИЯЛИЭ. Труды его находят широкого читателя как среди мордовского, так и других народов, способствуют укреплению и развитию интереса мордовского народа к своей истории, культуре, ономастике.

Немало проездил по Мордовии и смежным с ней республикам и областям Вячеслав Николаевич Куклин – мордовский этнограф и краевед. В 1968 году он защитил кандидатскую диссертацию, в которой подверг исследованию домашние производства и ремесла мордвы по обработке конопли и льна, шерсти и луба, соломы и тростника. В этой работе он исследовал и особенности развития мордовского ремесла в XIX – начале XX вв., дал детальное описание орудий труда и технологии производства, показал экономическое состояние промыслов.

Результатом многолетней поисковой работы Куклина стала также его работа "Биографии саранских улиц", претерпевшая два издания (Саранск, 1983, 1990), где впервые на обширном фактическом материале показано, как в именах саранских улиц отобразились географические, топонимические, экономические, природные, биографические, этнографические, общественно-политические и др. сведения.

Вопросам бытовой культуры мордовского народа была посвящена вся научная деятельность безвременно ушедшего из жизни мордовского этнографа В.А. Балашова. В течение ряда десятилетий именно В.А. Балашов целенаправленно исследовал бытовую культуру мордвы во всем ее многообразии, в исторической динамике, новационные черты в ее составных компонентах, проблемы ее современного функционирования. Итогом этой многолетней деятельности стала книга "Культура и быт мордовского колхозного села", опубликованная в 1975 году.

Продолжая эту деятельность, набирая полевой материал, привлекая самые разнообразные источники, В.А. Балашов в 1992 году в Мордовском книжном издательстве выпустил работу "Бытовая культура мордвы", в которой автор рассматривает процесс функционирования бытовой культуры сельской мордвы, ее традиции и современные черты, социально-экономические и демографические условия, повлиявшие на ее трансформацию. Данная книга – обобщающая работа, в которой на монографическом уровне предпринято исследование традиционных и современных черт бытовой культуры мордовского народа во всем их многообразии и динамике.

В сферу интересов этого прекрасного исследователя и аналитика входила и семья. В книге "Облик современной семьи" (Саранск, 1987), написанной им в соавторстве с социологом Л.И. Савиновым, показаны некоторые изменения в форме и содержании современной городской и сельской семьи Мордовии, приведены полевые данные по межнациональным бракам, полученные в 1973-1974 гг. и т.д.

История любого народа неотделима от истории его взаимоотношений с другими соседями. Поэтому всестороннее изучение каждого народа неизбежно предполагает выяснение как его специфических черт, так и черт общих с другими народами. Именно этой проблеме посвящена научная работа мордовского этнографа Александра Степановича Лузгина. Итогом многолетней деятельности, в том числе экспедиционной, стал его труд "В тесном соседстве" (1987).

В основу написанного в историко-этнографическом плане исследования положены материалы этнографических и этносоциологических экспедиций 1970-1980-х гг. по мордовским и русским селениям, в которых автор принимал участие.

Работа Лузгина представляет новый этап в изучении этой проблемы. На обширном конкретном материале он прослеживает указанные связи в традиционных занятиях мордвы и русских, промыслах, домостроительной технике, одежде, кулинарии, других элементах народного быта. Исследование охватывает период с середины XIX века до настоящего времени. В отдельных разделах книги в силу необходимости выявления генезиса того или иного компонента культуры делаются исторические экскурсы.

На 80-е годы падает начало научной деятельности целого ряда этнографов Республики Мордовия, работающих как в НИИЯЛИЭ, так и в других научных и педагогических организациях. Известным специалистом по этнопедагогике и духовной культуре мордвы, автором многих научных работ в эти годы становится Н.Ф.Беляева, окончившая аспирантуру НИИЯЛИЭ и работающая сегодня педагогом в МГПИ им. М.Е. Евсевьева. В сферу ее интересов также входят вопросы дореволюционного и современного быта мордвы, этнических процессов, национального самосознания и т.д.

Этноархитектурные аспекты мордовского народного зодчества рассмотрены во многих публикациях известного ученого, доктора исторических наук, профессора В.Ф. Вавилина. В них дан детальный анализ основных архитектурно-конструктивных, планировочных, декоративных и композиционных особенностей сельских поселений, крестьянских усадеб, жилых и хозяйственных построек этнических групп мордвы-мокши и эрзи. В работе "Мордовское народное зодчество" (1980) кроме других поднимаются также вопросы творческого использования прогрессивных традиций народного зодчества в современной сельской архитектуре и создание архитектурно-этнографического музея под открытым небом.

В последующей его деятельности разработаны и использованы оригинальные методики анализа факторов и условий современных этнокультурных процессов у мокшанского, эрзянского, русского и татарского сельского населения Мордовской АССР (сельское население, 1989).

Большое место в этих публикациях имели полевые материалы как автора, так и сотрудников НИИЯЛИЭ, хранящиеся в Рукописных фондах библиотеки института.

Основными направлениями научных исследований кандидата исторических наук Г.А. Корнишиной являются проблемы традиционных обрядов мордовского народа – семейных, календарных – как в Мордовии, так и за ее пределами. Особое место в ее научной деятельности занимает диаспора – Заволжье, Пензенская область и т.д. В сферу ее интересов входят также семья, брак, этнодемографические процессы.

С проблемой мордовской диаспоры связана научная деятельность еще целого ряда исследователей-этнографов, в числе которых к.и.н. С.Д. Николаев, к.и.н. Л.И. Никонова, к.и.н. В.Ф. Разживин и др.

Научные труды С.Д. Николаева посвящены структуре и типологии дореволюционной крестьянской семьи, системе родства и свойства мордвы (мокши и эрзи). Он является одним из авторов коллективных монографических работ: "Поволжские финны: Краткий очерк истории и развития мордовского народа" (1991), "Мордва Заволжья" (1994), "Мордва: Историко-культурные очерки" (1995) и т.д.

Известным специалистом по изучению традиционной медицины финно-угорских народов (в том числе и мордвы) стала Л.И. Никонова. Именно с традиционными способами сохранения здоровья этих народов связана вся ее научно-исследовательская деятельность. Итогом этой работы стали монографии "Тайны мордовского целительства" (1995) и "Традиционная медицина финно-угорских народов" (готовится к печати). Пожалуй, впервые этот уникальный материал автором был зафиксирован на аудио- и видео- кассетах. Причем эти записи сделаны практически по всей мордве Поволжья, часть их касается и других народов.

Этнодемографическими проблемами мордвы и динамикой населения Мордовии занимается к.и.н., доцент кафедры отечественной истории и политики МГПИ им. М.Е. Евсевьева В.Ф. Разживин. Он один из авторов и художественных оформителей коллективной монографии "Мордва: Историко-этнографические очерки" (1981), "История Мордовской АССР с древнейших времен до наших дней" (1984), "Мордва: историко-культурные очерки" (1995) и др.

Достаточно интересными являются научные разработки к.и.н. П.М. Мезина. Это касается его деятельности в изучении материальной культуры мордовского народа. Значительная часть его исследований вошли в коллективную монографию "Мордва: Историко-этнографические очерки" (1981), "Социалистический быт мордовского села" (1986), "Мордва: Историко-культурные очерки" (1995). Кроме этого в сферу его интересов входит картографирование и методики массового опроса населения.

Ряды этнографов Мордовии практически постоянно пополняются. В настоящее время можно говорить уже о сложившихся направлениях научной деятельности Е.Н. Мокшиной, в сферу интересов которой входят вопросы этноконфессиональной ситуации в регионе, демографические и другие проблемы, В.Н. Семиной – татарская семья и демографические процессы татарского населения в первой половине XIX века, М.С. Зинкиной – культ предков у мордвы и другие.

Безусловно, вышеизложенное никоим образом не показывает границы интересов и научной деятельности данных этнографов. Их публикации охватывают более широкий спектр вопросов и проблем населения нашего региона. Кроме этого, значительный этнографический материал сосредоточен в публикациях историков, фольклористов, литературоведов и языковедов Республики Мордовия. Можно также отметить, что их работа в сфере науки в значительной степени или формировалась или тесно связана с отделом археологии и этнографии НИИЯЛИЭ, в фондах которого хранится богатейший материал по истории и культуре народов нашей родной Мордовии. Именно на базе этого института, а конкретно отдела археологии и этнографии начал действовать координирующий центр исследовательской деятельности этнографов Республики Мордовия – Мордовское республиканское отделение "Научное общество этнографов и антропологов".

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: П.М. ЗАЙКОВ. Глагольное словоизменение в карельском языке (грамматические категории лица-числа, времени и наклонения): Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Петрозаводск, 1996.

4 апреля 1997 года на заседании диссертационного совета Д 064.44.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.07 – "Финно-угорские и самодийские языки" при Марийском государственном университете состоялась защита докторской диссертации П.М. Зайковым на тему "Глагольное словоизменение в карельском языке" (грамматические категории лица-числа, времени и наклонения). Официальными оппонентами выступили доктора филологических наук, профессора З.М. Дубровина (Санкт-Петербург), Н.И. Исанбаев и Ю.В. Андуганов (Йошкар-Ола).

Исследование П.М. Зайкова посвящено сложной и малоисследованной проблеме карельского языкознания - глагольному словоизменению. Автор ставит перед собой цель анализировать глагольное словоизменение (грамматические категории лица-числа, времени и наклонения) и установить основные тенденции в развитии глагольной парадигмы в диалектах карельского языка. Для достижения ее необходимо было решить следующие задачи: 1) определить инвентарь морфологических формантов в выражении вышеназванных грамматических категорий; 2) дать их характеристику с позиции современного состояния и истории развития; 3) установить иерархию соотношений между исследуемыми грамматическими категориями; 4) охарактеризовать междиалектные сходства и различия в системе глагольного словоизменения карельского языка; 5) выявить основные тенденции развития категорий лица-числа, времени и наклонения в исследуемом языке.

Решение намеченных задач осуществлялось путем анализа фактического лингвистического материала, собранного прежде всего самим автором в полевых условиях. Они представляют собой парадигмы глаголов, записанные от руки (около 3 тысяч парадигм), а также магнитофонные

записи, произведенные от корреспондентов всех диалектов карельского языка. Кроме того, в диссертации использованы различного рода тексты на карельском языке, опубликованные как зарубежными (А. Генецом, Э. Лескиненом, П.В. Виртарантой, П. Пальмеос, Т. Кукк, Я. Ыйспуу), так и отечественными учеными (Г.Н. Макаровым, В.Д. Рягоевым, А.П. Баранцевым, В.П. Федотовой, А.В. Пунжиной). Часть материала почерпнута из опубликованных словарей карельского языка.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней глагольные словоизменительные категории исследованы впервые, они анализируются на материале всех диалектов карельского языка. Решенные в диссертации проблемы можно отнести к ранее неисследованным и малоизвестным.

Теоретической основой диссертации явились труды отечественных и главным образом финских лингвистов как по теории грамматических категорий, так и по проблемам словоизменения.

Диссертация имеет теоретическую и практическую значимость. Системное исследование глагольного словоизменения карельского языка., выполненное П.М. Зайковым, позволяет говорить нам о качественно новом уровне изученности карельского языка. Это дает возможность ввести новые данные в исследование по прибалтийско-финскому и финно-угорскому языкознанию. Практическая значимость диссертации состоит в возможности использовать новые данные при написании грамматики карельского языка, учебных пособий по морфологии, истории и диалектологии карельского языка. Кроме того, результаты исследования чрезвычайно важны для становления норм карельского письменного языка, который в настоящее время преподается в школах, средних специальных и высших учебных заведениях Республики Карелия.

В целом диссертация является самостоятельным научным исследованием, содержащиеся в ней основные положения прошли апробацию на международных конгрессах и конференциях.

Актуальность темы исследования не вызывает сомнения уже потому, что до сих пор не существует ни одного монографического труда, посвященного глагольному спряжению в карельском языке. Существуют лишь две кандидатские диссертации по подобной теме, которые основываются на паданском и южнокарельском периферийных говорах.

Оппонируемая работа состоит из предисловия, введения, трех основных глав, заключения, списка цитируемой литературы и приложения.

В предисловии определяются методы работы, источники исследования и общая характеристика диссертации.

Введение состоит из трех разделов. В первом из них рассматриваются теоретические проблемы, касающиеся вопросов грамматической категории, способов её определения и анализа. Во втором исследуется история

вопроса. Автор подробно анализирует работы А. Генеца, Х. Оянсуу, Э. Лескинена, Х. Лескинена, А. Турунена, Д.В. Бубриха, Н.А. Анисимова, В. Ахтиа, А.А. Белякова, В.Д. Рягоева, Я. Ыйспуу, Е.Л. Адель. В третьем разделе введения рассматривается проблема диалектного членения карельского языка. Автор, следуя за Д.В. Бубрихом, делит карельский язык на три наречия: собственно-карельское, ливвиковское и людиковское. Данное диалектное членение карельского языка представлено автором схемой и двумя схематическими картами.

Первая глава посвящена изучению грамматической категории лица-числа. Наибольший интерес представляет проблема 3-го лица обоих чисел. 3-е лицо единственного числа некогда было формой причастия на **-па/-пä**. Позже из него образовались окончания на **- у/-ӳ**, которые представлены ныне во всех диалектах карельского языка. Имеются лишь отдельные примеры, указывающие на былое присутствие названного суффикса причастия. Ранее в прибалтийско-финских языках личные числовые окончания 1-го и 2-го лиц множественного числа презенса отличались от соответствующих окончаний презенса. Древнее состояние сохранилось лишь в собственно-карельском наречии. В ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка, равно как и в финском литературном языке, произошло обобщение в пользу окончаний презенса. Формы 3-го лица множественного числа автор диссертации не считает пассивными, как это интерпретировали до сих пор многие исследователи Финляндии и Эстонии. Данная точка зрения правомерна в том смысле, что в карельском языке не существует суффиксально оформленных форм актива и пассива. П.М. Зайков подробно исследует историю формы 3-го лица множественного числа, опираясь на работы финских исследователей Э. Сетяля, Л. Кеттунена, Т. Лехтинена, Л. Пости и др.

Глава вторая посвящена исследованию грамматической категории времени в карельском языке. Автор обоснованно отвергает ту точку зрения, согласно которой в карельском языке якобы мало используются формы перфекта и плюсквамперфекта. Как утверждает автор, в карельском языке границу между имперфектом и перфектом, в качестве выразителей прошедшего времени до сих пор довольно ощутима. Примеры, приведенные в диссертации, подтверждают это положение. Отметим важное положение диссертации, касающееся отрицательных форм 3-го лица множественного числа, встречающихся только в южнокарельских диалектах Республики Карелия. Автор исторически объясняет происхождение этих форм. Не менее интересно объяснение случаев инверсии в отрицательных конструкциях карельского языка.

Третья глава диссертации посвящена грамматической категории наклонения. Изъявительное наклонение, не имеющее грамматического вы-

ражения, противопоставляется императиву, кондиционалу и потенциалу. П.М. Зайков подробно исследует формы повелительного наклонения в карельском языке. Чрезвычайно интересными являются формы 3-го лица единственного и множественного числа в ливвиковском наречии. Множественное число названного лица появилось значительно позже в карельском языке в силу того, что ливвиковское наречие для выражения данного грамматического значения выбрало свое окончание **-хезе**. В отличие от собственно-карельского наречия, кондиционал в ливвиковском наречии имеет четыре временные формы. Автор подробно исследует историю происхождения наклонений в карельском языке.

В заключении диссертации делаются основные выводы, касающиеся распространения, функционирования и истории развития грамматических категорий лица-числа, времени и наклонения в карельском языке, определяются междиалектные различия в их употреблении.

Диссертация П.М. Зайкова написана на высоком научно-теоретическом уровне. Построение работы хорошо обдумано, и в ней приводится оптимальное количество диалектного материала. В научный оборот вводятся много новых лингвистических фактов. Диссертация оформлена аккуратно и достаточно грамотно. Отметим, что теоретические установки автора, а также анализ иллюстрируются удачными примерами. Вместе с тем хотелось бы отметить некоторые пожелания при доработке диссертации для издания:

1. В конце каждой главы хотелось бы видеть краткие выводы.

2. Более определенно представить мнение автора по тем или иным теоретическим вопросам глагольного спряжения в карельском языке.

3. По возможности привести параллели по истории карельского и других финно-угорских языков.

Кроме того, у нас возник вопрос. Как считает диссертант, имеются ли данные в диалектах карельского языка, подтверждающие мнение Э. Итконена о былом наличии в праприбалтийско-финском языке двойственного числа?

В заключение необходимо подчеркнуть, что диссертация П.М. Зайкова "Глагольное словоизменение в карельском языке (грамматические категории лица-числа, времени и наклонения), представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, отвечает всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а автор заслуживает присвоения искомой степени доктора филологических наук.

Юрий Андуганов
Йошкар-Ола

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Рец: М.В. ЯМБУЛАТОВА. Суффиксы с залоговым значением и проблема категории залога в марийском языке: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Йошкар-Ола, 1996.

24 октября 1997 года на заседании специализированного совета Д 064.44.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Марийском государственном университете состоялась защита диссертации Майи Викторовны Ямбулатовой по специальности 10.02.07 "Финно-угорские и самодийские языки". Работа М.В. Ямбулатовой выполнена при кафедре финно-угорских языков Марийского государственного университета. Научный руководитель – Заслуженный деятель науки Российской Федерации доктор филологических наук профессор И.С. Галкин. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор И.В. Тараканов (Ижевск) и кандидат филологических наук доцент Г.М. Тужаров (Йошкар-Ола). Внешний отзыв получен из Марийского ордена "Знак Почета" научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева.

Категория залога является одним из сложных вопросов не только в марийском, но и в других финно-угорских языках. Дело в том, что одни исследователи категорию залога относят к глагольному словообразованию, другие - связывают ее лишь с категорией переходности/непереходности, оставив в стороне функционально-семантический аспект рассматриваемой грамматической категории. Актуальность темы диссертации обусловлена необходимостью более глубокого изучения отношения суффиксов глагола с залоговыми значениями к категории залога, поскольку данный вопрос в марийском языкознании исследован пока слабо, противоречиво. Исходя из этого, автор ставит перед собою цель: 1) установить функционально-семантический анализ категории залога; 2) установить соответствие между единицами синтаксического и семантического уровней и 3) выявить словообразовательную и формообразовательную роль залоговых суффиксов. Для достижения указанных целей диссертант применяет

целый комплекс методов лингвистического анализа, а именно: описательный, сравнительно-сопоставительный, статистический, а также метод трансформационного анализа.

Объектом анализа послужили более 2 тысяч исходных глаголов, извлеченных из "Марийско-русского словаря" (1991) и из произведений художественной литературы. К сожалению, в иллюстративных предложениях почему-то не указываются страницы.

Структурно диссертация состоит из предисловия, введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и источников с сокращениями, приложения.

В предисловии обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются цели и задачи исследования, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, излагается методика исследования, указываются источники.

Во введении диссертации содержатся теоретические проблемы категории залога. По мнению диссертанта, при определении понятия и содержания залога исследователи марийского языка исходят лишь из анализа грамматической формы, оставляя вне внимания семантическую сторону категории залога. Научная новизна исследования как раз заключается в том, что категория залога рассматривается в нем в функционально-семантическом аспекте с использованием концепции залога ленинградской лингвистической школы.

В первой главе диссертации автор подвергает подробному анализу различные залоговые модели марийского языка, представленные следующими основными формами.

1. Актив/пассив, которые образуют ядро функционально-семантической категории залоговости. За ним следуют:

2. Лексико-грамматические категории а) возвратности (рефлексива), б) взаимности (реципрока), в) каузатива, г) медия.

Следует отметить, что в марийском языке имеется богатый арсенал средств выражения различных оттенков значений, в том числе залоговых – это комбинация суффиксов в рамках одной глагольной основы. Подробному описанию их словообразовательных и формообразовательных возможностей посвящена вторая глава диссертации. На анализе ее мы остановимся чуть позднее.

В марийском языке автором выделяются 15 диатез, которые получают свое морфологическое и синтаксическое оформление в системе 6 залогов: актив, пассив, рефлексив, реципрок, каузатив, медия.

В связи с этим у меня, как рецензента, возник ряд вопросов.

1. Автор выделяет как особые формы залога рефлексив и реципрок, а внутри них, в зависимости от их формальных рефлексивных показателей,

синтаксической структуры, оттенков значений, особо отмечается еще два специфических подтипа:

1. Субъект (агенс) одновременно является объектом (пациенсом): *Илышыште ко ок иоплалт* 'Кто не ошибается в жизни?' (с. 12).

2. Рефлексивный имперсонал, где не выражены ни субъект, ни объект (по автору, ни агенс, ни пациенс): *Ожно шуко кошталтын, шуко ужалтын* 'Раньше много хожено, много увидено' (с. 12).

Здесь нам бы хотелось узнать, как в марийском языке выражаются другие значения рефлексива, в частности:

а) активно-безобъективные, рефлексивные формы, характеризующие субъекта действия типа: корова бодается, собака кусается, лошадь лягается;

б) рефлексивы, выражающие изменения в состоянии субъекта действия, в таких примерах как: удм. *вошписькыны* 'измениться, *буйгатскыны* 'успокоиться';

в) рефлексивы, обозначающие обычные занятия типа удм. *вуриськыны* 'заниматься шитьем', *пыжиськыны* 'заниматься печением хлеба';

г) рефлексивы, выражающие действия, которые ни на что, ни на кого не переходят, а замыкаются в самом субъекте действия: удм. *дасяськыны* 'готовиться', *юаськыны* 'попроситься';

д) рефлексивы, выражающие бессубъектные (безличные) действия, в таких примерах как удм. *турнаку юн жадиське* 'во время косьбы сильно устается'. Или подобные формы вы относите к рефлексивному имперсоналу?

Далее. Поскольку автор глаголы с взаимно-возвратными значениями выделяет в самостоятельную залоговую группу, называя ее реципроком, то не логично ли выделить в особые группы каузатив и понудительные залоговые конструкции, называя их соответствующими грамматическими терминами, как это делает, например, профессор В.И. Лыткин в пермских языках? Каузатив, обозначающий процесс, который исходит от активного субъекта, в результате которого предмет, являющийся прямым объектом, изменяет свое состояние, качество, местоположение, он называет понудительно-транзитивным. Например, удм. *ус'ыны* 'упасть' – непонудительный глагол, *ус'кытыны* 'уронить' – глагол с понудительно-транзитивным значением. Двуобъективные понудительные формы он называет собственно-понудительными глаголами (см. Современный коми язык. Сыктывкар, 1955).

Эти и ряд других вопросов у рецензента могли и не возникнуть, если бы диссертация была выполнена в сравнительно-историческом аспекте с родственными языками, особенно в сравнении с залоговыми формами в коми и удмуртском языках. Ведь в семантико-функциональном плане они обнаруживают много общего.

В диссертации весьма подробный анализ дан словообразовательным и формообразовательным возможностям суффиксов с залоговым значением и осуществлен он со знанием дела с максимальной скрупулезностью с приведением теоретических сведений о производной и производящей основе глаголов, а также о словообразовании и формообразовании, их отличительных признаках, иерархии расположении суффиксов в структуре слова и т.д.

В марийском языке автор выделяет 4 способа образования производных глаголов: лексико-синтаксический, лексико-семантический, морфолого-синтаксический и морфологический. Поскольку марийский язык относится к агглютинативным языкам, то аффиксация (т.е. морфологический способ) и является основным способом выражения залогового значения. При этом следует подчеркнуть, что марийский язык обладает рядом показателей залогового значения: один аффикс может обслуживать несколько залоговых значений (например, **-алт**), один аффикс может обслуживать только одну залоговую форму (например, **-ас, -аш**), и небольшая группа залоговых маркеров может обслуживать одну залоговую форму. Учитывая это обстоятельство, диссертант совершенно справедливо залог определяет как семантико-синтаксическую категорию, находящую свое выражение в морфологии глагола. Для иллюстрации автор приводит в качестве примера глаголы с формантом **–алт**, при помощи которого выражаются несколько различных залоговых моделей: пассив, рефлексив, реципрок.

Анализ каждого из залогообразующих аффиксов проводится отдельно с указанием их степени употребительности, продуктивности / непродуктивности и специфики их залоговой семантики, в отдельных случаях делается указание на источник их происхождения, в частности, в аффиксах тюркского происхождения. На наш взгляд, диссертация намного бы выиграла, если бы автор сделал подобные указания и в аффиксах собственно марийского (или общеуральского, финно-угорского) происхождения.

В диссертации отдельными разделами рассматриваются также различные суффиксальные комбинации залогообразовательных показателей марийского языка, а также порядок расположения словообразовательных суффиксов в производном слове. В приложении указываются в виде таблицы различные суффиксы, способные присоединяться к производящей основе (с. 142-152). В выводах по основным главам и заключению (с. 152-160), сделанных на 8 машинописных страницах, излагаются важнейшие результаты исследования, относительно которых у рецензента замечаний нет.

Перечень использованных работ, содержащий 160 названий, свидетельствует о хорошем знании автором специальной литературы и истории

вопроса по избранной теме. Список источников, откуда был извлечен иллюстративный материал, состоит из 136 наименований. К сожалению, в отдельных названиях не откорректированными оказались специфические марийские буквы ӱ, ҥ и другие в словах типа шӱм (с.177), кеҥеж (с.177), мӱкш-отар (с.184).

В целом диссертация М.В. Ямбулатовой представляет собою самостоятельное законченное исследование, в ней делается попытка создания новой концепции грамматической категории залога в марийском языке. В основу обобщения и классификации залога положены нетрадиционные для марийского языка принципы, предлагаются несколько иные инвариативные семантические признаки. Категория залога в диссертации М.В. Ямбулатовой представлена в виде совокупности типизированных моделей, передающих различные отношения субъекта и действия. Поэтому смело можно утверждать, что рецензируемая работа М.В. Ямбулатовой является новым шагом вперед в разработке категории залога по сравнению с опубликованной еще в 1958 году работой И.С. Галкина "Залоги в марийском языке". Результаты работы диссертанта могут быть использованы при написании научной грамматики современного марийского языка и в практике вузовского и школьного обучения.

Иван Тараканов
Ижевск

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Рец.: Contacts de langues et de cultures dans l'aire baltigue. - Uppsala: Centre for Multiethnic Researche - Uppsala University, 1996. - 150 p. (Контакты языков и культур в балтийском регионе. – Упсала: Центр мультиэтнических исследований – Университет г. Упсала, 1996. - 150 с.).

Книга создавалась при Международном центре научных исследований в Париже и была издана под редакцией М.М. Жосёлин Фернанде и Раймо Раага.

Как отмечают в предисловии составители, свой труд они посвятили французскому лингвисту эстонского происхождения, современному теоретику по проблемам балтийского региона Фанни де Сиверс. Они пишут, что этот сборник носит тематическую направленность, затрагивает многие языковые проблемы балтийского региона, область оригинального географического месторасположения и культуры, претерпевшей многочисленные влияния. Особенно подробно рассматриваются в синхроническом и диахроническом аспектах лингвистические вопросы, касающиеся контактов между балтийскими, германскими, славянскими языками.

Сборник работ был задуман еще в 1990 г. и приурочивался к 70-летней годовщине со дня рождения Фанни де Сиверс и совпал с большими потрясениями и переворотами, происшедшими в балтийском регионе в этот период. Престижный международный диалог, который ведется на страницах этой книги на трех основных европейских языках (французском, немецком и английском), собрал вокруг темы балтийского региона 29 всемирно известных специалистов по вопросам лингвистики, истории, литературы и фольклора.

Большой заслугой научной и литературной деятельности Фанни де Сиверс является, по мнению составителей сборника, то, что она обратила внимание исследователей на своеобразие языка и культуры родного народа.

Фанни де Сиверс родилась 26 октября 1920 г. в г. Пярну. В это время она говорила только на эстонском языке, позднее, в школе, начала изу-

чать немецкий язык. После окончания школы в 1938 г. сдает экзамен на бакалавра. Осенью того же года Фанни записывается в Тартуский университет, где с 1938 по 1940 гг. изучает романские языки. 29 января 1941 г. Фанни выходит замуж за Ганса-Георга фон Сиверса и эмигрирует с ним из Эстонии. Затем были и учеба в университете г. Бреслау, и артистическая карьера танцовщицы в балетной труппе муниципального театра в Силезии, и работа переводчицы, и снова учеба в 1947-1948 гг. в Вюрцбурге, а в 1950-1953 гг. - в Парижском университете. Результатами стали диплом Вюрцбургского университета (1950 г.), ученая степень филологии в Париже (1953 г.), защита диссертации "Prefixes lettons du verbe live"(1953 г.).

В 1977 г. в Париже открывается Международный центр научных исследований, Фанни де Сиверс становится директором департамента Евразии. Ее исследования ведутся в трех направлениях: изучение культурного фонда Балтики; восприятие космоса и выражение пространственной локализации; разработка этнограмматической теории.

Наряду с этим Фанни де Сиверс занималась журналистикой, принимала участие в различных Международных научных конференциях, являлась членом различных научных обществ и объединений, занималась преподавательской деятельностью в ведущих европейских университетах.

В представленном сборнике даны две библиографии Фанни де Сиверс. Первая составлена ей самой, а вторая Р. Раагом и представляет собой список работ, написанных Фанни де Сиверс на эстонском языке.

Тематика статей, вошедших в книгу, очень разнообразна. Предметом изучения некоторых из них являются не только вопросы лингвистического характера, но и касающиеся истории литературы, традиций и экологии прибалтийско-финского региона.

Литература, традиции и искусство освещаются в работах И. Дункеле (Die Bedeutung der Melodie in der littischen Volksliedforschung, S. 91-101). М. Кийск-Берецки (L'ame estonienne et la mur Genése et réception d'un poéme hongrois sur l'Estonie, p. 133-141), П. Лилиа (La litterature estonienne en Finlande, p. 157-170), Ф. Ойнас (The Mythical Origin of Vainämöinen's kantele, p. 181-190), Ф. Шольц (Die Befreiung des Wortes und die Befreiung durch das Wort-Zum Werk und Wirken des estnischen Dichters Jaan Kross, S. 227-241), В.Фойгд (From Kajaani to Dorpat / Tartu or to St. Petersburg (Kalevala, Kalevipoeg, etc., p. 325-334), Й. Пеегель (Gold und Silber, S. 191-199).

Известный эстонский лингвист П. Альвре (Uber den Phraseologismus sundid ja sandid, S. 31-35) прослеживает историю фразеологизма sundid ja sandid в эстонском языке. Этимологически эти слова являются антонимами. Из активного словоупотребления они исчезли и встречаются только в старых текстах.

Работы В.Р. Дравина (Der lettisch - estnische Teile in einern viersprachigen

Wörterbuch vom Jahre 1885, S. 201-213) и Х. Фихма (Jaan Nabocat und das ertse lettisch - estnische Wörterbuch, S. 299-309) посвящены словарям, истории их создания и их авторам.

Известный ученый Р. Аустерлиц (Un differentiel semantique estonien-finnois, p. 37-42) в своей статье ищет причины эстонско-финских семантических различий некоторых слов. После распада прафинского языка старофинский отделился от староэстонского и завоевал обширные территории, на которых возникли местные говоры и наречия. По мере того, как этого требовала жизнь, колонизаторы и арендаторы, живущие на новых землях, пересматривали совокупность значений слов их родного языка. Это и явилось, по мнению автора, причиной различий в значениях слов.

А. Банкавс (Les gallicismes en ancien letton et ancien estonien, p. 43-48) пишет о заимствованиях из старофранцузского в старолатышском и староэстонском языках. Хотя эти языки имеют разные структуры, они, по мнению автора, имеют и общие для них черты - это экстралингвистические условия, исторические события, почти одинаковая географическая, политическая, экономическая, демографическая и религиозная ситуация. Эти сходства наиболее очевидны при анализе заимствований. В двух языках наблюдается почти одинаковое количество слов французского происхождения (около 200). Автор дает периодизацию галльских заимствований и выделяет 5 этапов. В своей статье А. Банкавс рассматривает первые два периода: до XVI в. и с XVI в. до 60-х гг. XVII в. Как интересный факт, ученый отмечает то, что ни эстонский, ни латышский языки не имели прямых контактов с французским языком. Нужен был язык - посредник, а им, как считает А. Банкавс, являлся немецкий язык. Параллельно с увеличением галлицизмов в словарном составе двух языков автор отмечает также семантическую отдаленность французских слов от этимона и сильное влияние языка-посредника.

Предметом исследований Л. Бернарсзука (Convergences linguistigues entre les langues balto - slaves et finno-ougriennes, p. 49-67) стало выявление наиболее важных структурных совпадений между балтийско-славянскими и финно-угорскими языками. В статье автор отвечает на следующие вопросы: какие из совпадений имеют чисто типологический характер (т.е. появились независимо друг от друга), а какие стали результатом влияния, и в этом случае в чем оно заключалось. Важным признаком совпадений между этими группами языков является наличие или отсутствие сходных черт в других индоевропейских или уральских языках, т.к. это позволяет установить направление влияния и тенденции развития.

Л. Бернарсзукс отмечает структурные черты, общие для балтийских, финно-угорских и славянских языков. К ним относятся, по его мнению: 1) симметрия системы вокализма; 2) дифтонги; 3) палатализация и большое

количество спирант и аффрикат; 4) фонотактическое слияние; 5) тенденция к исчезновению грамматического рода; 6) постоянная связка; 7) наличие дебитивных конструкций; 8) употребление причастий.

В сборнике опубликована статья доктора филологических наук профессора Г. Берецки "Le méria, une langue balto-finnoise disparu", p. 69-77). В небольшом предисловии автор отмечает, что уралистика насчитывает много народов или уральских этнических групп, которые потеряли свой язык в разные эпохи в результате их славянизации или тюркизации. Среди этих народов наиболее важным, по мнению Г. Берецки, были меря.

Вся статья разделена автором на 4 части: Que savons-nous des Merias? (Что мы знаем о меря?); Quel type de langue finno-ougrienne les Merias parlaient-ils (На каком из финно-угорских языков говорили меря?); Une monographie de la langue meria (Монография по языку меря); Le meria langue finnigue? (Меря, финский язык?).

В первой части Г. Берецки сообщает читателям о первых письменных упоминаниях о народности меря. Опираясь на данные археологических раскопок, проведенных в этом районе и описанных в монографии Е.И. Горюновой, автор называет территорию, на который проживал этот народ. По мнению ученого, это обширная территория площадью около 170.000 кв. км, на которой раньше находилось Ростовско-Суздальское княжество, а сегодня это пять городов России: Ярославль, Кострома, Иваново, Владимир и часть Москвы.

Процесс славянизации народа меря Г. Берецки делит на два этапа. Первая его волна приходится, по мнению автора, на 2-ую половину X века, и приведшая к развитию наиболее важных российских городов этой области - Ростова и Суздаля, которые дали названия русским княжествам. Наиболее интенсивная волна славянской колонизации меря отнесена ученым ко 2-ой половине XI века, которая продолжалась в течение двух веков. Отмечается также, что украшения меря XI-XIII вв. идентичны по форме украшениям народов Камского района, что свидетельствует, по мнению Г. Берецки, о том, что меря в этот период не были еще полностью русифицированы и не прервали своих контактов с народами, живущими на Каме. Даже если бы большинство меря русифицировалось в XIII в., их язык, по утверждению автора, должен был сохраниться в отдельных поселениях. Свидетельством этого могут служить официальные русские документы, в которых дается упоминание о "морском стане". В завершении Г. Берецки выдвигает предположение о том, что в XV-XVI вв. меря сохранили в многочисленных местностях свои этнические и лингвистические особенности.

Вторая часть посвящена проблеме родства меря с финно-угорскими языками. Автор подчеркивает, что финно-угроведы не сомневаются в этом

родстве, но вопрос состоит в том, какому же из финно-угорских языков ближе всего стоит язык меря. Г. Берецки приводит выводы известных лингвистов по этой проблеме. Финский ученый М.А. Кастрен указывает на тесное родство народов меря и мари. Немецкий языковед М. Фасмер рассматривал проблему родства этих двух языков по топонимам района, населенного раньше меря. По мнению же финна П. Равила, отмечает Г. Берецки, язык меря был звеном между мордовскими и прибалтийско-финскими языками.

Третья часть статьи касается монографии О.Б. Ткаченко по языку меря (Мерянский язык, Киев, 1985). Эту работу Г. Берецки называет важной, поскольку в ней научно обосновано место языка меря в семье финно-угорских языков. Автор отмечает, что О.Б. Ткаченко, без всякого сомнения, прав, рассматривая в своей книге фонетические особенности русских разговорных диалектов на территории, где раньше жили меря. На основе фонетической характеристики озвончения/оглушения согласных автор статьи замечает, что это явление позволяет сделать вывод о родстве языка меря с мордовскими языками и с языками вепсов и карелов, а примеры, приведенные О.Б. Ткаченко и иллюстрирующие наглядно тенденцию стечения нескольких согласных в начале слова, свидетельствуют о том, что эти слова по своим характеристикам напоминают финский язык.

Т.Г. Феннелл (Eléments latins dans la description grammaticale du letton aux XVII-e et XVIII siécle, p. 103-116) пишет о месте, которое занимал в XVII-XVIII вв. латинский в грамматическом описании латышского языка. В это время латинский язык занимал важное место во всех областях жизни человека, т.к. его структура была, по мнению современников, наиболее логичной и универсальной. Существовало ошибочное, по мнению автора, утверждение, что каждый язык должен быть представлен теми же морфологическими и синтаксическими категориями, что и латинский язык. Далее Т.Г. Феннелл отмечает, что первые грамматики латышского языка руководствовались именно этим принципом, автор провел анализ металингвистического влияния латинского языка на латышский на примере первых грамматик. Т.Г. Фенелл пришел к выводу, что хотя латинский и латышский языки имеют сходные черты, латинский язык наложил отрицательный отпечаток на первые латышские грамматики.

В работе К. Бойко (On Some Possible Estonian Geographical Names in Livonian Toponyms (Northern Kurzeme, p. 77-89) прослеживаются ливско-языковые контакты и появившиеся в результате этого эстонские географические названия в ливских топонимах.

Вопросы истории занимают Ж. Гризона, Б. ле Калоша и Х. Рунблома.

Ж. Гризон (Une occasion manguée - l'alliance suédo-lituanienne, p. 117-125) пишет об исторических событиях, происходивших в Великом Литов-

ском княжестве во времена правления Карла XII и Петра I. Автор рассказывает о причинах, по которым был создан южно-литовский союз и страна была повергнута на многие годы в состояние войны. Б.М. Калош (Les relations de la France et d'Estonie á l'époque de l'Indépendance (1918-1921), p. 143-156) посвятил свою статью политическим отношениям между Францией и Эстонией в послеоктябрьский период. Х. Рунблом (The Baltic Sea Region: Some Historical Perspectives, p. 215-225) дает исторический обзор ситуации в Прибалтике в период с 1940 по 1990 годы и говорит об исторических перспективах развития этого региона.

К. Ажеж (Evolution naturelle et le changement dirigé dans l'aire baltigue - l'exemple des langues fennigues, p. 127-132) в своей статье пишет, что поводом к ее написанию послужило стремление показать, сравнивая финский и эстонский языки, каким образом их судьба колеблется между попыткой искусственного развития этих языков.

Две статьи - С. Сухонена (Wie übersetzen die Liven aus ihrer Muttersprache ins Lettische? S. 243-251) и Э. Вяари (Les Lives et la langue lives, p. 253-264) затронул в своей статье очень важную проблему - сохранение исчезающего ливского языка.

В. Феенкер (Überlegungen zur Ermittlung das wichtigsen vs. häufigsten Wortschatzes - u.a. am Beispiel des Estnischen und Lettischen, S. 265-291) затронул в своей статье важную проблему составления словаря наиболее употребляемых слов какого-либо языка. Автор отмечает, что эта идея не нова, и существуют примеры составления подобных словарей. Принципом отбора лексических единиц, по мнению В. Феенкера, является частотность употребления их в письменной и разговорной речи. Для выявления наиболее употребляемых слов автор провел тестирование и на основе анализа выделил среди лексических единиц, предложенных тестируемым, наиболее значимые, по их мнению.

В связи с тем, что в последние годы все возрастающий интерес вызывают прибалтийские государства и их языки, В. Феенкер поставил перед собой задачу составить частотные словари для эстонского, литовского и латышского языков. В качестве критериев, которые необходимо учитывать при выборе слов, автор называет степень последовательности, важность понимания, оценку информантов.

Проведя необходимые исследования и эксперименты, В. Феенкер составил по каждому из языков список слов, содержащий по 1000 наиболее часто употребляемых в этих языках лексических единиц. Тысяча - это наиболее оптимальная, на его взгляд, цифра.

Термин **языковой союз** является в языкознании относительно новым. Впервые его применил в 1928 г. Н. Трубецкой. Применительно к балтийским языкам он был использован Р. Якобсоном в 30-е гг. XX в. Ученые-

языковеды Х. Хаарман, Я. Балашша и Д. Дечи отнесли к членам языкового союза только четыре прибалтийских языка: латышский, ливский, эстонский и водский. Грамматическая сторона такого союза рассматривается в работе Т. Матиассена (Some Aspects of Language Contacts and Convergency Phenomena in the Baltic Area-Evidence from Lithuanian, Latvian, Livonian, Estonian, Russian and Polish, p. 171-179). Психологическим фактором, благоприятствующим возникновению языкового союза, особенно в фонетико-фонологической области, В. Феенкер (Der Carpenter-Effekt und die Entstehung der Spachbunde, S. 293-297) называет эффект Карпентера, который носит еще название идеомоторного закона.

Т.Р. Вийтсо (The Puzzle of the Proto-Finnic *h, p.311-323) в своей работе, используя примеры из финно-угорских языков, ищет ответ на загадку протофинского *h.

Проблему финско-шведского двуязычия в долине Торнеа, находящейся на границе Швеции и Финляндии, рассматривает Э. Ванде (Bilinguisme finnois-suedois dans la Vallée du Tornea-aspects linguistiques et ecologiques, p. 335-347). Российско-шведская война 1808-1809 гг. и затем мир 1810 г. внесли большие изменения в жизнь жителей этой области. Автор статьи рассказывает об истории и о том, какие перспективы ждут жителей долины Торнеа в условиях билингвизма.

Выход сборника статей "Контакты языков и культур в балтийском регионе" является замечательным событием в современном языкознании, а посвящение его Фанни де Сиверс – дань уважения и признания выдающемуся ученому.

Галина Соколова
Йошкар-Ола

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Рец.: К.И. КУЛИКОВ. Дело "СОФИН". Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 368 с.

В работе К.И. Куликова рассматривается история репрессий финно-угорских народов в 1920-1930-х годах. Избранная для монографического исследования тема представляет интерес не только для финно-угорских народов России, но и всего мира. До сих пор эта проблема исследована слабо. Во времена Советского Союза ее нельзя было изучать по политическим причинам. Только в 1990-х годах доцент Александр Попов из Коми, профессор Ксенофонт Сануков в Марий Эл, доктор Илдико Лехтинен в Финляндии и кандидат исторических наук Александр Терюков в Петербурге рассматривали этот предмет. Среди этих исследований работа К.И. Куликова отличается тем, что она самая обобщающая и широкоохватная.

По определенным причинам даже сегодня фонды центральных архивов КГБ СССР все еще остаются недоступными для исследователей. Между тем, изучать угнетение всех малых народов СССР и делать общие научные заключения можно только опираясь на данные центральных архивов. Следует еще помнить о преследованиях в направлении всех национальных меньшинств. В дальнейших исследованиях следует обратить внимание на то, что финно-угорские народы не были единственной преследуемой группой.

Исследование Куликова в основном касается одной части широкой проблематики, но важно то, что оно опирается на местный материал. Куликов использует его для показа преследования отдельных финно-угорских народов России. Из этого следуют повторы и некоторая описательность.

Исследование начинается с отдельного введения в национальную политику СССР, далее рассматриваются ее теоретические основы, затем исследуется историческое развитие различных народов в 1920-30-х годах. К самой теме автор переходит во второй главе, где в первом разделе "Финляндия – сосед и противник СССР" рассматривается национальное развитие Финляндии и то, как Финляндия стала образцом для финно-угорских

народов России. Так для русского читателя делается понятной финская окрашенность всех процессов.

В главах, посвященных направленным против руководства и интеллигенции отдельных народов притеснениям, содержатся слишком обильные подробности и повторы, одни и те же обвинения предъявляются представителям разных финно-угорских народов вновь и вновь. Подобное оправдано, таким образом читатели – представители какого-либо народа – могут получить подробное знание о гонениях, направленных против их народа.

Особо Куликов возвышает центральную фигуру исследования – Кузебая Герда, который за короткий срок своей жизни проделал огромную работу на благо удмуртов. Куликов не забывает и о лидерах коми, мари и мордвы, которые разделили свою судьбу с Гердом. Куликов смог здесь опереться на труды Попова, Санукова и др. На этой основе объяснимо также подробное обращение и обработка карельского материала, обсуждение истории почти полного уничтожения ингерманландцев. О притеснениях карел, ингерманландцев есть исследования на русском языке.

В качестве особой причины для притеснения финно-угорских народов России Куликов рассматривает противостояние Финляндии и СССР. До сего дня в русских исследованиях по истории и политике Финляндии господствуют советские исторические взгляды, согласно которым только Финляндия была причиной ухудшения отношений между странами и, в конце концов, - войны. Также глава "Конфронтация Финляндии и СССР" в книге Куликова написана в таком же духе. Это происходит от того, что литература на русском языке об истории Финляндии была однонаправленной. Только в последние годы в появившейся в Петрозаводске работе В. Расила и Л. Суни "История Финляндии", которая отсутствует в списке литературы Куликова, дается более многосторонняя обоснованная картина развития.

В исследовании рассматривается деятельность многих личностей, и очень многие страницы занимают имена участников дела СОФИН, и в такой мере, что читателю местами трудно понять, кто есть кто. Поэтому представляется необходимым поместить в конце книги указатель персонажей.

В целом я оцениваю труд Куликова как достойный похвалы и приветствую издание его на русском языке. Возможно, его стоит позднее перевести на финский, уплотнив и реферативно сократив.

Алпо Юнтунен
Турку

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Рец.: Археология Республики Коми (Отв. редактор д.и.н. Э.А.Савельева) М., 1997. 760 с.

Авторский коллектив отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук подготовил и издал коллективное научное исследование истории народов Республики Коми с древнейших времен до средневековья. Книга объемом около 48 условно печатных листов (756 стр.) состоит из шести частей: История археологического изучения Европейского северо-востока; палеография Европейского северо-востока в период верхнего плейстоцена-голоцена; каменный век; энеолит и бронзовый век; ранний железный век; поздний железный век, снабжена обширным списком использованной литературы (54 стр.), большим числом фото, рисунков, таблиц и схем.

Настоящее издание представляет собой по существу первое в отечественной историографии обобщение целой серии монографических исследований, в котором подводятся итоги археологического изучения Европейского северо-востока с середины XIX века до настоящего времени.

В первой части монографии, подготовленной Э.А. Савельевой, дан подробный свод истории археологического изучения края почти за 150-летний период. Эта часть монографии знакомит читателя с отдельными исследователями, их открытиями, интерпретацией материалов, научными выводами и обобщениями и содержит подробную информацию о работах не только профессиональных исследователей, но и тех, кто в какой-то мере способствовал накоплению фактического материала. Такая форма изложения очень удобна для читателя, она с первых же страниц дает возможность представить общую картину археологической ситуации по всем периодам древнейшей истории населения Республики Коми.

Несомненным достоинством книги является глава, посвященная палеографической реконструкции в регионе (В.С. Стоколос), которая дает представление о глобальных и временных изменениях климата и ландшафта и связанных с ними миграционных процессов древних коллективов, их хозяйственного уклада и устройства первобытной общины с целью адаптации в новой экологической среде.

Многочисленные палинологические анализы с различных стоянок края и сопредельных территорий свидетельствуют о наличии благоприятных условий для заселения северо-востока Европы в среднем плейстоцене. Автору удалось показать, как ритмические изменения климата в конечном итоге диктуют смену археологических культур и исторических эпох, ведут к изменению форм хозяйства, образа жизни, передвижений вплоть до смены мировоззрения и связанных с ним традиций и обрядов. Совпадение выводов археологов и палионологов свидетельствует в пользу достоверности гипотез и схем по генезису археологических культур, представленных в дальнейшем изложении.

Раздел "Палеолит" изложен П.Ю Павловым в краткой форме, что обусловлено недостаточностью палеолитических памятников. Несмотря на это, имеющиеся материалы указывают на перспективность изысканий в области палеолита. Это тем более необходимо, что в последние десятилетия значительно возрос интерес исследователей к созданию обобщающих работ, посвященных вопросам развития палеолитической культуры на территории России.

Проведенные сыктывкарскими учеными геолого-геоморфологические, палеогеографические, палеонтологические и археологические работы создали фундаментальную базу для глубоких научных разработок и обобщений в области изучения процессов заселения Европейского северо-востока (далее ЕВС), происходивших в древности. Материалы, полученные, в основном, за два последних десятилетия, дали возможность исследователям уточнить, конкретизировать или же по-новому поставить и решить проблему генезиса и хронологии палеолитических культур региона. Представленная схема первичного заселения Европейского северо-востока, на фоне изложенных в работе материалов представляется аргументированной и убедительной. Однако автор вполне справедливо отмечает, что предположение о глубокой древности (средний плейстоцен) Харуткинского местонахождения нуждается в дополнительном обосновании. Культурная же принадлежность памятников начала верхнего палеолита достаточно убедительно установлена по определенным связям с одновозрастными стоянками центра Русской равнины (костенковско-стрелецкая культура).

По сравнению с предшествующей эпохой количество мезолитических памятников, обобщенных А.В. Волокитиным в главе "Мезолит", значительно увеличивается. Они концентрируются, в основном, в низовьях Печоры и Вычегды, а также на р. Вымь. Небольшая группа памятников на р. Ижме, остальные разбросаны на огромной территории в отдалении друг от друга до сотни километров.

Используя новейшие открытия в верховьях Вычегды с хорошо датированными материалами, А.В. Волокитин обосновал культурную неодно-

родность мезолитического населения ЕСВ, использовав для этого геоморфологические особенности, типологические признаки, отражающие хозяйственную специфику, единую методику анализа материала. В связи с новыми материалами А.В. Волокитин в мезолите ЕСВ выделяет две тенденции: местную (приуральскую) и западную, связанную с миграциями населения из районов Прибалтики и Прионежья. К Приуральской традиции он отнес средневычегодскую культуру с набором орудий, выполненных, в основном, в пластинчатой технике (более 80 %), к кругу памятников с традициями западного мезолита – комплекс Висского 1 торфяника с богатым набором охотничье-промыслового назначения, аналогичных изделиям стоянки Веретье. Автор выделяет также группу стоянок на р. Вымь, Вычегде и в среднем течении р. Печоры с сочетанием признаков обеих традиций.

Вывод А.В. Волокитина о вероятности генетической связи порчевской и ранней кундской культур через традиции рассетинской и бутовской культур Волго-Окского междуречья перспективен для древнейших истоков культуры.

Неолитическая эпоха изучена еще недостаточно полно. Это отмечает и автор главы "Неолит" Л.Л. Косинская, иллюстрируя свой довод картой неолитических памятников (всего 59 пунктов) (с. 188, рис. 1), сконцентрированных, в основном, на средней Вычегде и в районе среднего течения Печоры. Данный раздел монографии является самым полным обзором истории изучения неолитической эпохи, наиболее информативным обобщением полевых материалов. Трудности этногенетической, палеоэкологической, социально-экономической реконструкции сопряжены с незначительным количеством широко раскопанных памятников. Тем не менее автору удалось выявить общие закономерности генезиса неолитических культур, свойственные для лесной зоны Европейской части, и специфические для данной территории, обусловленные географическим положением на стыке двух культурных миров: восточноевропейского и зауральско-западносибирского. Разнообразие культурных типов эпохи неолита (черноборский, эньтыйский, камский, волго-окский, каргопольский и т.п.) с совпадающими ареалами затрудняет решение вопроса об их хронологическом соотношении. Недостаточно для этого и стратиграфических данных, хотя изучены разнокультурные комплексы, но они разнесены планиграфически или же имеют смешанный характер.

Автор раздела справедливо считает, что имеющихся материалов для разработки региональной культурно-хронологической колонки недостаточно. Отсутствие естественнонаучных датировок заставляет обращаться к традиционному сравнительному методу и поэтому обоснование хронологических рамок и этапов отдельных культурных образований в неолите ЕСВ базируется на сходных материалах Верхнего Поволжья и

Волго-Камья. К наиболее ранним комплексам отнесены материалы черноборской группы (V тыс. до н.э.), которые имеют с ранним этапом верхневолжской культуры и Оленеостровским могильником определенные параллели. В главе получило дополнительную аргументацию выделение черноборской археологической культуры. Вполне оправдано разделение ее на отдельные этапы, поскольку материалы, существовавшие в хронологическом диапазоне VI-V тыс. н.э., не выглядят застывшими и имеют выраженные черты предшествующего и последующих этапов развития.

Памятники эньтыйского культурного типа, видимо, отражают встречный процесс двух керамических традиций: гребенчатой и накольчатой, характерный для обширной лесной полосы Европейской России в развитом неолите. Отдельные керамические элементы как и особенности кремневой индустрии указывают на довольно отдаленные территориально и хронологически регионы. Этот процесс, видимо, иллюстрирует продвижение мезо-неолитических коллективов как с запада и юго-запада (накольчатая традиция), так и с востока (гребенчатая традиция), но нигде в неолите не отмечается устойчивых серий трапеций. Специфика кремневых изделий, как и отдельные элементы посуды позволили автору выделить отдельный культурный тип.

На водораздельных озерах бассейнов р. Пинеги, Вычегды и Печоры локализуется своеобразная посуда каргопольского типа, с тонкостенными тщательно заглаженными сосудами с примесью в формовочной массе дресвы, иногда в сочетании с шамотом и органикой, закрытых или слабопрофилированных форм, имеющих по краю горла ряд сквозных проколов и орнаментированный срез венчика. Часть посуды орнаментирована, остальная украшена гребенкой, наколом и их сочетанием. Данная группа посуды обоснованно связывается с подобной в комплексах верхневолжской культуры и дальнейшие исследования по выявлению ее генезиса в связи с верхневолжскими культурными образованьями кажутся наиболее перспективными.

Не вполне ясна позиция памятников культуры с ямочно-гребенчатым орнаментом. Несмотря на единообразие технологических и морфологических характеристик, посуда украшена в разнообразной технике: ямки, всевозможные гладкие и гребенчатые штампы, наколы и т.п. Аналогии подобным комплексам вполне оправданно указываются среди материалов волго-окского неолита. Отсутствие жилищ при большом количестве посуды ставит ряд вопросов, требующих решения.

Судя по материалам ямочно-гребенчатого неолита, ЕСВ керамика во времени не однородна и не вся ложится в рамки раннельяловского этапа. Все это указывает на неоднозначность решения проблемы места ямочно-гребенчатых комплексов в системе неолитических культур ЕСВ. Предпо-

ложение об участии носителей черноборских традиций в сложении культуры ямочно-гребенчатой посуды требует более весомой аргументации.

Печорско-двинская культура, справедливо выделенная в самостоятельную культуру, имеет местные генетические корни и формируется при активном участии носителей камской и ямочно-гребенчатой традиций. В процессе развития культура получает своеобразные этноопределяющие признаки, отличающие ее от подобных формирований Прикамья и Средней Волги.

Энеолитическая эпоха также неоднородна по материалу и по существу достаточно подробно представлена В.С. Стоколосом. Различные культурные образования занимают огромные территории, отдельные памятники расположены далеко друг от друга и не формируют сплошного ареала. Следующим звеном нео-энеолита ЕСВ представлена чужьяельская культура. Отнесение ее в большей степени к эпохе неолита чем энеолита, вполне справедливо. Формирование культуры проходило в атлантический период, когда в этом регионе преобладала единая среда хвойно-таежных лесов, предопределяющих одинаковый хозяйственно-бытовой уклад отдельных коллективов, расселявшихся здесь в конце неолита – энеолите.

Характер материала, малочисленность стационарных поселков с долговременными жилищами, крайне незначительная плотность памятников предполагают довольно подвижный образ жизни населения, оставившего их. Этнокультурные характеристики посуды свидетельствуют о многокомпонентности признаков, присущих для населения сопредельных территорий и неолитических племен ЕСВ. При видимом сходстве чужьяельской посуды с камской все же следует учитывать и возможные параллели в керамике ямочно-гребенчатого типа, влияние которой просматривается в появлении слабопрофилированных сосудов, горизонтально-зональном расположении рисунка, некоторых элементов орнамента (косая сетка, ромбы, глубокие ямки), воротники и т.п.

В лесостепной зоне Приуралья формируется чайновтинская культура, занимающая бассейн рек Мезени, Вычегды и их водоразделы. Генезис культуры сложный: ее материалы представляют различные традиции, присущие и другим образованьям. Данная культура вполне синхронизируется во времени с памятниками пористой керамики (гаринской, волосовской) и маркируется признаками, характерными для посуды южно-западного (ямочно-гребенчатого) и восточного (камского) позднего неолита.

Сложнее обстоит дело стоянок с накольчатой керамикой. Малочисленность, с одной стороны, и большая удаленность их друг от друга, неоднородность определяющих признаков предполагают хронологическое и генетическое различия. Группа плоскодонных тонкостенных сосудов с

орнаментом в верхней и придонной частях с разреженным рисунком вероятнее всего входит в круг верхневолжских, а валиковая ведет свои истоки с востока, хотя и имеет свои, характерные только ей, черты.

Бронзовый век ЕСВ представлен В.С. Стоколосом пестрой картиной культур и культурных типов: атаманнюрская, лебяжская, с крестовой керамикой, коршаковская, с текстильной керамикой.

История формирования гончарной традиции атаманнюрской культуры обусловила ее мозаичность, выраженную в многообразии форм, технологии производства, орнаментальных стилей. Это разнообразие признаков позволяет находить аналогии в Прикамье, Зауралье, Притоболье, Среднем Поволжье. Определение времени ее бытования на ЕСВ XIII-XI вв. довольно позднее, более реальна дата, приведенная Л.Л. Косинской (третья четверть II тыс. до н.э.). Подобные материалы бассейна Вятки и Средней Волги датируются серединой, возможно, началом третьей четверти II тыс. до н.э.

Автором из смешанных комплексов выделены памятники с крестовой керамикой, которые связаны с литыми бронзовыми изделиями Северного Приуралья.

Более компактно представлена лебяжская культура, расположенная, в основном, в бассейне Печоры. Устойчивые элементы в формах и украшении посуды, однообразие формовочной массы, устойчивый набор кремневого инвентаря, предметы бронзолитейного производства дают основание относить ее к периоду высокоразвитого уровня металлургии меди – бронзы и датировать XIII-XII вв. до н.э. и синхронизировать с атаманнюрской.

Поздний этап бронзового века представлен коршаковской культурой, занимающей ареал малоземельной и большеземельной тундры. Материальная культура изученных памятников не имеет местных корней и тяготеет к комплексам сумпаньинского или лозьвинского типа. Время бытования ее определяется последней четвертью II-началом I тыс. н.э.

Из многослойных нестратифицированных памятников в бассейне Вычегды и в северо-западной части печорского бассейна типологически выделены памятники с текстильной керамикой. Культурно-хронологическая позиция ее не определена. Ближайшие аналогии указывают на появление ее носителей из лесной полосы европейской части России, где комплексы подобной посуды сопровождаются богатым набором каменного и медно-бронзового инвентаря, имеют четкие топографические привязки, жилища, могильники и т. д. Носители данного типа посуды появились на ЕСВ, переняли в гончарстве некоторые элементы от культуры аборигенного населения, придав посуде своеобразный облик, отличающий ее от поздняковских и приказанских комплексов лесной полосы России.

Завершает раздел каменного и бронзового периодов обзор хозяйственного уклада, общественных отношений и этнической истории.

Этническая история первобытных народов ЕСВ сложная и далека еще от окончательного решения, но истоки отдельных этнических формирований определены достаточно достоверно и аргументированно, хотя некоторые нуждаются в дополнительных исследованиях.

Следующая часть посвящена раннему железному веку, представленному двумя культурными образованьями.

В кратком историческом обзоре, открывающем главу, находят отражение взгляды на проблемы ананьинской культуры В.Г. Лузина, В.И. Конивца, Г.И. Бурова, А.Х. Халикова, Э.А. Савельевой, Л.И. Ашихминой, В.Н. Маркова. Автор раздела Л.И. Ашихмина на основе тщательного анализа предлагает свою версию генезиса и этнокультурной истории ананьинского населения на ЕСВ, считая, что в бассейне Вычегды и Печоры формируется особый вычегодско-печорский вариант ананьинской культурной общности со своими специфическими чертами, сформировавшийся на основе местной лебяжской культуры поздней бронзы. Анализ поселенческих, жилищных и погребальных комплексов дает автору основание определить хронологические рамки существования культуры в пределах VIII-III вв. до н.э. с тремя стадиями развития.

Следующий этап эпохи железа представляет гляденовская культурная общность (авт. И.О. Васкул), впервые выделенная Г.М. Буровым, который разработал хронологию и периодизацию древностей гляденовского типа, наметил их ареал и систематизировал имеющиеся материалы. В дальнейшем благодаря полевым исследованиям В.Е. Лузгина, К.С. Королева, В.И. Конивца, В.С. Стоколоса, И.О. Васкула, Л.И. Ашихминой, В.А. Семенова и других выявлены и изучены различного рода памятники с гляденовскими материалами, позволившими конкретизировать, уточнить или дополнить схему Г.М.Бурова.

Подробный историографический обзор дает полную картину развития и сложения предложенной в книге концепции, в соответствии с которой носители гляденовских традиций являются предками современных коми.

Материальная культура гляденовцев представлена поселениями, могильниками и культовыми памятниками, свидетельствующими об их культурном своеобразии и известных параллелях с одновременными материалами Прикамья.

Поздний железный век представлен ванвиздинской культурой VI-X вв. н.э., занимающей юго-западные районы современной территории Республики Коми (бассейн рек Вычегды, Мезени, Вошки и озера Тимонского кряжа). История изучения этой культуры насчитывает восемь десятков лет. За этот период усилиями многих исследователей открыто и изучено мно-

жество разнохарактерных памятников, дающих представление об их носителях. Первая разработка хронологии культуры была предпринята еще А.П. Смирновым в 20-е годы, затем уточнена Г.Н. Буровым, определившим хронологические рамки ее существования V-VIII вв. н.э. Следующий шаг в определении времени существования культуры сделали Н.Н. Чеснокова и Э.А. Савельева – VI-IX вв. н.э. Накопленные за многие годы (особенно в последние три десятилетия) материалы дали возможность исследователям выделить этапы развития культуры, существенно дополнив своими аргументами в пользу того или иного положения. В вопросах этнической истории ванвиздинского населения также нет единого мнения. Одни считали ванвиздинцев вепсами (В.А. Оборин), другие – уграми, ассимилировавшими местное верхневычегодское гляденовское население (Г.М. Буров), местными племенами на основе гляденовских племен (В.И. Конивец, Э.А. Савельева), с участием в формировании культуры пришлого из Верхнего Прикамья позднехаринского населения (Э.А. Савельева). В шестой главе Э.А. Савельева довольно убедительно обосновывает гипотезу о том, что в эпоху раннего средневековья в Прикамье и бассейне Вычегды параллельно происходят сходные этнокультурные процессы: на основе гляденовской культуры при участии пришлых западно-сибирских групп населения формируются две общности – ломоватовско-неволинская и ванвиздинская, отражающие процесс разделения прокоми общности на прокоми-пермяцкую и прокоми-зырянскую. Это положение основывается на подробном анализе погребального обряда, материальных комплексов могильников, поселений и поселенческого материала: керамики, украшений и культовых предметов, бытового инвентаря, а также краткий очерк хозяйственной деятельности с присваивающим (охота, рыболовство) и производящим (металлургия, скотоводство) хозяйством.

Печорское Приполярье в позднем железном веке представлено большой серией разнохарактерных и разновременных памятников и имеет длительную историю изучения. Археологическому изучению этой территории посвятили свои исследования многие ученые, но научные работы всестороннего археологического изучения начались сравнительно недавно, с конца 50-х годов нашего столетия, хотя известные до того материалы привлекались в работах по сопредельным территориям Прикамья и Нижнего Приобья. С началом планомерных широкомасштабных археологических исследований Коми филиала АН СССР открыто и исследовано большое количество разновременных археологических памятников эпохи средневековья (В.И. Конивец, В.Е. Лузгин, В.С. Стоколос, В.С. Зеленский, Т.В. Истомина, С.М. Плючин, Н.Н. Чеснокова, П.Ю. Павлов, И.О. Васкул, О.В. Овсянников). Все эти материалы обобщены А.М. Мурыгиным в одном из разделов анализируемого издания.

Первоначальная культурно-хронологическая схема развития археологических культур Печорской равнины разработана В.И. Конивцом, им были выделены две основные группы памятников: одна из них связана с поселениями ванвиздинской культуры Вычегодского края, вторая – с памятниками орантурского типа Нижнего Приобья. Г.М. Буров выдвинул гипотезу об угорской принадлежности ванвиздинской культуры. Э.А. Савельева, поддержав, но уточнив хронологию В.И. Конивца, приходит к выводу о том, что переселения нижнеобского населения в Приуралье на рубеже нашей эры не было, скорее наоборот движение из Северного Приуралья в Нижнее Приобье.

Анализ новых материалов и источников позволил А.М. Мурыгину обосновать концепцию становления и развития раннесредневековых культур региона, в которой аргументированно поставлен вопрос о существовании здесь во второй половине I тыс. н.э. общности, подразделяющейся на два основных варианта – лесной и тундровый, документированных археологическими памятниками типа Бичевник и культуры "субарктического" типа. Приведенные в разделе богатые материалы разнохарактерных и разновременных памятников иллюстрируют сложную этнокультурную ситуацию в регионе.

Следующий этап в историческом развитии народов ЕСВ представлен разделом "Пермь вычегодская (XI-XIV вв. н.э.)" (авт. Э.А. Савельева, Т.В. Истомина, К.С. Королев), народы, населяющие которую, известны в русских летописях под названием "пермь". Путешествие по истории Перми вычегодской начинается с анализа письменных источников с разнообразными, иногда противоречивыми сведениями. Археологические источники в виде многочисленных остатков материальной и духовной культуры средневековых народов ЕСВ коррелируют сведения древних авторов, приводят в соответствие письменные источники и свидетельства реальной жизни.

Археологическое изучение древностей "чудского народа" в крае началось еще в 40-х годах XIX века, связанное в основном со сбором археологических предметов. Экскурс в историографию вопроса очень важен. А.Х. Халиков считал, что в Верхнем Прикамье вплоть до IX-X вв. жили угорские и угро-тюркоязычные народы, а пермские финны сформировались не ранее XV-XVI вв. в междуречье Вятки и Вычегды. Культура Перми вычегодской сопоставляется с неразделившейся общностью древнекоми, прилузские с северными удмуртами; гляденовская и ванвиздинские культуры с прапермской общностью, ананьинские - с восточными финнами. Р.Д. Голдина считает прапермской ананьинскую культуру, прокоми – гляденовскую. К пермоязычным она относит ванвиздинскую, неволинскую и ломоватовскую культуры. Различия между ванвиздинской и ломоватовско-неволинской объясняются разделением общекоми этноса на прокоми-

пермяцкий и прокоми-зырянский, что в значительной степени согласуется с концепцией этногенеза коми-зырян, разработанной Э.А. Савельевой и защищенной в качестве докторской диссертации.

За длительный период археологического изучения, особенно с созданием постоянно действующих экспедиций, накоплен огромный фактический материал, обработанный с применением новых методик и осмысленный с привлечением возможностей и достижений смежных наук. В результате авторскому коллективу удалось создать стройную, хорошо документированную схему формирования и развития перми вычегодской. Результатом многолетних научных поисков явились обобщающие работы по этногенезу пермских финнов. В сжатой форме основные направления этих исследований удачно изложены в анализируемой монографии.

Материальная и духовная культура перми вычегодской нашла свое отражение в вымской культуре, занимавшей бассейны среднего течения Вычегды и прибрежные участки ее притоков р. Вымь и Сысола, состоящей из четырех локальных вариантов соответствующих территориально-временным объединениям. Наиболее изученным в археологическом отношении является бассейн р. Выми, являющийся важным центром формирования коми-зырян. Здесь находилось наиболее крупное территориально-племенное объединение перми вычегодской, генетически восходящей к ванвиздинской культуре. На фоне анализа представленных источников вполне убедительным представляется и генезис вымской культуры. Эта территория прослеживается не только в общности территорий, в большей степени в погребальной обрядности, посуде, в отдельных типах украшений.

История развития средневековых коми-зырян представлена материалами городищ, селищ и некрополей разной поры существования, отражающих отдельные периоды истории отдельных территориально-племенных объединений. Особенности погребального обряда, богатые наборы сопровождающего погребенных хозяйственного инвентаря, культовых предметов и вооружения, всевозможных ювелирных украшений местного производства и предметов импорта позволили автору раздела реконструировать хозяйственный уклад, общественные и семейные отношения, материальную и духовную культуру, характер связей с ближними и дальними соседями. Население начинает осваивать земледелие, сочетая присваивающие и производящие отрасли хозяйства, усовершенствует кузнечное ремесло, осваивает новые черты в гончарном производстве. Этому способствуют и сложившиеся связи с раннефеодальными государствами: Древней Русью и волжской Булгарией, а также с прибалтийско-финскими народами.

Следующая глава подготовлена Э.А. Савельевой и М.В. Кленовым и посвящена древнерусской колонизации Европейского северо-востока (XI-

XIV вв.). Включение региона в социально-политическую структуру Древнерусского, а позднее Русского централизованного государства, явилось важным событием в социально-экономической и политической истории древних предков современных коми-зырян. Проблемами освоения русскими ЕСВ занимались многие исследователи, о чем свидетельствует представленный здесь историографический обзор литературы и археологических источников. Систематическое изучение археологических памятников перми вычегодской позволило установить наиболее ранние свидетельства торговых связей с северо-западной Русью через Новгород. Импорт хозяйственных и ювелирных изделий XIV в. составляет до 50 % в погребальном инвентаре вымских могильников. Многочисленные находки древнерусского импорта (керамики, ключей и замков, весов, некоторых типов украшений: двухглавые коньковые подвески, пластинчатые одноглавые подвески-птицы, ложнопрорезные треугольные подвески и др. детали христианского культа) свидетельствуют не только о тесных торговых связях, но и о проникновении и оседании русских на Выми и Вычегде уже в XII в. Наличие древнерусских памятников в долине Выми, Вычегды и Лузы указывает на достаточно активную колонизационную политику Новгорода и других земель Северо-Западной Руси, оставивших памятники с выраженным хозяйственно-крестьянским инвентарем (долина р. Лузы с благоприятными для развития сельского хозяйства природно-климатическими условиями), где просматриваются смешанные славяно-финские черты в материальной культуре. Древнерусская колонизация ЕСВ, как вполне справедливо считают авторы издания, ускорила распад первобытнообщинного строя и способствовала сложению новых феодальных отношений. К концу XIV века, в результате миссионерской деятельности Стефана пермского местное население было обращено в христианство, началась новая эпоха в истории народа коми.

Завершая обзор этого фундаментального труда, хочется выразить уверенность в том, что эта книга поможет массовому читателю в определении роли культурного наследия в жизни общества. Очевидно, что книге обеспечена долгая жизнь как своду источников и библиографии по широкому спектру проблем древних периодов истории края. Есть все основания считать, что рассматриваемый труд будет долгое время основным пособием и путеводителем по страницам богатого прошлого народа коми, а книге не суждено попасть в число тех, которые попусту занимают место на книжной полке.

Остается только поздравить авторский коллектив с успехом.

Валерий Никитин, Татьяна Никитина
Йошкар-Ола

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

ХРОНИКА

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ФИНСКИЕ УЧЕНЫЕ О ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ МАРИЙСКОГО НАРОДА"

Конференция состоялась 15 ноября 1996 года в Марийском научно-исследовательском институте им. В.М. Васильева. Открыл конференцию директор института кандидат исторических наук А.А. Зенкин. Он сказал, что дружба и сотрудничество между финским и марийским народами сложилась исторически. Наши народы входят в большую семью финно-угорских народов. Приятно отметить, что в последнее время сотрудничество ученых Финляндии и Марий Эл расширяется. Есть уже результаты – это "Марийско-финский словарь" (1994), "Финско-марийский словарь" (1995). Широкое распространение получило проведение совместных международных конференций, симпозиумов, экспедиций, летних курсов финского языка и культуры для представителей финно-угорских народов как в Финляндии, так и в Марий Эл, а также преподавание марийского языка в Финляндии и финского в Республике Марий Эл.

Первым был заслушан доклад заведующего кафедрой региональной истории Марийского государственного университета профессора К.Н. Санукова "Из истории марийско-финских научных связей". Докладчик подробно рассказал о поездках финских ученых к марийцам и марийцев к финнам в 1905-1980 годах. Из марийцев в Финляндии побывали Т. Евсевьев (1907-1927), Г. Кармазин (1910), из финнов в Марийском крае - Ю. Вихманн, А. Хейкель, А. Хямяляйнен, Х. Паасонен, У. Хольмберг, М. Рясянен, Г. Рамстедт и др. Проезжая на Урал и в Сибирь, известный финский композитор У. Сирелиус встретился в г. Казани с Т. Евсевьевым. В 1909 году в д. Руш-Родо Моркинской волости (Моркинского района), будучи в экспедиции, А. Хямяляйнен встретился с находящимся там также в экспедиции В.М. Васильевым. Здесь они близко познакомились, обменялись опытом работы. В.М. Васильев, кроме того, в 1914 году встретился и сотрудничал с приезжавшим в г. Казань М. Рясяненом. Ф.Е. Егоров в 1911

году встретился с У. Хольмбергом и помогал ему в сборе и осмыслении материалов о духовно-религиозном состоянии марийцев в с. Сернуре. В 30-е годы связь марийских ученых с финскими учеными прервалась и возобновилась только в 80-е годы.

Затем ведущий научный сотрудник отдела языка МарНИИ профессор И.С. Галкин в своем докладе "Вопросы исторической грамматики в трудах финских ученых" критически рассмотрел все труды финских ученых, которые касались вопросов истории марийского языка, начиная с "Elementa grammatices tscheremissae" (1845) М. Кастрена и кончая докладом А. Алхониеми на Международной конференции "Структура и развитие волжско-финских языков", прошедшей в г. Йошкар-Оле 7-10 октября 1996 года на тему: "Особенности употребления инессива в марийском языке".

И.С. Галкин не соглашается с Ю. Вихманном в том, что в марийском слове *пиеге* "щенок" конечный слог *–ге* является словообразовательным суффиксом. По его мнению, слово *пиеге* сложное, состоит из *пий* < *пинь* "собака" + *иге* "детеныш" так же, как *пырысиге* < *пырыс* "кошка" + *иге* "детеныш".

Ошибочным считает И.С. Галкин и мнение Евы Кангасмаа-Минн о том, что в слове *ӱдырамаш* "женщина" элемент + *амаш* тоже относится к разряду словообразовательных суффиксов. Здесь также исторически нужно выделять два слова: *ӱдыр* "девушка" + *ама* (*дмд* из *етд*) "самка" + *аш* (< *акш*) – транслативный суффикс, т.е. *ӱдырамаш, ыдырӓмӓш* "девушка, предназначенная стать матерью".

Рассматривая статью молодого финского лингвиста А. Мойсио в "Marin kielen konjunktio" (1993), он высказал сомнение в том, что союзная частица *–ат* и союз *да* по происхождению взаимосвязаны: союз *да*, по мнению И. Галкина, заимствован из русского языка.

Критически рассмотрев последнюю работу А. Алхониеми, И.С. Галкин заметил, что в суффиксе местного падежа + *ште* (*-ыште*) нельзя усматривать слияние исходного падежа с местным, элативное значение в нем развилось позже под влиянием других языков и в особых конституциях.

Очень подробную характеристику дал деятельности финских ученых по сбору материала и изучению марийских диалектов таких как, Г. Габеленц, Х. Паасонен, Ю. Вихманн, Г. Рамстедт, А. Алхониеми, С. Сааринен и др., профессор Марийского государственного университета И.Г. Иванов в докладе "Марийские диалекты в исследованиях финских ученых".

Докладчик отметил, что диалектологические материалы, собранные финскими учеными, очень качественны и хорошо отражают состояние марийских диалектов своего времени. Особенно большую ценность представляют материалы Г. Рамстедта по горному наречию марийского языка, которые практически являются почти единственными.

Доклад профессора Марийского пединститута Ф.И. Гордеева "Юрье Вихманн и марийская лексикология" был посвящен лексикологическим работам Ю. Вихманна, касающимся этимологий некоторых марийских слов.

Доцент Марийского пединститута А.Н. Куклин в своем докладе "Топонимия в трудах Ю. Вихманна" отметил, что хотя у Ю Вихманна нет специальных работ по марийской топонимии, но в них современный исследователь может почерпнуть данные по местным вариантам названий селений, в которых финский ученый производил свои записи.

Весьма интересно прозвучал доклад научного сотрудника Марийского научно-исследовательского института В.И. Вершинина на тему "Марийские материалы в "Этимологическом словаре финского языка". Он критически рассмотрел этимологии финских ученых Ю. Тойвонена, Э. Итконена, А. Йоки и высказал ряд своих соображений. Например, докладчик считает, что марийское *-кермы* в *пӱгыш –кермы* (*пӱкшикерме*) "орешник" вполне можно возвести к одному источнику с финским *kermi*, которое приводит Х. Паасонен в своем "Восточно-черемисском словаре". Однако этого слова в никаком словаре финского языка он не обнаружил.

Ряд этимологий Б. Коллиндера (*мӱ* = в малмыжс. *мӱгӧ* "к земле", фин. *maa* "земля", *шӱр* = *шӱраш* "крупа") предпочитается этимологии в этимологическом словаре. Финское слово *saarni* "ясень", по мнению В.И. Вершинина, лучше сравнить с марийским *шӧрва* "ясень". Количество сравниваемых с финскими марийских слов можно увеличить, считает докладчик. К их числу он отнес мар. г. *попаш*, в. *попылаш* "говорить", ср. фин. *papattaa*, карел. *papaldoa* "говорить громко". Правильно, по мнению докладчика, что в Этимологическом словаре финского языка нет общеизвестных иностранных слов, таких как *albumi* "альбом", *moraali* "мораль" и т.д.

Особый интерес вызвал доклад доцента Марийского государственного университета В.Н. Васильева, не раз побывавшего в Финляндии, на тему "Университет г. Турку – центр изучения марийского языка в Финляндии". Автор доклада подробно осветил деятельность ученых кафедры финно-угорских языков Туркуского университета Арто Мойсио, Йормы Луутонена, Евы Кангасмаа-Минн, Алхо Алхониеми, Сиркки Сааринен и дргих. Стараниями ученых кафедры (Сааринен, Алхониеми) изданы марийские лингвистические материалы Тимофея Евсевьева в четырех томах. Этих материалов в фондах кафедры около 30 томов. Йорма Луутонен создал марийский языковой компьютерный фонд. Инициатором и составителем "Марийско-финского" и "Финско-марийского" словарей является молодой ученый Арто Мойсио. В составлении и редактировании словаря приняли участие и марийские ученые И.С. Галкин и В.Н. Васильев. Марийский язык в университете г. Турку не только исследуется, но и преподается

студентам. Профессором Алхониеми составлен учебник марийского языка, который переиздан в Германии.

Заведующий отделом языка МарНИИ профессор Н.И. Исанбаев в своем выступлении "Финские ученые о марийско-тюркских языковых контактах" дал анализ работам финских лингвистов, касающихся тюркско-марийских языковых контактов, начиная с М.А. Кастрена и кончая Х. Паасоненым. Очень тщательно рассмотрел он на основе последних достижений марийского языкознания каждую работу финских ученых. Он отметил, что М. Рясянен при определении источника проникновения в марийский язык тюркских слов опирался почти только на фонетический критерий, оставив, к сожалению, критерий семантический в стороне.

Очень интересно прозвучало сообщение доцента О.А. Сергеева "А. Хейкель и марийский просветитель И.Я. Моляров". Он познакомил слушателей с перепиской марийского просветителя И.Я. Молярова, извлеченной из архива кафедры финно-угорских языков Туркуского университета, с финским этнографом А. Хейкелем. Из доклада О.А. Сергеева стало известно, что А. Хейкель в 1856 году во время поездки к марийцам побывал у И.Я. Молярова. Последний составил два словаря и учебник для горномарийских школ. Рукописи этих работ хранятся в г. Турку.

Заведующий кафедрой марийского языка и литературы Марийского пединститута профессор И.С. Иванов в своем докладе "Жанровые особенности и поэтика песен, опубликованных финскими учеными" отметил, что по собранным Ю. Вихманном материалам можно проследить развитие прощальных рекрутских песен. Среди горных мари бытовали старинные рекрутские песни с многочисленным параллелизмом, монологической формой построения и с оригинальными сравнениями. В восточно-марийских застольных песнях, собранных Х. Паасоненым, раскрываются отношения между родителями и детьми, между родственниками.

Научный сотрудник МарНИИ Г.В. Орлов рассмотрел в докладе "Марийские заговоры и молитвы в записях финских ученых" заговоры и молитвы в финских лингвистических сборниках и пришел к выводу, что в молитвах природа выступает как посредник между человеком и богом, к которому он обращается. Экологическое сознание предстает как врожденное и органически присущее человечеству. Заговоры же основаны на "формуле невозможного", предполагающей изображение того, что в принципе невозможно.

В молитвах и заговорах можно почерпнуть интересные сведения этнографического характера.

Старший научный сотрудник МарНИИ В.А Акцорин в своем докладе "Вклад финских ученых в собирание и изучение марийской мифологии" рассказал о том, что финские ученые впервые, используя комплекс-

ный метод исследования, сумели охватить все стороны духовной жизни марийского народа, помогли этим самым воссоздать целую систему мифологических, космогонических, демонологических представлений, раскрыть их философские представления о космосе, природе, окружающем мире в целом. Сравнительное изучение мифологии финно-угорских народов привело А. Хямяляйнена к выводу, что названия некоторых марийских богов связаны с индоиранской мифологией, напрмер, мар. *мардеж ава* "богиня ветра" и индоиран. *марутас* "бог бури". Весьма большой вклад в изучение мифологии марийцев внес Уно Хольмберг. Он этой теме посвятил специальную работу под названием "Мифология черемис" в 1917 году. В.А. Акцорин заключил, что финские ученые внесли огромный вклад в марийскую фольклористику, этнографию, религиоведение, теорию мифологии и народной философии.

Ведущий научный сотрудник МарНИИ, профессор А.Е. Китиков в своем докладе "Фольклорные материалы в собрании Вольмари Поркка" отметил, что записи В. Поркка являются первыми в истории марийской фольклористики. Докладчик, однако, заметил, что В. Поркка в число сказок включил два народных рассказа: *Йолагай вате* "Ленивая жена" и *Кузе мый руш шине-шамычым кондышым* "Как я украл русских лошадей". Докладчик отметил также, что собиратель при сравнительном анализе финских и марийских заклинаний увидел, что они как по содержанию, так и по форме не схожи. В числе записанных В. Поркка текстов встречаются такие, которые сейчас стали архаизмами, малопонятными для современного поколения, они отражают быт крестьянина того времени.

В свадебных песнях, отмечает докладчик, сохранились сведения о носимой в то время одежде: *маска тулып* "медвежий тулуп", *тумна упш* "совиная шапка" и *элтер тӱран упш* "шляпа с меховым околышем".

Докладчик сожалеет, что упоминаемые в отчете В. Поркка мелодии марийских песен, переложенные священником Гаврилом Яковлевым и учителем Унжинской школы пономарем Удюрминским на ноты, не оказались опубликованными.

Доклад заведующего отделом этнографии МарНИИ Г.А. Сепеева посвящен деятельности ученых по этнографическому изучению марийцев. Он отметил, что из зарубежных исследователей финны внесли наибольший вклад в исследования марийцев, как по объему публикаций, так и по разнообразию культурно-бытовой тематики.

Впервые в непосредственный контакт с марийцами вступили в 20-50 гг. XIX века финские ученые-филологи М. Кастрен, А. Шегрен и А. Альквист. Им принадлежат первые заметки и сведения по этнографии марийцев, а последний доставил в Финляндию первую коллекцию одежды, собранную среди горных марийцев в Козьмодемьянском уезде. Целенаправ-

ленное изучение культуры и быта марийцев развернулось с образованием в Финляндии в 1883 году Финно-угорского общества. В конце XIX-начале XX веков в ареалах расселения марийцев работало несколько этнографических экспедиций финских ученых, обогативших фонды научных обществ и музеев Финляндии уникальными полевыми материалами: коллекциями рисунков, фотографий и вещей. Материалы экспедиций нашли последующее воплощение в ряде ценных публикаций финских этнографов. В докладе отмечен значительный вклад исследователей в изучение различных сторон культуры и быта марийцев: Акселя Хейкеля (поселения, жилища и постройки, бытовая утварь), Альберта Хямяляйнена (семейная обрядность, земледелие, пчеловодство), Уно Харва-Хольмберга (верования и культура, праздничная обрядность) и др. Отдельные сведения по этнографии марийцев содержатся и в публикациях финских филологов А. Генетца, Х. Паасонена, Ю. Вихманна и др. Финские этнографы, сотрудничая с местными краеведами, возбудили у них интерес к изучению культуры и быта, оказали влияние на их последующую научно-краеведческую деятельность (И. Моляров, Н. Троицкая, Т. Евсевьев, Ф. Егоров и др.).

В послеоктябрьскую эпоху контакты финских ученых с Марийским краем постепенно прекратились. Их публикации по этнографии марийцев в 20-40-х годах основывались на ранее собранных материалах (У. Харва, А. Хямяляйнен, И. Маннинен). С усилением культурно-научных связей СССР с Финляндией в послевоенный период возобновились поездки финских ученых в Марийский край. Наибольшую активность в изучении этнографии марийцев в 80-90-е годы, как отмечено в докладе, проявила сотрудница Национального музея Финляндии Илдико Лехтинен, неоднократно побывавшая в различных местах проживания марийцев. Ею опубликован ряд интересных публикаций по марийскому костюму, в том числе монография о марийских украшениях (1994 г.).

В своем докладе "Мифологическая картина мира марийцев в исследованиях финских ученых" доцент Марийского государственного пединститута Ю.А. Калиев остановился на работах А. Генетца, Х. Паасонена, У. Хольмберга, Ю. Вихманна. Особое внимание он уделил работе У. Хольмберга "Религия черемис".

У. Хольмберг отмечал, что в реках и непересыхающих озерах, по представлениям марийцев, живут Вӱдӱдыр, но они не считались такими демоническими существами, каковыми являлся Вӱдия. Вӱдия, как владыка подводного мира, понимался как персонаж, противостоящий представлениям верхнего мира. Далее докладчик говорил о культе Юмынӱдыр и Юмынэрге – Божья дочь и Божий сын, о роли христианства в трансформации и о роли пашенного земледелия.

Старший научный сотрудник МарНИИ Т.Л. Молотова выступила с

докладом: "Финские исследователи о марийском народном костюме". Высоко оценил докладчик работу А. Хейкеля о марийской орнаментации "Орнамент черемис" (Heikel A.O. Die Stikmuster der Tscheremissen, SUS. Y. VI. Helsingfors)(1910-1915). Работа богато иллюстрирована, показана техника исполнения вышивки, мотивы. Эту работу, говорит докладчик, по праву можно считать капитальным исследованием в области орнаментации марийского костюма XIX – начала XX веков.

Фундаментальным исследованием по народному костюму марийцев является монография Юлии Вихманн "Введение в этнографию черемис" (Wichmann J. Beiträge zur Etnographie der Tscheremissen, Helsinki, 1913). В основе работы – ее собственные полевые материалы, собранные в 1905-1906 годах в Козьмодемьянском, Яранском, Уржумском, Царевококшайском и Малмыжском уездах Казанской и Вятской губерний. Работа, как говорит докладчик, подробно описывает и дает полное представление о костюме луговых и горных марийцев конца XIX – начала XX столетий. К тому же, в ней автор раскрывает способы изготовления одежды (покрой), характеризует орнаментацию одежды, намечает степень бытования тех или иных форм одежды. Исследование хорошо иллюстрировано. Далее докладчик дает характеристику исследованиям М. Маннинена, Т. Вахтера, Т. Вуорела.

Довольно большое место в докладе уделено работам И. Лехтинен: "Женские украшения Центральной России и Западной Сибири" (Lehtinen J. Naisten Korut Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa. Helsinki. 1979), "Модная горномарийская женская одежда" (Lehtinen J. Muotitietoinen vuorimarinaisen puku SUST, 183. Helsinki. 1983), "Тимофей Евсевьев – великий марийский собиратель" (Lehtinen J. Timofei Jevsevjev – der grosse Tscheremissisch Sammler, SUSKJ XII. Helsinki - forssa). И. Лехтинен опубликовала более 20 статей, посвященных украшениям и одежде марийцев. Особо следует отметить докторскую диссертацию И. Лехтинен "Марийские женские украшения" (Lehtinen J. Tscheremissescher Schmuck. Helsinki, 1994), в которой, как считает докладчик, автор дает не только анализ украшений, описание современного марийского костюма, но и немалое внимание уделяет женщинам-марийкам, изготовляющим эти украшения. Т.Л. Молотова даже раскрыла планы финского исследователя на будущее. Участники конференции узнали, что И. Лехтинен собирается издать монографию о марийском жилище, изучить женскую культуру и выяснить роль марийской женщины в сохранении традиционной культуры.

Доклад заведующего отделом фольклора и искусств МарНИИ, кандидата искусствоведения В.Г. Кудрявцева "Графический материал в изучении культуры марийцев (по результатам этнографических экспедиций финских ученых)" главным образом посвящен работам А. Рейнхольма,

которому посильную помощь оказывали марийцы Кузьма Павлович Корнилов (д. Б. Кильмезь) и Тимофей Евсевьевич Евсевьев (д. Азъял).

А. Рейнхольм стоял у истоков становления художественных связей с родственными народами. Он не успел создать больших тематических полотен, хотя и приближался к этому в своих многочисленных эскизах композиций о жизни марийцев-язычников.

Докладчик выделяет такие работы А. Рейнхольма, как автобиографический рисунок у жердевого овина-шиша, "Тошто Торъял", "Обработка туши жертвенного животного", "Черемисский керемет", "Кочмо жап" (Время обеда), "Сорта йолым ямдылат" (Приготовление подсвечника). Докладчик заключает, что марийское язычество впервые отображается в произведениях профессионального изобразительного искусства, и первопроходцем здесь стал финский художник А. Рейнхольм. Его многофигурные композиции по языческим обрядам находили строгую сюжетно-тематическую построенность, они могли бы стать эскизами больших полотен. Графический материал и сегодня является богатым источником в изучении многих сторон материальной культуры марийского народа.

Младший научный сотрудник отдела этнографии МарНИИ О.А. Калинина выступила с докладом на тему: "Финские ученые о традиционных праздниках марийцев". Наиболее весомый вклад по своей значимости в изучение традиционных праздников и обрядов марийцев, считает докладчик, внесли финские ученые-лингвисты Х. Паасонен, Ю. Вихманн и фольклорист-этнограф Уно Хольмберг в таких трудах, как "Введение в познание религии и культа черемис" (H. Paasonen. Beiträge zur Kenntnis der Religion und Culten der Tscheremissen. Helsinki, 1902), "Религия черемис" (У. Хольмберг), "Народное творчество и народные обычаи черемис" (Y. Wichmann. Volksdichtung und volksbäruche der Tscheremissen. Helsinki, 1931) и "Из религиозной жизни реформированных черемис" (Y. Wichmann. Ber eine Reformbewegeing der heidnischen Tscheremissen. Helsinki, 1932). Докладчик говорит, что в отличие от других исследователей, У. Хольмберг отошел от простого описания, дал анализ и более глубоко раскрыл содержание праздничной обрядности.

В докладе младшего научного сотрудника отдела этнографии МарНИИ Ф.Ш. Алексеева "Этнографические заметки А. Шегрена о марийцах" дан подробный анализ исследовательской деятельности ученого. Он отметил, что А. Шегрен практически трижды побывал в местах проживания марийцев. Первая встреча с марийцами состоялась в Уржуме и Малмыже и их окрестностях, второй раз он упоминает марийцев на пути между Елабугой и г. Сарапулом. На северо-востоке от Елабуги он нашел группы марийцев, живущих недалеко от Кизяково и Сарапула среди татар, русских и удмуртов. Третий раз А. Шегрен встречался с марийцами на

обратном пути в Санкт-Петербург через города Уржум, Яранск на Ветлугу. Он даже одну ночь провел в марийской деревне Мирянга (Колянур). По пути из г. Яранска на Ветлугу он насчитал десять марийских деревень. Здесь он описал одежду, жилища, женские украшения и был поражен тем, что марийцы по своему физическому типу очень похожи на финнов. По особенностям произношения русских слов среди местного населения он пришел к убеждению, что марийцы могли проживать и в Ундже (ныне Унжа), в 34 км от Ветлуги.

Докладчик заключил, что А. Шегрен первым побывал среди марийцев в январе-августе 1828 г. и посетил луговых, восточных и северо-западных марийцев.

Участники конференции выразили желание и в будущем продолжать научные связи марийских и финских ученых.

Иван Галкин
Йошкар-Ола

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

19-21 ноября 1997 года в г. Глазове (Удмуртия) проходила Международная научная конференция "Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития". Мероприятие посвящалось 150-летию опубликования Евангелий от Матфея и Марка на удмуртском языке и 130-летию Глазовской научной публичной библиотеки им. В.Г. Короленко. В работе конференции участвовало 4 страны; больше участников, разумеется, представила принимающая страна (Россия), были получены материалы из Англии (Кент), Венгрии (Сегед), Финляндии (Хельсинки). Из участников трех зарубежных стран приезжал только Дэвид С. Льюис, доктор философии, магистр экономических наук, консультант-антрополог (Кент).

Подготовка конференции отличалась основательностью, что стало возможным вследствие понимания важности данного мероприятия его учредителями в лице Министерства культуры Удмуртской Республики, Комитета по делам национальностей при Правительстве Удмуртского госпединститута им. В.Г. Короленко и Библиотечно-информационного центра г. Глазова.

О конференции было сообщено в финно-угорские центры в двух информационных письмах, реклама о ней вышла как в газетах регионального характера, общероссийском журнале "Библиотека", так и в международном бюллетене Общества М.А. Кастрена. Все пожелавшие участвовать в ее работе и выславшие материалы получили приглашение. Все участники конференции во время регистрации вместе с программой данного мероприятия получили сборники Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития: Материалы международной научной конференции. Глазов, 19-21 ноября 1997 года. Часть I : Языкознание. Фольклор и литературное краеведение. Библиотека – книга – читатель. Глазов,

1997. 141 С. Часть II: Православие и финно-угры. Мировоззрение и традиционная обрядность. Этнокультурные процессы: история и современность. Семантика и символика в этнической культуре / Глазовский государственный педагогический институт. Глазов, 1997. 141 С.

Поскольку сборники содержат краткое изложение большинства прочитанных докладов, пересказ их всех, по нашему мнению, нецелесообразен. Своевременная публикация материалов облегчила и работу научного форума: с материалами присутствующие ознакомились заранее, поэтому докладчики предоставленные им 20 минут на пленарном заседании или 15 минут на секционном заседании могли использовать по своему усмотрению: для разъяснения некоторых положений, дополнений, исправлений отдельных пунктов или для зачитывания опубликованных материалов.

В связи с обширностью рассматриваемых тем, работа была организована в 5-ти секциях:

1. Языкознание.
2. Фольклор и литературное краеведение.
3. Православие и финно-угры.
4. Этнокультурные процессы: история и современность.
5. Библиотека – книга – читатель.

По секции языкознания количество заявленных докладов составляло двенадцать, к началу работы дополнительно еще была получена по факсу работа аспиранта кафедры угро-финских языков университета им. А. Йожефа г. Сегед (Венгрия) С. Тота на тему "Этимологические связи между названиями знахаря в удмуртском, коми и венгерском языках". По языкознанию 5 докладов были заслушаны на секции и I – на пленарном заседании. В отмеченном сообщении С. Тот возвращается к этимологии удмуртского *типо* и коми *tun*. Хотя автор не решил вопроса происхождения рассматриваемых слов, на основе анализа работ предшественников он ставит под сомнение выводы В.И. Алатырева об исторической связи интересующих слов с удмуртским корнем *tod-* и коми *ted-*, а также с финскими лексемами *tuntea*, *tunne* и венгерским корнем *tud-*.

В вынесенном на пленарное заседание докладе "Роль переводов евангелий изданий 1847 года в истории удмуртского литературного языка" Б.И. Каракулов, отмечая важность рассмотрения сакральных текстов в истории языка и выделяя значение евангелий в ряду других памятников, показал, что многие ошибочные положения в прочитанном на пленарном заседании докладе доктора исторических наук Е.Ф. Шумилова "Евангелие от Матфея" – первая удмуртская печатная книга (1823)" вызваны недостаточной компетентностью исследователя в вопросах языкознания, литературоведения и этнологии. Тем более, подчеркнул докладчик, Е.Ф. Шумилов следует только работам конца XIX века, не учитывая новые.

В докладе "О языковых особенностях первого четвероевангелия на удмуртском языке" Б.И. Каракулов заметил, что настоящая конференция в удмуртском языкознании открывает новое направление, обращенное к языку религиозных текстов. Он выделил возможные способы анализа языка сакральных текстов и методом синхронного подхода сопоставил язык вариантов перевода евангелия от Матфея, отмеченных как "на глазовском" и "на сарапульском" наречиях. Таким образом, было показано, что в этих памятниках уже имеются все признаки литературного языка.

Вопросам контактирования и заимствования был посвящен доклад В.Н. Мартьяновой "Удмуртские этнографизмы, обозначающие пищу в русских говорах Удмуртии". Для анализа были выбраны названия блюд и напитков, перенятые русскими жителями северной части Удмуртии у удмуртов или через удмуртский язык–посредник, как например *суп с колысом*, *табани* с *зыретом*, *аръян* и *кумышка*.

На значении фольклорного слова в контексте обряда и мировоззрения в целом и о его возможном семантическом отличии остановилась в своем докладе "Слово в удмуртском фольклорном контексте" М.Т. Слесарева.

А.В. Баженова представила сообщение "Гидронимы бассейна Чепцы в пределах Удмуртии".

Секция не оставила незатронутыми и другие опубликованные материалы, хотя они из-за отсутствия докладчиков зачитаны уже не были. Публикации касаются широкого круга вопросов: как проблем общего языкознания, так и частного: ономастики, языка фольклора, текста, частей речи, отдельных категорий частей речи и т.д.

Б. Каракулов
Сарапул

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2

КУЛЬТУРНАЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ФИННО-УГОРСКОГО МИРА ЗА 1997 ГОД

6-8 марта *Таллин* — Заседание Совета Международной молодежной ассоциации финно-угорских народов.

14 марта *Петрозаводск* — Основано Общество Калевалы. Общество ставит своей целью вносить вклад в улучшение экономической и экологической ситуации.

25 марта *Москва* — Научно-практическая конференция "Финно-угорский фактор в современном мире". Организована Дипломатической академией МИД Российской Федерации.

Март *Петрозаводск* — Издан первый учебник на вепсском языке "Вепсская грамматика". Автор Н. Зайцева.

12-15 марта *Йошкар-Ола* — Отчетно-выборная конференция учредителей Фонда развития культур финно-угорских народов.

25-26 марта *Тверь* — Заседание международного консультативного комитета финно-угорских народов.

10-13 апреля *Таллин* — Семинар "Интернет в финно-угорском информационном пространстве".

21-24 апреля *Турку, Финляндия* — Международная конференция финно-угорских студентов с участием 150 студентов из Удмуртии, Коми, Финляндии, Венгрии, Эстонии.

26-30 мая *Таллин*	Семинар "Проблемы образования финно-угорских народов".
27 мая *Сомбатхей*, Венгрия	Презентация венгерско-марийско-немецкого словаря.
Май *Хельсинки*	Издан фотоальбом финского фотографа Рейо Риннекангаса о Марий Эл.
Май-июнь *Петрозаводск*	Детский Фольклорный праздник финно-угорских народов.
11-18 июня *Рованиеми*, Финляндия	Дни Республики Коми.
Июнь *Тампере*, Финляндия	Шестой международный фестиваль телепрограмм и телефильмов. Просмотр телефильмов "Финно-угорское самосознание".
3-11 июля *Удмуртия*	Летний лагерь для старших школьников финно-угорских народов.
4-13 июля *Нурмес*, Финляндия	Финно-угорский театрально-художественный фестиваль с участием ансамблей из Финляндии, Эстонии, Республики Коми и Карелии.
9-16 июля *Нурмес*, Финляндия	Летний лагерь победителей конкурса финно-угорских детских сказок "Сату кота" ("Сказочный чум").
11-13 июля *Республика Марий Эл*	Международный фестиваль молодежи финно-угорских народов "Молодежь. Культура. Искусство". В работе фестиваля принимали участие 85 представителей финно-угорских республик и регионов России, Финляндии, Венгрии, Эстонии. В рамках фестиваля прошли Колумбовские чтения, выставка удмуртского фотографа М. Егорова, концерты, работали секции литературы, журналистики, исполнителей самодеятельных национальных песен и художников, лидеров молодежных организаций.

17-21 июля *Тарту*, Эстония	Четвертый международный финно-угорский фольклорный фестиваль.
Июль *Удмуртия*	Летние курсы финского и венгерского языков. Конференция работников библиотек финно-угорских регионов по проблемам информационного обмена.
Июль-август	Велоэкспедиция по финно-угорским регионам. Спортсмены из Мордовии проехали до г. Хельсинки, венгерские спортсмены - до Ханты-Мансийска, марийские - по финно-угорским регионам России. Всего пройдено километров: в 1992 г. (февраль-март) - 4.000, (июнь-июль) - 3.500, в 1994 г. (февраль) - 1.000, в 1997 г. (июль-август) - 3.500.
16-17 августа *Йошкар-Ола*	Второй чемпионат финно-угорских регионов по конному спорту.
21-22 августа *Сыктывкар*	I Фестиваль исполнителей балетного искусства финно-угорских народов "Золотые ласточки".
18-28 августа *Республика Марий Эл*	Седьмой финно-угорский детский лагерь отдыха. Участвовали 240 детей из Коми, Карелии, Эстонии, Ханты-Мансийска, Республики Марий Эл.
25 августа-3 сентября *Хельсинки*	Курсы музейных работников финно-угорских регионов.
11 сентября *Тампере*, Финляндия	Открыта выставка марийского художника Николая Алманова в музее Ленина.
Сентябрь *Сыктывкар*	Научно-практическая конференция по вопросам экологической безопасности.
10-18 октября *Эспоо*, Финляндия	Заседание Международного консультативного комитета финно-угорских народов.

13-14 октября *Во всех финно-угорских регионах*	Дни родственных финно-угорских народов.
13-15 октября *Санкт-Петербург*	IV Международный финно-угорский семинар "Финно-угорские народы и их соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в регионах Балтийского и Баренцева морей".
18 октября *Хельсинки*	Обществом М.А. Кастрена организован семинар "Картина мира в представлении мордовских женщин".
20-25 октября *Сыктывкар*	Семинар молодых литераторов финно-угорских народов.
17-23 октября *Йошкар-Ола*	Третий международный фестиваль театров финно-угорских народов "Майатули". Свои спектакли показали театры Республик Карелии, Коми, Марий Эл, Удмуртии, Коми-Пермяцкого автономного округа, Финляндии, Эстонии. Подписан документ о создании Ассоциации театров финно-угорских народов.
Октябрь, *Петрозаводск*	Фильм "Иисус" переведен и дублирован на карельский язык, став первым фильмом на карельском языке. Автор перевода - З. Дубинина.
5-6 ноября, *Ижевск*	Шестой Всеудмуртский съезд.
18-21 ноября *Лауласмаа*, Эстония	Четвертый конгресс Международной молодежной ассоциации финно-угорских народов. Работало 6 секций: государственная молодежная политика, проблемы деятельности МАФУН (цели и задачи, развитие деятельности МАФУН до 2000 г.), вузы и студенчество (проблемы и возможности сотрудничества ф/у высших учебных заведений и студентов), школы и учащаяся молодежь (проблемы и возможности сотрудничества финно-угорских школ и учащихся, проблемы национального образования), средства массовой информации (обмен информацией в рамках МАФУН и ее использование, о газете

МАФУН, об интернете). Творческая молодежь (задачи и развитие сотрудничества творческой молодежи).

25-30 ноября
Москва

Дни Финляндии в Москве, в рамках которых прошел семинар "Финно-угорские народы в России вчера, сегодня, а что будет завтра?". Присутствовали все представители финно-угорских народов. На семинаре были вручены литературные премии Общества М.А. Кастрена, стипендии за переводческую работу. Представлена книга "Финляндия вчера и сегодня", изданная на пяти финно-угорских языках и на русском языке.

Ноябрь
Санкт-Петербург

Издана книга Сеппо Лаллукка "Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов". Издательство "Европейский Дом".

5 декабря
Санкт-Петербург

Создана Финно-угорская Академия наук.

19-20 декабря
Петрозаводск

Семинар "Международное право, законодательство РФ и ее субъектов по проблемам коренных народов и национальных меньшинств".

Игорь Садовин
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Добродомов Игорь Георгиевич - доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Московского государственного педагогического университета.

Руденко Константин Александрович - кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного музея Татарстана.

Плосков Иван Александрович – научный сотрудник отдела этнографии и фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Лехтинен Илдико - доктор филологии, ведущий научный сотрудник Музейного ведомства Финляндии.

Васкул Игорь Орестович - заместитель директора Национального музея Республики Коми по научной работе, кандидат исторических наук.

Пьянкова Татьяна Алексеевна - заведующий отделом этнографии Национального музея Республики Коми.

Сурина Маргарита Ивановна - заместитель директора по научной работе Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи, заслуженный работник культуры Республики Мордовия, Лауреат Государственной премии Республики Мордовия.

Большова Надежда Ивановна - старший научный сотрудник Национального музея Республики Марий Эл.

Молотова Тамара Лаврентьевна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института им. В. М. Васильева.

Куликов Кузьма Иванович - доктор исторических наук, директор Удмуртского научно-исследовательского института языка, литературы, истории УрО РАН.

Николаев Сергей Дмитриевич – к.и.н., зав. отделом археологии и этнографии Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия.

Никонова Людмила Ивановна – к.и.н., старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия. Член Президиума Межрегиональной общественной организации "Научное общество этнографов и антропологов России".

Андуганов Юрий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Марийского государственного университета.

Рыбалка Владимир Иванович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М.Васильева.

Галкин Иван Степанович – доктор филологических наук, профессор, почетный профессор Марийского государственного университета.

CONTENT

ARTICLES

I. Dobrodomov. About one Burtass word of Zhgon on Postmeryan territory..... 4

N. Lyskova. Possessive as deep case (on the material of Ob-Ugric languages)..... 12

K. Rudenko. Picture on bronze bowl from ancient Mari Veselovsky sepulchre..... 25

REPORTS

I. Ploskov. Peculiarities of short stories-bylines..... 39

E. Lebedeva. Investigation of Mari proverbs and sayings in linguistic aspect..... 45

V. Solovar. Somatic vocabulary of Khant (on the material of Kazym variant)..... 51

FINNO-UGRIC MATERIALS IN WORLD MUSEUMS

I. Lehtinen. Finno-Ugric collection in National Museum of Finland..... 57

I. Vaskul, T. Pyankova. National Museum of Komi Republic..... 67

N. Bolshova, T. Molotova. Ethnographic collection of National Museum of Mari El dedicated to T. E. Yevsevjev..... 84

M. Surina. Museums of Morddvinia..... 94

T. Mezhniyakhmetova. Ethnographic investigation of Finno-Ugric peoples of Bashkortostan (on the material of collection of Archaeology and Ethnography Museum).... 104

N. Volokoslavskaya, O. Danshova, I. Pavlova. National Museums of Olonez..... 110

H. Sarv. Philosophy of Finno-Ugric peoples' life and history of their settlement in exhibition of National Museum of Estonia..... 117

I. Lehtinen. Scientific courses of Finnish and ethnography for employees of museums on Finno-Ugric territories..... 123

PERSONS

K. Kulikov. Ivan Vasilyevich Tarakanov - person and scientist..... 127

V. Rybalka. Gabor Beretsky is 70..... 136

T. Molotova. I. Lehtinen's contribution to Finno-Ugric ethnography..... 139

S. Nikolaev, L. Nikonova. Ethnographers of Mordvinia (to the 65 anniversary of NIIYIE by government of Mordvinian Republic..... 147

REVIEW AND RECENSIONS

Y. Anduganov. Rev.: P. M. Zaykov. Verbal word-changing in Karelian (grammar categories of person-number, tense and mood). Thesis submitted for Degree of Dr. Of Philology Petrozavodsk, 1996, p..... 155

I. Tarakanov. Rev.: M. V. Yambulatova. Suffixes with voice meaning and problem of voice category in Mari. Thesis submitted for Degree of Candidate of Philology. Yoshkar-Ola, 1996, 186 p..... 159

G. Sokolova. Rev.: Contacts de langues et de cultures dans l'aire baltigue. - Uppsala: Centre for Multiethnic Research-Uppsala University, 1996.-150 p. (Contacts of languages and cultures in Baltic region - Uppsala: Centre of Multiethnic Research - Uppsala University, 1996. - 150 p..... 164

A. Yuntunen. Rev.: K. I. Kulikov. Case "SOFIN". Izhevsk: UIIYL URO RAN, 1997, 36 p..... 171

V. Nikitin, T. Nikitina. Rev.: Archaeology of Komi Republic (Chief editor Dr. Of History E. A. Savelyeva). M; 1997, p. 760..... 173

CHRONICLE

I. Galkin. Scientific conference "Finnish Scientists about language and culture of Mari people"..... 184

B. Karakutov. International Conference of Finno-Ugric Study..... 193

I. Sadovin. Cultural and scientific life of Finno-Ugric World in 1997..... 196
Information about authors..... 201

"Финно-угроведение", 1998, № 1-2.

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.
Тел.: 55-37-34

Редактор *Т.А. Товашова*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*

Английский текст *Ж.М. Сабанцевой*
Компьютерный набор и верстка *Х.Н. Полушиной*

Сдано в набор 5.10.98. Подписано в печать 13.11.98. Формат 60 x 84/16.
Объем 12,75. Тираж 500 экз. Бумага книжно-журнальная. Заказ № 843.

Редколлегия журнала
“Финно-угроведение”
предполагает открыть рубрику
“Методика преподавания
языка, культуры и истории
финно-угорских народов”.
Просим наших авторов
поддержать ее своими
публикациями.